

ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕР

Қоғам. Саясат. Экономика

INTERNATIONAL RESEARCH

Society. Politics. Economics

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Общество. Политика. Экономика.



Құрметті оқырмандар!

Сіздердің назарларыңызға «Халықаралық зерттеулер. Қоғам. Саясат. Экономика» журналының кезекті нөмерін ұсынамыз. Журналдың бұл нөмері еуразияшылдыққа, ағым ретіндегі еуразияшылдыққа, ойлау жүйесі ретіндегі еуразияшылдыққа, бірегей құбылыс ретіндегі еуразияшылдыққа арналған.

Журналдық бұл нөмері Л.Н.Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің «Еуразиялық зерттеулер» кафедрасының қолдауымен дайындалды. Қазіргі уақытта бұл ынтымақтастық әлемнің әр түрлі елдерінде еуразияшылдық мәселесі жөнінде алғашқы халықаралық сараптамалық зерттеуді жүргізуде көрініс тапты. Журнал беттерінде біз зерттеу нәтижелерін жариялауды жоспарлап отырмыз. Осы нөмерде танымал сарапшылар Еуразия даму банкінің Сараптамалық басқарма бастығының орынбасары *Солозобов Юрий Михайлович*, Ұлттық стратегия институтының Халықаралық жобалар бойынша директоры *Винокуров Евгений Юрьевич* «**Пікір**» деген жаңа айдарда өзінің ой-тұжырымдарымен бөліседі.

«**Ғалымдармен сұхбат**» атты журналымыздың дәстүрлі айдары Хоккайдо университетінің профессоры, Славян зерттеулер орталығының қызметкері, журналдың Редакциялық Кеңесінің мүшесі *Уяма Томохикомен* таныстырады.

Журналды шығаруда көмек көрсеткені үшін «Жібек жолы» бағдарламасының біріккен орталығы мен Орталық Азия және Кавказ институтының аға ғылыми қызметкерлері *Марлен Ларюэльге* және *Себастьян Пейрузга* алғысымызды білдіреміз.

*Құрметпен,
Журналдың баспагері,
әлеуметтану ғылымдарының кандидаты
Ракишева Ботагөз Исламқызы*

*Журналдың бас редакторы,
саясаттану ғылымдарының докторы
Кожирова Светлана Басейқызы*

Dear readers!

We offer you a new issue of **International Research. Society. Politics. Economics** journal devoted to the problem of Eurasianism – Eurasianism as a trend, Eurasianism as an idea and Eurasianism as a phenomenon.

This issue of the journal was prepared under the support of the Department for Eurasian Studies of the Eurasian National L. N. Gumilyov University. Our cooperation has resulted in holding the first international expert research of the problem of Eurasianism in various countries of the world. We plan to publish the results of the research in our journal.

This issue includes a new rubric entitled **Opinion** within which renowned experts like *Yuriy Solozobov*, Director for International Projects of the National Strategy Institute, and *Yevgeniy Vinokurov*, Deputy Head of the Analytical Department of the Eurasian Development Bank, share their views and opinions.

Interviews with **Scholars rubric** acquaints us with professor *Uyama Tomohiko*, Slavic Research Centre of the Hokkaido University, member of the Editorial Board of our journal.

We would like to thank *Marlène Laruelle* and *Sebastien Peyrouse*, senior research fellows with the Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program for their assistance in preparing this issue of the journal!

Sincerely yours,
Rakisheva Botagoz,
Candidate of Sociological Sciences,
Magazine publisher

Kozhirova Svetlana,
Doctor of Political Sciences,
Editor-in-Chief

Дорогие читатели!

Вашему вниманию предлагаем очередной номер журнала «**Международные исследования. Общество. Политика. Экономика**». Данный номер журнала посвящен евразийству, евразийству как течению, евразийству как мысли, евразийству как феномену.

Данный номер журнала подготовлен при поддержке кафедры «Евразийских исследований» Евразийского национального университета им.Л.Н.Гумилева. В настоящий момент наше сотрудничество вылилось в проведение первого международного экспертного исследования по вопросам евразийства, которое проводится в различных странах мира. На страницах журнала мы планируем публикацию результатов исследования.

В данном номере инициирована рубрика «**Мнение**», в которой поделились своими размышлениями известные эксперты, *Солозобов Юрий Михайлович*, директор по Международным проектам Института национальной стратегии и *Винокуров Евгений Юрьевич*, заместитель начальника Аналитического управления Евразийского банка развития.

Традиционная рубрика «**Интервью с учеными**» знакомит нас с профессором *Уямой Томохико*, сотрудником Центра славянских исследований Университета Хоккайдо, членом редакционного совета нашего журнала.

Благодарим за помощь в выпуске журнала *Марлен Ларюэль* и *Себастьяна Пейруза*, старших научных сотрудников Института Центральной Азии и Кавказа и Совместного центра программы «Шелковый путь».

*С уважением,
Ракишева Ботагоз Ислямовна,
кандидат социологических наук,
издатель журнала*

*Кожирова Светлана Басейовна,
доктор политических наук,
Главный редактор журнала*

ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕР

Қоғам. Саясат. Экономика

Халықаралық ғылыми-сараптамалық және ақпараттық журнал

Бастырушы:

Ракишева Ботагоз Исләмқызы

Әлеуметтік-саяси зерттеулер институты тарапынан шығарылады (Қазақстан)

Бас редактор:

Кожирова Светлана,
саяси ғылымдарының докторы

Бас редактордың орынбасары:

Руднева Евгения, әлеуметтану магистрі

Дизайнер:

Мақсурина Гүлмира

Корректор:

Әдіханова Венера

Аударма:

Колобаев Руслан (ағыл.)
Жолдыбалина Алуа (қаз.)

Редакция алқасы:

Калмыков Сергей,
философия ғылымдарының кандидаты
Сәдуақасова Айгүл,
әлеуметтану ғылымдарының докторы
Жолдыбалина Алуа, Ph.D докторы
Емишева Гүлден, әлеуметтану магистрі
Ахметжанова Наила, агрономия магистрі
Мәжитова Айнұр, әлеуметтану бакалавры
Шалова Гүлден, әлеуметтану бакалавры

Қаржылық-әкімшілік бөлімі:

Бекетаева Дамиля, әлеуметтану магистрі

Негізгі серіктес:

Салыстырмалы әлеуметтік зерттеулер институты ЦЕССИ-Қазақстан

Журнал жылына 4 рет басылып шығады.

Редакцияның мекен-жайы:

000001, Астана, Абай даңғылы 86 (30), 1 кеңсе.
Телефондары: 457 002, 457 003
Электрондық адрес: ispr@ispr.kz, ir@ispr.kz
Сайт: www.ispr.kz

Басуға 15 қыркүйек 2010 жылы қол
қойылды. Пішімі 170x260 мм.
Таралымы: 1000 дана
ЖШС "Жарқын Ко"
баспаханасында басылған.

Жазылу индексі: 74270

Журнал Ақпарат және мұрағат комитеті мен
Қазақстан Республикасы Мәдениет
және ақпарат министрлігінде тіркелген
№ 10291- Ж. куәлігі

Авторлардың көзқарасы мен редакция
ұстанымының үйлесуі міндетті емес.

Журнал материалдарын пайдаланған кезде
міндетті түрде дереккөздер көрсетілуі тиіс.

МАЗМҰНЫ

Редакциядан 3

Қазақстан

ҚИМ Г. Н. Еуразияның халықаралық
байланыстар жүйесіндегі Қазақстан
Республикасы мен Корея
Республикасы..... 12

СЕЛИВЕРСТОВ С. В. «Өз адамдары
арасында бөтен, және бөтендер арасында
өз адамы»: Л.Н. Гумилев 1950 жылдар
аяғында және 1960 жылдар басында
еуразияшылдық жолында 20

ВИНОКУРОВ Е.Ю., ЛИБМАН А.М.
Бірікк ен трендтерді сандық бағалау:
ЕАД Б еуразиялық интеграциясы
индикаторларының жүйесі..... 30

СҚАКОВСКИЙ Л.Р. «Өркениеттің алтын
күзі» этногенездің инерциялық фазасы
ретінде: жетістіктері, мәселелері және
кедергілері..... 48

Украина

ТОҚАРЬ П.В. «Еуразиялық кеңістіктегі
көші-қон саясаты: мәселені зерттеуге
концептуалды тұрғыдан қарау» 52

Ресей

ПОЛЕТАЕВ Д. В. Басқа елдердің жоғарғы
оқу орындарымен салыстырмалы түрде
ресейлік жоғарғы оқу орындардағы
оқытудың келешегі туралы қазақстандық
мектеп оқушыларының ой-пікірлері..... 60

АҚШ

М. ЛАРИЮЭЛЬ (Нео)евразиялықтар және
саясат: мемлекеттік жүйеге "кіру" және
қоғамдық пікірдегі
айырмашылықтар? 71

С. ПЕЙРУЗ Орталық Азия және
ЕО арасындағы іскерлік және сауда
қатынастары 80

Пікір

СОЛОЗОВ Ю. М. Жаңа
еуразияшылдық – сәнді бренд пе
немесе өзекті доктрина ма? 96

ВИНОКУРОВ Е. Ю. Посткеңестіктен
еуразиялық интеграцияға қарай 100

Ауызша тарих

«...біздің пойызды теңізге жіберіп, бізді
батырмақ...» 102

Ғалымдармен сұхбат

Уямо Томохико 110

Ғылыми семинарлар

БЕРДАҒҰЛОВА С.К. Қазіргі заманғы
суицидтік лаңкестік: пайда болуы,
ағымдары, алдын-алу жолдары..... 118

Түйіндеме 122

Кітапқа шолу..... 128

Авторлар үшін ақпарат 130

РЕДАКЦИЈАЛЫҚ КЕҢЕС

Редакциялық кеңестің төрағасы:

ЦЕССИ – Қазақстан Салыстырмалы әлеуметтік зерттеулер институтының директоры, ӘЗСИ–Қазақстан Бағдарламасының директоры, әлеуметтік ғылымдарының кандидаты

Ракишева Ботагоз Исләмқызы

Алексеевко Александр Николаевич – Шығыс гуманитарлық институты демографиялық зертхана меңгерушісі, тарих ғылымдарының докторы, профессор (Өскемен, Қазақстан)

Анджей Вержицкий – Варшава Университеті Саясаттану ғылымдары институтының қызметкері, Шығыс (Посткеңестік) зерттеулер кафедрасы, саяси ғылымдарының докторы (Варшава, Польша)

Анита Сенгупта – Маулан Абул Калам Азад атындағы Азиятық зерттеулер институтының қызметкері, саяси ғылымдарының докторы, профессор (Калькутта, Үндістан)

Арто Лукканен – Ренвалл Институты Ресей және Шығыс Еуропа зерттеулерін үйлестірушісі, адъюнт-профессор, саяси ғылымдарының докторы (Хельсинки, Финляндия)

Бавна Деви – Лондон университеті Шығыс және африканық зерттеулер мектебі жанындағы Заманауи Орталық Азия мен Кавказ Орталығының төрағасы, саяси ғылымдарының докторы, профессор (Лондон, Ұлыбритания)

Грегори Глиссен – Нью-Мексико университеті Ұлттық қауіпсіздікті зерттеу бағдарламасының директоры, профессор, саяси ғылымдарының докторы (АҚШ, Германия)

Жүнісова Жаңылжан Қасымқызы – Мемлекеттік саясат кафедрасының меңгерушісі, Мемлекеттік Саясаттың Ұлттық Мектебі, Қазақстан Республикасы Президентінің Жанындағы Мемлекеттік Басқару Академиясы, Саясаттану ғылымдарының докторы, профессор (Астана, Қазақстан)

Донг Янг – Қытай Әлеуметтік ғылымдар академиясының Ресей, Шығыс Еуропа мен Орталық Азия институты директорының орынбасары, профессор (Бейжин, Қытай)

Дятлов Виктор Иннокентьевич – Иркутск мемлекеттік университеті Әлем Тарихы және халықаралық қарым-қатынастар кафедрасының профессоры, «Диаспора» журналы редакторының орынбасары, «Ішкі Азия» зерттеу орталығының директоры, тарих ғылымдарының докторы (Иркутск, Ресей)

Каюм Кесиджи – Еуропа Қазақ қоғамдары Федерациясының төрағасы, саяси ғылымдарының докторы (Мюнхен, Германия)

Ким Герман Николаевич – әл-Фараби атындағы ҚазҰУ корейтану кафедрасының профессоры, тарих ғылымдарының докторы (Алматы, Қазақстан)

Коркут Туна – Стамбул университеті Гуманитарлық факультетінің деканы, Түркітілдес елдер әлеуметтанушылары одағының Президенті, профессор (Стамбул, Түркия)

Косимшо Искандаров – Тәжікстан Республикасы Мемлекеттік қызметкерлердің біліктілігін көтеру институты Мемлекеттік басқару және мемлекеттік қызмет зерттеу орталығының директоры, Тәжікстан Республикасы Ғылым Академиясының Шығыстану және жазба мұралар институтының Тарих және аймақтық шиеленістерді зерттеу бөлімінің меңгерушісі, тарих ғылымдарының докторы (Душанбе, Тәжікстан)

Кушкумбаев Санат Кайрслямович – Қазақстан Республикасы жанындағы Қазақстан стратегиялық зерттеулер институтының бас ғылыми қызметкері, саяси ғылымдарының докторы (Алматы, Қазақстан)

Ма Венпу – Бейбітшілік және қарусыздандыру Бүкілқытайлық халықтық ассоциациясының (CPAPD) вице-президенті, Қытай Халық Республикасы Ұлттық Халықтық Конгресінің Сыртқы істер бойынша Комитет төрағасының орынбасары, профессор (Бежин, Қытай)

Марлен Ларюэль – Қауіпсіздіктің дамуы және саясаты жөніндегі институт және Джонс Хопкинс университетінің жетекші халықаралық зерттеулер факультетімен серіктестік қатынастарды қолдайтын, «Жібек жолы» біріккен орталығының зерттеу бағдарламасының, Кавказ және Орталық Азия институтының аға ғылыми қызметкері, Ph.D (Вашингтон, АҚШ)

Полетаев Дмитрий Вячеславович – Көші-қон зерттеулер орталығының (Ж.А. Зайончковская орталығы) сарапшысы, Ресей Ғылым Академиясының Халық шаруашылығын болжау институтының Көші-қонды сараптау және болжау зертханасының бас ғылыми маманы, экономика ғылымдарының кандидаты (Мәскеу, Ресей)

Раса Алишаускиене –Baltic Sarveys /The Gallup Organization зерттеу институтының бас директоры, әлеуметтану профессоры (Вильнюс, Литва)

Сара О'Хара – Ноттингем университеті әлеуметтік ғылымдар факультетінің деканы, география профессоры (Ноттингем, Ұлыбритания)

Себастьян Пейрус – Қауіпсіздіктің дамуы және саясаты жөніндегі институт және Джонс Хопкинс университетінің жетекші халықаралық зерттеулер факультетімен серіктестік қатынастарды қолдайтын, «Жібек жолы» біріккен орталығының зерттеу бағдарламасының, Кавказ және Орталық Азия институтының аға ғылыми қызметкері, Ph.D (Вашингтон, АҚШ)

Сыроежкин Константин Львович – Қазақстан Республикасы Президенті жанындағы Қазақстан стратегиялық зерттеулер институтының аға ғылыми қызметкері, профессор, саяси ғылымдарының докторы (Алматы, Қазақстан)

Татьяна Дронзина – Климент Охридский атындағы София университетінің саясаттану кафедрасының профессоры, саяси ғылымдарының докторы (София, Болгария)

Уильям Фиерман – Орталық Азия зерттеулер факультетінің профессоры, Индиана штатының университеті, саяси ғылымдарының докторы (Ph.D) (Блумингтон, АҚШ)

Уяма Томохио – Хоккайдо университеті Славян зерттеулері орталығының профессоры (Хоккайдо, Жапония)

Хаяти Тюфекчиоглу – Стамбул университеті Еуразия институтының директоры, әлеуметтану ғылымдарының докторы, профессор (Стамбул, Түркия)

Эм Гу-хо – Халықаралық зерттеулер факультетінің профессоры, Азия-Тынық мұхиттық зерттеулер орталығының директоры (Сеул, Оңтүстік Корея)

INTERNATIONAL RESEARCH

Society. Politics. Economics

International Research Magazine

Published

by Botagoz Islyamovna Rakisheva

Institute for Social and Political Research
(Kazakhstan)

Editor-in-chief:

Kozhirova Svetlana,
Ph.D (Political Science)

Deputy Editor-in-chief:

Rudneva Yevgeniya, Master of Sociology

Designer:

Maksurina Gulmira

Proofreader:

Adykhanova Venera

Translators:

Kolobayev Ruslan (English)
Zholdybalina Alua (Kazakh)

Editorial Staff:

Kalmykov Sergei,
Candidate of Science (Philosophy)
Sadvakassova Aigul, Ph.D (Sociology)
Zholdybalina Alua, Ph.D Political Science
Yemisheva Gulden, Master of Sociology
Akhmetzhanova Nailiya, Master of Agronomy
Mazhitova Ainur, Bachelor of Sociology
Shalova Gulden, Bachelor of Sociology

Financial Department:

Beketayeva Damilya, Master of Sociology

The main partner:

Institute for Comparative Social Research
CESSI-Kazakhstan

The magazine is issued four times a year.

Address:

of. 1, 86 (30) Abai Avenue,
000001, Astana, Kazakhstan
Tel.: 457 002, 457 003
Email: ispr@ispr.kz, ir@ispr.kz
Website: www.ispr.kz

Signed for printing September 15, 2010
Format 170x260 mm.
Circulation: 1000 copies
Printed LLC "Zharkyn Co "

Subscription index: 74270

The magazine was registered by Committee
of Information and Archive, Ministry of Culture
and Information of the Republic of Kazakhstan.
License № 10291- ZH

The authors' point of view should not always be
concurrent with the publisher's opinion.
No materials of this magazine maybe used or
reproduced without reference

CONTENT

<i>From the Publisher</i>	3
<i>Kazakhstan</i>	
G. N. KIM The Republic of Kazakhstan and the Republic of Korea in the system of international ties of Eurasia	12
S. V. SELIVERSTOV «At home among strangers , a stranger among his own»: L.N. Gumilyov towards Eurasianism in the late 1950s-early 1960s.....	20
Y.Y. VINOKUROV, A. M. LIBMAN Quantitative evaluation of integration trends : Results of the EDB's System of Indicators of Eurasian Integration	30
L.R. SKAKOVSKY «The Golden Autumn of Civilization» as an inertial phase of ethnogenesis: achievements, problems and costs	48
<i>Ukraine</i>	
P.V. TOKAR «Migration policy in Eurasia: conceptual approach to studying the problem»	52
<i>Russia</i>	
D. V. POLETAYEV The opinion of Kazakhstan schoolchildren about the prospects of education in Russian universities in comparison with universities of other countries	60
<i>USA</i>	
M. LARUELLE The (Neo-)Eurasianists and Politics: Entryism in State Structures or Indifference toward Public Opinion?	71
S. PEYROUSE The Business and Trade Relationship between the EU and Central Asia	80
<i>Opinion</i>	
Y. M. SOLOBOZOV New Eurasian Idea is a fashion brand or an urgent doctrine?	96
Y.Y. VINOKUROV From former -soviet integration to Eurasian integration	100
<i>Oral history</i>	
«...our train will be forwarded into the sea and we are going to be drowned...»	102
<i>Interviews with scholars</i>	
Uyama Tomohiko	110
<i>Scientific seminars.</i>	
S. K. BERDAGULOVA Modern suicide terrorism: origin, trends, ways of prevention	118
<i>Summary</i>	122
<i>Book review</i>	128
<i>Information for Future Authors</i>	130

EDITORIAL BOARD

Head of the Editorial Board:

Rakisheva Botagoz Islyamovna,

Director, Institute for Comparative Social Research
CESSI-Kazakhstan;

Program Director, Institute for Socio-Political Research
ISPR-Kazakhstan,

Candidate of Science (Sociology)

Alekseyenko Aleksandr Nikolayevich – Head,
Demography Laboratory, Eastern Humanitarian
Institute, Ph.D (History), Professor
(Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan)

Andrzej Wierzbicki – Fellow, Institute of Political
Science, Warsaw University,
Department of the Eastern (Post-Soviet) Studies;
Ph.D (Political Science),
(Warsaw, Poland)

Anita Sengupta – Fellow, Maulana Abul Kalam Azad
Institute of Asian Studies,
Ph.D (Political Science), Professor
(Kolkata, India)

Arto Luukkanen – Coordinator, Russian and East
European Studies, Renvall Institute, Adjunct
Professor, Ph.D (Political Science)
(Helsinki, Finland)

Bhavna Dave – Chair, Center of Contemporary Central
Asia and the Caucasus under the School of
Oriental and African Studies, University of
London; Ph.D (Political Science), Professor
(London, Great Britain)

Gregory Gleason – Director, National Security Studies
Program, University of New-Mexico, Professor,
Ph.D (Political Science)
(U.S.A., Germany)

Junussova Zhanylzhan Khassymovna – Head of Public
Policy Department, National School of Public
Policy, Academy of Public Administration under
the President of the Republic of Kazakhstan,
Doctor of Political Sciences, Professor
(Astana, Kazakhstan)

Dong Xiaoyang – Deputy Director, Institute of Russian,
Eastern European and Central Asian Studies
under the Chinese Academy of Social Sciences,
Professor (Beijing, China)

Dyatlov Viktor Innokentyevich – Professor,
Department of the World History and
International Relations, Irkutsk State University;
Deputy Editor-in-Chief,
Magazine "Diasporas"; Director, Research
Center "Internal Asia", Ph.D (History)
(Irkutsk, Russia)

Kayyum Kesici – Chair person, Federation of European
Kazakh Associations, Ph.D (Political Science)
(Munich, Germany)

Kim German Nikolayevich – Professor, Department of
Korean Studies, Kazakh National University
named after al-Farabi, Ph.D (History)
(Almaty, Kazakhstan)

Korkut Tuna – Dean, Humanitarian School,
Istanbul University; President, the Union of
Turkish World Sociologists,
Ph.D (Sociology), Professor
(Istanbul, Turkey)

Kossimsho Iskandarov – Director, Research Center
for Public Administration and Public Service,
Institute of Advanced Training of Public Officers
(IAT PO) of the Republic of Tajikistan; Chairman,
Division of History and Regional Conflicts,
Institute of Oriental Studies and Written

Heritage of the Academy of Sciences of the
Republic of Tajikistan; Ph.D (History)
(Dushanbe, Tajikistan)

Ma Wenpu – Vice-President, Chinese People's
Association for Peace and Disarmament
(CPAPD); Vice-Chairman, Foreign Affairs
Committee of the National People's Congress
of the Chinese People's Republic, Professor
(Beijing, China)

Marlene Laruelle – is a senior staff scientist of the
Institute of Central Asia and Caucasus and
"Silk Way" Research Program – a joint center
which maintain partnership relations with the
Faculty for Leading International Researches
of James Hopkins University and the Institute
of Politics and Development Security, Ph.D
(Washington, USA)

Poletaev Dmitry Vyacheslavovich –
Expert, Center of Migration Studies
(J.A. Zaionchkovskaya's Center);
Leading Researcher, Laboratory of
Migration, Institute of Economic Forecasting
of Russian Academy of Sciences, Ph.D.,
Candidate of Science (Economics)
(Moscow, Russia)

Rasa Alisauskiene – General Director, Research
Institute, Baltic Surveys /The Gallup
Organization, Ph.D (Social Sciences),
Assistant Professor (Vilnius, Lithuania)

Sanat Kairslyamovich Kushkumbayev – Chief
Researcher of the Kazakhstan Institute for
Strategic Studies under the President of
the Republic of Kazakhstan, PhD in Political
Sciences (Almaty, Kazakhstan)

Sara O'Hara – Dean, Faculty of Social Sciences,
School of Geography, Nottingham University,
Professor of Geography
(Nottingham, United Kingdom)

Sebastien Peyrouse – is a senior staff scientist of the
Institute of Central Asia and Caucasus and
"Silk Way" Research Program – a joint center
which maintain partnership relations with the
Faculty for Leading International Researches
of James Hopkins University and the Institute
of Politics and Development Security, Ph.D
(Washington, USA)

Syroyezhkin Konstantin Lvovich – Senior
Researcher, Kazakhstan Institute for
Strategic Studies under the President of the
Republic of Kazakhstan, Professor, Ph.D
(Political Science), (Almaty, Kazakhstan)

Tatyana Dronzina – Professor, Department of
Political Science, Kliment Ohridski University
of Sofia; Ph.D (Political Science)
(Sofia, Bulgaria)

William Fierman – Professor, Department of Central
Eurasian Studies, Indiana university, Ph.D
(Political Science) (Bloomington, USA)

Uyama Tomohiko – Professor of Central Asian
Studies, Slavic Research Center, Hokkaido
University (Hokkaido, Japan)

Hayati Tufekcioglu – Director, Eurasian Institute,
Istanbul University, Ph.D (Sociology),
Professor (Istanbul, Turkey)

Um Gu-ho – Professor, Graduate School of
International Studies; Head, Hanyang
University's Asia-Pacific Research Center
(APRC) (Seul, South Korea)

Издатель:

Ракишева Ботагоз Ислямовна

Издается при институте социально-политических исследований (Казахстан)

Главный редактор:Кожирова Светлана,
доктор политических наук**Зам. главного редактора:**

Руднева Евгения, магистр социологии

Дизайнер:

Максурина Гульмира

Корректор:

Адыханова Венера

Перевод:Колобаев Руслан (англ.),
Жолдыбалина Алуа (каз.)**Редакционная коллегия:**Калмыков Сергей,
кандидат философских наук
Садвакасова Айгуль,
доктор социологических наук
Жолдыбалина Алуа, PhD (политология)
Емишева Гульден, магистр социологии
Ахметжанова Наила, магистр агрономии
Мажитова Айнур, бакалавр социологии
Шалова Гульден, бакалавр социологии**Финансово-административный отдел:**

Бекетаева Дамиля, магистр социологии

Основной партнер:Институт сравнительных социальных
исследований ЦЕССИ-Казахстан

Журнал выходит 4 раза в год

Адрес редакции:000001, Астана, пр. Абая, 86 (30), оф. 1
Телефоны: 457 002, 457 003
Электронная почта: ispr@ispr.kz, ir@ispr.kz
Сайт: www.ispr.kzПодписано в печать 15 сентября 2010 года.
Формат 170x260 мм. Тираж: 1000 экз.
Отпечатано в типографии ТОО "Жаркын Ко"**Подписной индекс: 74270**Журнал зарегистрирован
Комитетом информации и архивов
Министерства культуры и информации
Республики Казахстан.
Свидетельство № 10291- ЖТочка зрения авторов не обязательно
совпадает с позицией редакции.
При использовании материалов журнала
ссылка обязательна.
Редакция не несет ответственности за
материалы, предоставленные авторами**СОДЕРЖАНИЕ**

<i>От редакции</i>	3
<i>Казахстан</i>	
КИМ Г. Н. Республика Казахстан и Республика Корея в системе международных связей Евразии	12
СЕЛИВЕРСТОВ С. В. «Свой среди чужих, чужой среди своих»: Л.Н. Гумилев на путях к евразийству в конце 1950-х – начале 1960-х годов	20
ВИНОКУРОВ Е.Ю., ЛИБМАН А.М. Количественная оценка интеграционных трендов: результаты Системы индикаторов евразийской интеграции ЕА БР	30
СКАКОВСКИЙ Л.Р. «Золотая осень цивилизации» как инерционная фаза этногенеза: достижения, проблемы и издержки	48
<i>Украина</i>	
ТОКАРЬ П.В. Миграционная политика на евразийском пространстве: концептуальный подход к исследованию проблемы	52
<i>Россия</i>	
ПОЛЕТАЕВ Д.В. Мнение казахстанских школьников о перспективах обучения в российских вузах по сравнению с вузами других стран	60
<i>США</i>	
М. ЛАРЮЭЛЬ (Нео)евразийцы и политика: «вхождение» в госструктуры и безразличие к общественному мнению? 71	
С. ПЕЙРУЗ Деловые и торговые отношения между ЕС и Центральной Азией	80
<i>Мнение</i>	
СОЛОЗОВ Ю. М. Новое евразийство – модный бренд или актуальная доктрина?	96
ВИНОКУРОВ Е. Ю. От постсоветской к евразийской интеграции	100
<i>Устная история</i>	
«...наш поезд отправят в море и потопят нас...»	102
<i>Интервью с учеными</i>	
Уяма Томохико	110
<i>Научные семинары</i>	
БЕРДАГУЛОВА С.К. Современный суицидный терроризм: происхождение, течения, пути предотвращения	118
<i>Резюме статей</i>	122
<i>Книжное обозрение</i>	128
<i>Информация для авторов</i>	130

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель редакционного совета:

Ракишева Ботагоз Ислямовна,

директор Института сравнительных социальных исследований ЦЕССИ-Казахстан, директор Программ ИСПИ-Казахстан, кандидат социологических наук

Алексеев Александр Николаевич – заведующий демографической лабораторией Восточного гуманитарного института, доктор исторических наук, профессор (Усть-Каменогорск, Казахстан)

Анджей Вержбицкий – сотрудник Института политических наук Варшавского университета, кафедра восточных (постсоветских) исследований, доктор политических наук (Варшава, Польша)

Анита Сенгупта – сотрудник Института азиатских исследований им. Мауланьи Абул Калам Азада, доктор политических наук, профессор (Калькутта, Индия)

Арто Лукканен – координатор исследований России и Восточной Европы Института Ренвалл, адъюнт-профессор, доктор политических наук (Хельсинки, Финляндия)

Бавна Деви – председатель Центра современной Центральной Азии и Кавказа при Школе восточных и африканских исследований Лондонского университета, доктор политических наук, профессор (Лондон, Великобритания)

Грегори Глиссен – директор Программ исследований национальной безопасности университета Нью-Мексико, профессор, доктор политических наук (США, Германия)

Джунусова Жанылжан Хасымовна – заведующая кафедрой «Государственная политика» Национальной школы государственной политики Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан, доктор политических наук, профессор (Астана, Казахстан)

Донг Янг – заместитель директора Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии социальных наук, профессор (Пекин, Китай)

Дятлов Виктор Иннокентьевич – профессор кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета, зам. главного редактора журнала «Диаспоры», директор Исследовательского центра «Внутренняя Азия», доктор исторических наук (Иркутск, Россия).

Каюм Кесиджи – председатель Федерации ассоциации европейских казахов, доктор политических наук (Мюнхен, Германия)

Ким Герман Николаевич – профессор кафедры корееведения КазНУ им. аль-Фараби, доктор исторических наук, профессор (Алматы, Казахстан)

Коркут Туна – декан гуманитарного факультета Стамбульского университета, президент Союза социологов тюркоязычных стран, доктор социологических наук, профессор (Стамбул, Турция)

Косимшо Искандаров – директор Исследовательского центра государственного управления и государственной службы Института повышения квалификации государственных служащих (ИПКГС) Республики Таджикистан, заведующий отделом истории и исследований региональных конфликтов Института востоковедения и письменного наследия

Академии наук Республики Таджикистан, доктор исторических наук (Душанбе, Таджикистан)

Кушкумбаев Санат Кайрслямович – Главный научный сотрудник Казахстанского института стратегических исследований при Президенте РК, доктор политических наук (Алматы, Казахстан)

Ма Венпу – вице-президент Всекитайской народной ассоциации за мир и разоружение (CPAPD), заместитель председателя Комитета по иностранным делам Национального народного конгресса Китайской Народной Республики, профессор (Пекин, Китай)

Марлен Ларюэль – старший научный сотрудник Института Центральной Азии и Кавказа и исследовательской программы «Шелковый путь» – объединенного центра, поддерживающего партнерские отношения с факультетом передовых международных исследований Университета Джонса Хопкинса и Института по политике и безопасности развития (Вашингтон, США)

Полетаев Дмитрий Вячеславович – эксперт Центра миграционных исследований (Центра Зайончковской Ж.А.), ведущий научный сотрудник лаборатории анализа и прогнозирования миграции Института народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук, кандидат экономических наук (Москва, Россия)

Раса Алишаускиене – генеральный директор исследовательского института Baltik Sarveys / The Gallup Organization, профессор социологии (Вильнюс, Литва)

Сара О'Хара – декан факультета социальных наук университета Ноттингем, профессор географии (Ноттингем, Великобритания)

Себастьян Пейрус – старший научный сотрудник Института Центральной Азии и Кавказа и исследовательской программы «Шелковый путь» – объединенного центра, поддерживающего партнерские отношения с факультетом передовых международных исследований Университета Джонса Хопкинса и Института по политике и безопасности развития (Вашингтон, США)

Сыроежкин Константин Львович – главный научный сотрудник Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, доктор политических наук, профессор (Алматы, Казахстан)

Татьяна Дронзина – профессор кафедры политологии Софийского университета им. Климента Охридского, доктор политических наук (София, Болгария)

Уильям Фиерман – профессор факультета Центрально-Азиатских исследований, Университета штата Индиана, доктор политических наук (PhD) (Блумингтон, США)

Уяма Томохико – профессор Центра славянских исследований Университета Хоккайдо (Хоккайдо, Япония)

Хаяти Тюфекчиоглу – директор Института Евразии Стамбульского университета, доктор социологических наук, профессор (Стамбул, Турция)

Эм Гу-хо – Директор центра Азиатско-тихоокеанских исследований, профессор факультета международных исследований (Сеул, Южная Корея)

РЕСПУБЛИКА КАЗАХСТАН И РЕСПУБЛИКА КОРЕЯ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ СВЯЗЕЙ ЕВРАЗИИ

КИМ ГЕРМАН НИКОЛАЕВИЧ

доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник
Казахстанского института стратегических исследований (КИСИ)
при Президенте Республики Казахстан (Астана, Казахстан)

Республика Корея имеет дипломатические отношения со 186 странами мира, из которых более половины относятся к Евразийскому континенту. Внешнеполитическая деятельность южнокорейского правительства акцентирована на достижение стабильности и мира в Северо-Восточной Азии, урегулирование ядерной проблемы Северной Кореи, укрепление связей со своими основными партнерами – США и Японией, а также на расширение связей со странами-членами АСЕАН, Европейского союза, Китайской Народной Республикой, Российской Федерацией и государствами Центральной Азии.

За последнее десятилетие центральноазиатский вектор в международных отношениях Республики Кореи стал одним из приоритетных, и прежде всего в экономической сфере, ибо для нее жизненно важны как новые рынки сбыта, так и стабильные источники минерального сырья. Выгодное геополитическое положение Казахстана в Евразии; его прочная политико-экономическая система, построенная на демократических принципах и рыночной экономике; богатство недр и минеральных ресурсов; амбициозная программа форсированного индустриально-инновационного развития страны; Таможенный союз с Россией и Белоруссией; строящийся логистический коридор «Западный Китай-Западная Европа»; проживание значительной корейской диаспоры – вот далеко не полный перечень объективных причин для того, чтобы Сеул относился к Астане как стратегическому партнеру.

В свою очередь, плодотворное и перспективное сотрудничество вызвало пристальный взаимный интерес не только политиков и бизнесменов, но и исследователей разных направлений наук: политологии, экономики, истории, культурологии и т. п. В Казахстане в течение прошедшего десятилетия вышли книги, монографии и статьи о современной Республике Корее [1]; ряд ученых защитили диссертации по сотрудничеству с ней в области экономики, образования, науки, массовой культуры [2]; прошли научно-практические конференции, семинары и «круглые столы» [3] по состоянию и перспективам казахстанско-южнокорейских отношений. Корейские ис-

[1] Ким Г.Н. Республика Корея. Страны Мира. Алматы: Дайк-пресс, 2010. 584 с.

[2] Алимбаева Ж.Н. История становления и развития массовой культуры Южной Кореи. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Алматы, 2010. – 24 с.; Берлибаева А. Б. История экономического сотрудничества центральноазиатских государств и Республики Корея (1991-2009 гг.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Алматы, 2010. – 27 с.; Кудайбергенова Р. Е. Сотрудничество Республики Казахстан и Республики Корея в области образования и науки в 1991-2006 гг. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Алматы, 2010. – 24 с.; Мен Д.В. Республика Казахстан и Республика Корея в политическом процессе: новые реальности и взаимоотношения. Автореферат на соискание ученой степени доктора политических наук. Алматы, 2010. – 47; Чан Бен Сун. Процесс развития межгосударственных отношений между Республикой Корея и Республикой Казахстан (политологический анализ). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Республика Казахстан, Алматы, 2010. – 24 с.

[3] Международная казахстанско-корейская научная конференция «Республика Казахстан и Республика Корея: от установления дипломатических отношений до стратегического партнерства». КазНУ им. Аль-Фараби, 8 декабря, 2009; Международная конференция «Казахстанско-Корейское Сотрудничество: состояние и перспективы». 29 апреля 2009 г., КИСИ при Президенте РК

следователи, отвечая вызовам и задачам новейшего периода, обратили внимание на концепцию евразийства; гипотезу древних протоалтайских родственных связей между насельниками Великой степи и Корейского полуострова; культурно-историческую роль Великого Шелкового пути и актуальные аспекты стратегического партнерства между двумя странами. Однако, южнокорейская историография парадигмы казахстанско-корейских отношений, как, впрочем, и отечественная, остается фрагментарной и взаимно малоизвестной. Оставшиеся обширные лакуны в изучении древних и современных связей между Казахстаном и Кореей следует заполнить репрезентативными результатами комплексных, междисциплинарных и, по возможности, совместных исследований ученых двух стран. В настоящей статье, носящей обобщающий характер, решаются две основные задачи. Первая – определение основных параметров современных двусторонних отношений между Республикой Казахстан и Республикой Корея. Вторая – выявление ключевых аспектов сотрудничества на пути к межгосударственному стратегическому партнерству.

Современное состояние двусторонних отношений

Дипломатические отношения между Республикой Казахстан и Республикой Корея были установлены 28 января 1992 г., и они прошли в своем развитии несколько этапов ^[4].

Первоначальный этап условно можно назвать периодом политического сближения, который начался с заключения в январе 1992 г. дипломатических отношений. В политическом диалоге между двумя странами важную роль сыграли государственные визиты президента РК Н. Назарбаева в Республику Корея в 1995 и 2003 гг. и ответного визита в Казахстан Президента Республики Корея Но Му Хена в 2004 г. Важными и содержательными оказались официальные визиты премьер-министра Южной Кореи Хан Мен Сук в сентябре 2006 года, а также премьер-министра Хан Сын Су в мае 2008 года. Активно развивалось также межпарламентское сотрудничество, то есть межгосударственные связи проходили по всем уровням – на уровне глав государств, уровне исполнительной и уровне законодательной ветвей власти.

На регулярной основе проводились консультации между внешнеполитическими ведомствами двух стран, и в итоге позиции Казахстана и Республики Корея по многим ключевым международным проблемам полностью совпадают. Важно подчеркнуть, что Республика Корея выразила поддержку казахстанским инициативам, в частности председательству Казахстана в ОБСЕ в 2010 г. Более того, Республика Корея стала полноправным членом Совещаний по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА).

После закрепления дипломатических и политических связей наступил этап динамичного развития двусторонних экономических отношений и налаживания культурно-гуманитарного сотрудничества. Южная Корея занимает одно из ведущих мест в системе внешнеэкономических приоритетов Казахстана, являясь крупным инвестором и стабильным торговым партнером.

В 2008 г. двусторонний товарооборот достиг отметки в 700 млн. долл. США, при этом Казахстан экспортировал в Корею товаров и услуг на 350 млн. долл., а импортировал оттуда – на 348 млн. долл. До нынешнего времени из этой дальневосточной страны в экономику Казахстана было инвестировано 2,2 млрд. долл. США. Основными статьями казахстанского экс-

[4] Кап Г.В. Оценки сотрудничества корейской диаспоры в Казахстане с этническими корейцами: предложения по укреплению сотрудничества. - Proceedings of the 10th International Conference on Korean Studies "Central Asia and Korean Diaspora" organized jointly by CAKS and IALKRA. August 14, 2010. Алматы, КазНПУ им. Абая, с. 124-125.

порта являются сырьевые материалы. В структуре импорта преобладают электроника, оборудование и другая продукция машиностроения^[5].

По данным Национального банка РК, за период с 1993 по 2008 гг. валовой приток прямых инвестиций из Кореи в Казахстан достиг 3 млрд. долл. (3,6 % от общего объема привлеченных инвестиций). В свою очередь, казахстанские капиталовложения в Корею составили 66,7 млн. долл.^[6]

Важную роль в развитии экономического взаимодействия играет Межправительственная комиссия по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству. Четвертое заседание МПК состоялось 14 апреля 2009 г. в Сеуле.

Динамично развивается сотрудничество между двумя странами в сфере энергетики. В 2002 г. создан совместный Казахстанско-корейский комитет по сотрудничеству в области энергетики и минеральных ресурсов. Проведено четыре заседания Комитета. В сентябре 2004 г. было подписано межправительственное Соглашение о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии. Ведущие корейские компании в сфере энергетики («КОРЕС» и «КЕРСО») и транспорта («Хён Дэ корпорэйшн») заключили контракты по реализации энергетических и транспортных проектов в Казахстане^[7].

Практическим содержанием наполняется культурно-гуманитарное сотрудничество. В 1991 г. в Алматы открылся Центр просвещения Республики Корея, в котором прошли языковые курсы и стажировки несколько тысяч учеников, сотни преподавателей корейского языка. Наряду с образовательной деятельностью Центр пропагандирует корейское национальное искусство, знакомит желающих с историей и культурой Кореи, проводит различные культурно-массовые мероприятия.

В 2004 г. в Хангук, в университете иностранных языков действует кафедра центрально-азиатских языков, где теперь свыше 60 человек изучают казахский язык. В корейских вузах проходят обучение свыше 90 казахстанцев. В университете Кангнам несколько лет тому назад открыта специальность «казахстановедение».

За прошедшие годы десятки тысяч граждан Казахстана, в том числе корейцы, имели возможность побывать в Южной Корее, с другой стороны – тысячи южных корейцев посетили нашу республику. С 1994 г. правительством Южной Кореи была инициирована программа стажировок иностранных рабочих, в соответствии с которой они проходили техническую подготовку. Однако вскоре эта программа переросла в систему найма иностранной рабочей силы. Отправкой рабочих в Южную Корею по Казахстану занимались две компании, имеющие лицензию на этот вид деятельности.

В Казахстане прошло множество концертов, выставок, театральных постановок, демонстраций моды, художественных фильмов и других культурно-массовых мероприятий, которые привлекли внимание всех людей, интересующихся Кореей. Неоднократно приезжали команды из крупнейших южнокорейских теле- и радиокomпаний, которые снимали документальные фильмы и циклы передач о Казахстане. Последние годы по ведущим телеканалам Казахстана с большим успехом идут южнокорейские телесериалы, которые ежедневно смотрят сотни тысяч телезрителей, причем как на казахском, так и на русском языке. В обеих странах изданы книги и статьи ученых и журналистов, знакомящих читателей с Казахстаном и Южной Кореей. Ежегодно в Алматы и в Сеуле проходят международные науч-

[5] Seoul, Astana to hold summit talks on cooperation. Korea Herald. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.koreaherald.com/national/>. Дата: 16.07.2010

[6] Сотрудничество Республики Казахстан с Республикой Корея. Министерство иностранных дел Республики Казахстан. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://portal.mfa.kz/portal/page/portal/mfa/ru/content/policy/cooperation/asia_africa/13. Дата: 19.08.2010.

[7] Сотрудничества крепнущие связи – к визиту Премьер-Министра Республики Корея в Казахстан. Казинформ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://subscribe.ru/archive/country.kz.news/200805/13111044.html>. Дата: 23.09.2010.

ные конференции по корееведению и центральноазиатской (казахстанской) тематике с участием ученых из двух стран.

Новый этап казахстанско-южнокорейских отношений начинает свой отсчет со встречи Президентов Н.А. Назарбаева и Ли Мен Бака в Астане в мае 2009 г. и в апреле 2010 г. в Сеуле [8]. Главы двух государств согласились, что отношения между двумя странами выходят на уровень стратегического партнерства. Стратегическое партнерство, как следует понимать, системно охватывает весь комплекс двустороннего сотрудничества и в итоге призвано максимально реализовать потенциалы двух стран. Оно должно приобрести всеобъемлющий характер.

Казахстан – Корея: по пути стратегического партнерства

В области политики и международных отношений Республика Корея стремится заручиться поддержкой Казахстана при решении северокорейской дилеммы. У Казахстана большой опыт в деле нераспространения ядерного оружия, поэтому он играет ведущую роль на международной арене и будет играть роль лидера в решении вопросов ядерной энергетики. Таким образом, Сеул может рассчитывать на авторитет Казахстана, который он получил за политику укрепления глобальной ядерной безопасности.

Южная Корея стала полноправным государством-членом СВМДА и проявляет интерес к другой важной региональной международной организации – ШОС. Казахстан и Южная Корея вступили почти одновременно в ООН и сотрудничают во всех других организациях глобального масштаба, таких как ЮНЕСКО, ЮНИСЕФ, МОТ, МАГАТЭ. Подписи двух государств стоят под такими важными международными документами, как Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) – многосторонний международный акт, разработанный Комитетом по разоружению ООН.

Казахстан и Корея обсуждают ключевые вопросы региональной политики – ситуацию на Корейском полуострове и в Центральной Азии, проблемы ядерного разоружения и нераспространения, положение дел в Афганистане, при этом позиции двух сторон по этой тематике совпадают. Казахстан поддерживает деятельность Южной Кореи в рамках «Большой двадцатки».

В перспективе следует активизировать межгосударственные, политические контакты на уровне парламентов и правительств, министерств и ведомств. Целесообразно быть в курсе происходящих перемен в Северной Корее и межкорейских отношений, чтобы вести сбалансированную политику в отношении Корейского полуострова. Казахстан мог бы предложить нейтральную площадку для нормализации и активизации контактов между Сеулом и Пхеньяном, а также выступить в качестве медиатора в тупиковых вопросах межкорейского диалога.

В области экономики. Несмотря на успехи в развитии экономических отношений между Казахстаном и Южной Кореей, существуют определенные проблемы как объективного, так и субъективного характера, сдерживающие потенциал расширения взаимовыгодного, динамичного и плодотворного экономического сотрудничества. Одной из существенных проблем, тормозящих общий ход торгово-экономического сотрудничества, является транспортная. Второй немаловажной проблемой в развитии экономического сотрудничества между странами является привлечение южнокорейских инвестиций. Другой проблемой, препятствующей продвижению южнокорейских деловых кругов на казахстанский рынок, являются трудности в сборе необходимых материалов и информации для объективного анализа и мони-

[8] Совместное заявление Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева и Президента Республики Корея Ли Мен Бака. Астана, 13 мая 2009 года. Официальный сайт Президента Республики Казахстан. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.akorda.kz/>. Дата: 22.09.2010

торинга экономических отношений между странами, что вызвано языковым барьером и закрытостью доступа к несекретным базам данных.

В ближайшей перспективе акцент в двустороннем экономическом сотрудничестве должен сместиться в сторону реализации наукоемких и инновационных проектов и диверсифицировать южнокорейский инвестиционный пакет в Казахстане. Компании из Южной Кореи будут участвовать в строительстве прибрежной инфраструктуры на Каспии, так как Казахстан в ближайшие годы планирует увеличить добычу нефти до 130 млн. тонн в год. Таким образом, Казахстан диверсифицирует инвесторов в стратегической нефтегазовой отрасли. Благодаря чему усилит собственную экономическую безопасность и снизит риски для глобального энергетического рынка. Предстоит в ближайшей перспективе расширить сотрудничество в сфере ядерных технологий и реализовать подписанное Соглашение о сотрудничестве между АО «НАК «Казатомпром» и электроэнергетической корпорацией Кореи «КЕПКО», корпорацией ресурсов Кореи «КОРЕС».

Необходимо полнее использовать весь потенциал казахстанско-южнокорейского экономического сотрудничества. Это прежде всего должно коснуться наиболее перспективных направлений развития для Казахстана: энергетики, перерабатывающих отраслей, металлургической промышленности, агропромышленного комплекса, телекоммуникаций и информационных технологий, банковско-финансовой системы и туризма.

Следует приложить все усилия для развития совместных экспортно-ориентированных производств, учитывая выгодное геополитическое положение Казахстана, путем размещения совместных предприятий производства обрабатывающей и высокотехнологических отраслей, с последующим экспортом готовой продукции на мировые рынки.

Для решения поставленных задач предстоит совершенствовать законодательно-правовую базу сотрудничества в экономической сфере. Исходя из отсутствия взаимных экономических угроз и конкуренции на международных рынках, взаимодополняющего характера экономики, политического консенсуса по всем узловым вопросам международных и двухсторонних отношений, а также проживание 100-тысячной диаспоры корейцев Казахстана, успешно занимающейся бизнесом, необходимо проработать вопрос о введении особого режима взаимных или односторонних преференций.

В целях совершенствования механизма экономического сотрудничества необходимо разработать долгосрочную Стратегию развития экономических взаимоотношений, в которой должны быть определены приоритетные направления для дальнейшего экономического сотрудничества между государствами. Следует повысить статус межправительственных комиссий по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству.

Большое значение в развитии двусторонней торговли имеет логистика, трудности с которой являются основным препятствием для более активного товарообмена. Наиболее перспективными вариантами доставки грузов рассматриваются Транссибирская железнодорожная магистраль (ТСЖМ) и Трансазиатская железная дорога (ТАЖМ). При этом, с учетом быстрого экономического роста Китая, и особенно его западных районов, ТАЖМ представляется более выгодным для Казахстана, прежде всего потому, что в этом случае можно будет получать дополнительные прибыли за счет транзита, а Трансисиб можно использовать при доставке грузов с конечным пунктом назначения в странах Центральной Азии.

В области культуры, образования и науки. Двустороннее стратегическое партнерство включает в себя расширение и углубление гуманитарных обменов, тесную кооперацию в сфере образования, культуры, искусства,

спорта и т. д. Настала пора говорить не о том, что отличает казахский и корейский народ, а о том, что их объединяет, сближает и делает связи крепче. Любой бизнес, в том числе и международный, строится на взаимном доверии, уважении и признании. Казахи и южные корейцы должны ближе узнать друг друга, увидеть родственные черты в мировоззрении, народной философии, менталитете, этнической психологии, обрядах и обычаях.

На повестке дня стоит вопрос создания совместного органа по развитию сотрудничества в сфере образования и науки, в работе которого должны быть задействованы профильные министерства двух стран, учреждения образования и науки. Министерству образования и науки Республики Казахстан следует обратить серьезное внимание на возможности, предоставляемые Южной Кореей в сфере подготовки кадров технического профиля в рамках высшего профессионального образования, а также на программы обучения на английском языке в ведущих южнокорейских университетах. По некоторым специальностям, таким как информационные технологии, мобильная связь, венчурный бизнес и др., качество знаний и преподавания не уступает мировым лидерам вузовского образования. В связи с этим, видится актуальным утверждение государственного заказа в рамках программы «Болашак» на подготовку молодых специалистов в Южной Корее. Необходимо принятие специальной программы популяризации Южной Кореи со стороны корееведов, преподавателей корейского языка, работников международных отделов МОН РК и вузов Казахстана, журналистов.

В области использования потенциала ЭКО корейцев Казахстана. В диалоге между Казахстаном и Кореей важное место занимает Ассоциация корейцев Казахстана – общественная организация, консолидирующая корейскую диаспору. АКК сделала многое для сохранения и развития этнической культуры, очагов национальной культуры, средств массовой информации, а также тесного сотрудничества с посольством Республики Корея (Астана), генеральным консульством (Алматы), Центром просвещения, представительствами КОИСА, КОТРА, Ассоциацией южнокорейских граждан. Плодотворное сотрудничество наладилось в последние годы в казахстанской секции Комитета по мирному и демократическому объединению Кореи, членами которой являются представители этнических корейцев и граждан Южной Кореи, проживающих в Казахстане.

Сегодня в Республике Казахстан граждане корейской национальности живут вместе единой семьей со ста сорока этносами. Они занимают прочные позиции в казахстанском бизнесе, образовании, медицине и культуре. Их представители активно работают в Ассамблее народа Казахстана, а также в Парламенте Казахстана. Корейцы Казахстана могут и должны сыграть роль медиатора между двумя государствами, ибо этнические корейцы срослись с казахами и другими народами Казахстана, а с другой стороны их воспринимают в Корее как родных по крови людей^[9].

В области народной дипломатии и гуманитарных взаимосвязей. В наследие от советского прошлого остались общества дружбы Казахстана с зарубежными странами, по большей части весьма формальные объединения. Однако назрела необходимость создания живой и массовой организации, которая соединила бы людей, причем из разных сфер деятельности, искренне любящих обе страны и потенциально способных реально содействовать экспансии дружбы между двумя народами в той самой сфере, где он пользуется авторитетом и имеет рычаги влияния. Рекомендуется налаживать народную дипломатию, поддерживать развитие связей между НПО двух стран, расширять программы гуманитарных отношений.

[9] – Ким Г.Н. Корейская диаспора в стратегическом партнерстве Казахстана и Южной Кореи. - Материалы международной казахстанско-корейской научной конференции «Республика Казахстан и Республика Корея: от установления дипломатических отношений до стратегического партнерства». 8 декабря, 2009, КазНУ им. аль-Фараби, Алматы, с. 26-38.

Примером мог бы стать положительный опыт Российско-корейского форума, организованного в 1999 г. Дипломатической академией РФ и Корейским фондом при Министерстве иностранных дел и внешней торговли ^[10]. Он проводится каждый год и является неформальной площадкой, на которой представители правительственных, парламентских, дипломатических, деловых, научных, общественных и культурных кругов двух стран могут открыто обмениваться мнениями по важнейшим вопросам двусторонних отношений и ситуации в Северо-Восточной Азии.

Миссионерство южнокорейских церквей в Казахстане привлекло в лоно христианства в основном протестантского направления не только этнических корейцев, но граждан иных национальностей, в том числе казахов. Численность обращенных в христианство трудно поддается учету, ибо какой-либо официальной статистики не ведется. Религия не имеет заметного влияния на корейскую диаспору, однако миссионерская деятельность церквей из Кореи и США стала в обиходе ассоциироваться с ней. Агрессивный прозелитизм миссионеров вызывает протестное настроение среди мусульман, в семьях которых дети вопреки воле родителей регулярно ходят в церкви. Исходя из этого, местным органам власти, соответствующим государственным службам, руководителям учебных заведений и другим ответственным лицам следует уделять этому вопросу должное и деликатное внимание с целью упреждения нарушения стабильных и гармоничных межконфессиональных отношений в стране.

В Казахстане в настоящий момент проживают временно и в качестве иностранных резидентов около 2,5 тыс. южнокорейских граждан. Они делятся на следующие основные категории: дипломаты, государственные служащие, бизнесмены, миссионеры, студенты, а также члены их семей. Среди южнокорейских резидентов есть лица, получившие вид на жительство, однако желающих обрести этот статус или гражданство Казахстана намного больше. Практика показала, что граждане Южной Кореи в случае продолжительного проживания в иной стране демонстрируют искреннюю лояльность к ней (корейские иммигранты в США, Канаде, Австралии, странах ЕС). В связи с этим весьма актуально рассмотрение вопроса о возможности ускоренной и облегченной процедуры выдачи вида на жительство и гражданство южнокорейским гражданам, вступившим в брак с гражданами Казахстана, также инвесторам, привлечшим установленный объем капитала, создавшим хозяйствующий субъект с определенным количеством рабочих мест для местного персонала.

[10] См.: Первый Российско-корейский форум. Доклады и выступления / Отв. ред. В.Ф. Ли. - М.: Дипакадемия МИД России, 1999. - 132 с.; Третий Российско-корейский форум / Отв. ред. Ю.Е. Фокин. - М.: Научная книга, 2002. - 215 с.; Пятый Российско-корейский форум / Отв. ред. Ю.Е. Фокин. - М.: Научная книга, 2005 и т.д.

ЖУРНАЛ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Общество. Политика. Экономика.

*Институт социально-
политических исследований*

*Институт сравнительных
социальных исследований*

ispr.kz

Өлеуметтік-Саяси Зерттеулер Институты
Institute for Socio-Political Research
Институт Социально-Политических Исследований

ЦЕССИ-КАЗАХСТАН

принимает
заявки на участие в

ШКОЛЕ ПОЛИТТЕХНОЛОГОВ

Главной целью ШКОЛЫ ПОЛИТТЕХНОЛОГОВ является подготовка специалистов в сферах публик рилейшнз (Public Relations), политического консалтинга, избирательных технологий, имиджевого консультирования.

В рамках ШКОЛЫ ПОЛИТТЕХНОЛОГОВ пройдут мастер-классы известных политологов, политтехнологов, социологов, PR-консультантов, журналистов, юристов, аналитиков. Лучшие выпускники ШКОЛЫ будут проходить практику у партнеров и спикеров проекта.

Набор начнется с декабря 2010 года.

Институт сравнительных социальных исследований

"ЦЕССИ-Казахстан"
Тел. +7 (7172) 32 59 43,
тел/факс 32 78 52
cessi_kazakhstan@cessi.kz
www.cessi.kz

Институт социально-политических исследований

Тел./факс: +7(7172) 45-70-02,
+7(7172) 45-70-03
+7(7172) 46-62-34
ispr@ispr.kz
www.ispr.kz

СЛЕДИТЕ ЗА ИНФОРМАЦИЕЙ НА САЙТАХ:

www.ispr.kz, www.cessi.kz

И НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА

«СВОЙ СРЕДИ ЧУЖИХ, ЧУЖОЙ СРЕДИ СВОИХ»: Л.Н. ГУМИЛЕВ НА ПУТЯХ К ЕВРАЗИЙСТВУ В КОНЦЕ 1950-Х – НАЧАЛЕ 1960-Х ГОДОВ

СЕЛИВЕРСТОВ СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник
Института истории государства Министерства образования
Республики Казахстана (Астана, Казахстан)

В 2012 году научная общественность, все те, кому в мире не безразлично имя Льва Николаевича Гумилева (1912 – 1992), будут отмечать 100-летие со дня его рождения. Поэтому есть хороший повод вновь задуматься над феноменом его научной индивидуальности. Исследователи Казахстана (и не только) обязаны внимательно, тщательно исследовать наследие ученого, отдавая ему заслуженное признание, без поверхностного возвеличивания. Для Казахстана первостепенное значение имеет то, что Л.Н. Гумилев, как исследователь общеевразийского масштаба, работал над познанием истории тюрко-монгольского мира, над проблемой взаимодействия тюрков и славян, в контексте единства народов Евразии.

Бесспорно, Л.Н. Гумилев был весьма разносторонним человеком, наследие которого можно рассматривать с позиций различных естественных и гуманитарных наук. Его идеи живут в различных дискурсах. И не в последнюю очередь – в евразийском дискурсе. Сегодня уже мало у кого может вызвать сомнение в справедливости рассмотрения идей и работ Л.Н. Гумилева в контексте эволюции евразийской интеллектуальной тенденции XX века. В новейшей монографии известного специалиста, знатока евразийства и вообще интеллектуальной истории Марлен Ларюэль («Russian Eurasianism: An Ideology of Empire», 2008), его наследию полностью отведена одна из шести глав^[1]. Такое позиционирование идей Л.Н. Гумилева между классическим евразийством и современным неоевразийством можно рассматривать как важный шаг в развитии «западной» англоязычной историографии. Следует согласиться, что Л.Н. Гумилев отнюдь «не был “последним евразийцем”»^[2]. Его место в евразийском дискурсе совершенно особое. Он был «сам по себе» и в то же время объективно выполнил роль связующего звена, став при этом «первым евразийцем» для нового этапа возродившейся интеллектуальной тенденции.

О евразийцах в СССР стало возможным говорить открыто только с наступлением гласности. Но даже к концу 1980-х гг. мало кто еще располагал адекватной информацией об эмигрантском евразийстве. Так, например, А.И. Лукьянов, ученый-юрист и известный политический деятель, один из сподвижников М.С. Горбачева на начальном этапе «перестройки», отмечает в своих воспоминаниях, что именно от Л.Н. Гумилева в начале 1989 г. он «впервые услышал... оценку идей Г.В. Вернадского, П.Н. Савицкого, Н.С. Трубецкого и других пионеров российского евразийства»^[3].

[1] Laruelle M. Russian Eurasianism: An Ideology of Empire. Washington, Baltimore, 2008. P. 50-82.

[2] Там же. P. 81.

[3] Лукьянов А.И. Пассионарий отечественной науки и культуры // Вспоминая Л.Н. Гумилева: Воспоминания. Публикации. Исследования. СПб, 2003. С. 67.

Благодаря чему же пришел Л.Н. Гумилев к евразийству? Какие факторы способствовали его «евразийскому» повороту? Чтобы ответить на этот вопрос, наверное, необходима целая монография. Но, в любом случае, исследователи наследия Л.Н. Гумилева обязаны в первую очередь обратить внимание на особенности становления его как историка-исследователя. Данная статья и является попыткой обратить внимание на некоторые особенности его научного пути.

Кем был Л.Н. Гумилев для своего времени? Как личность, как ученый? Какое место он занимает в историографии XX века? На эти вопросы нет однозначного ответа. Полной биографии, летописи жизни и деятельности Л.Н. Гумилева до сих пор не создано. В этой ситуации о нем нередко появляются тенденциозные статьи: либо апологетические^[4], либо откровенно негативные (хотя и с претензией на ученую объективность)^[5]. Есть и третья категория исследователей, которые замалчивают вклад в науку Л.Н. Гумилева, при том используя те или иные его идеи (например, тезис о славяно-тюркском симбиозе)^[6]. Такая историографическая ситуация не способствует действительно объективному («без гнева и пристрастия») научному осмыслению его наследия. Необходимо пересмотреть всю эту «позитивно-негативную» тенденцию последних двадцати лет и вновь вернуться к конкретному осмыслению места Л.Н. Гумилева в отечественной и мировой исторической мысли.

В жизни Л.Н. Гумилева было несколько важных периодов, от которых зависела его дальнейшая судьба: это и 1930-е гг., когда он стал студентом исторического факультета ЛГУ; и вторая половина 1940-х гг., когда он защитил кандидатскую диссертацию по истории Тюркского каганата и вновь был арестован; и время конца 1950-х – начала 1960-х гг., когда он выпустил первую монографию и защитил докторскую диссертацию по всеобщей истории. Вот на этом периоде конца 1950-х – начала 1960-х гг. и есть необходимость остановиться особо. Полагаем, что именно тогда определялась вся дальнейшая научная судьба Л.Н. Гумилева.

Как можно определить научную принадлежность Л.Н. Гумилева? Кто он: востоковед? археолог? этнолог? географ? Его творчество многоаспектно, но это не снимает задачи определения своеобразия «авторского» научного облика. В 1968 г., когда разворачивалось многообещающее сотрудничество с крупнейшим генетиком Н.В. Тимофеевым-Ресовским, Л.Н. Гумилев четко заявил о себе: «Однако я – историк-профессионал»^[7]. Полагаем, будет абсолютно верным и формально и по существу исходить именно из этой формулы.

Л.Н. Гумилев – историк. Но какой историк? Исходя из профиля его кандидатской и докторской диссертаций по истории древних тюрков, он – историк-востоковед. Можно было бы также охарактеризовать его как «тюрколога», но известно, что данная специализация является преимущественно филологической, лингвистической, означает изучение языков и литератур тюркских народов, что никак не совпадает с его научными интересами.

Рассматривая творчество Л.Н. Гумилева в совокупности, следует признать, что оно не вписывается в рамки одного определенного восточного языка, региона или периода – оно в подлинном смысле имеет евразийский характер. Л.Н. Гумилев – энциклопедист, знаток всеобщей истории: от изучения хунну и древних тюрков он двигался как вверх по оси времени – к позднему средневековью, так и вширь. Поэтому предметом его научных исследований на протяжении второй половины 1930-х – начала 1990-х гг. стала не одна этническая группа, не одна страна, а народы Евразии.

[4] Куркчи А. Л.Н. Гумилев и его время // Гумилев Л.Н. Поиск вымышленного царства. М., 1993. С. 24-78.

[5] См.: Этнографическое обозрение. 2006. № 3. С. 3-36.

[6] Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. СПб., 2004. С. 5.

[7] Переписка Л.Н. Гумилева с Н.В. Тимофеевым-Ресовским и его учеником Н.В. Глотовым // Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Под ред. А. Куркчи, М., 1997. С. 622.

Таким образом, Л.Н. Гумилев, конечно, историк-востоковед, но не только. Начав свой научный путь с истории тюрков, и взяв при этом впервые в историографии в качестве исследовательского аспекта – политическую историю Тюркского каганата, он был далек от филологического востоковедения, от ориенталистики через филологию. Более того, хорошо известно его отношение к филологическим разысканиям, которое он открыто изложил в книге «Поиски вымышленного царства». Подход Л.Н. Гумилева к истории тюрков, монголов и вообще народов Евразии – это, как известно, «преодоление филологии»^[8].

Учет этих особенностей Л.Н. Гумилева-историка позволяет видеть определенную грань между классическим петербургско-ленинградским востоковедением и его по-настоящему новаторским, инновационным научным творчеством. Не следует упускать из виду научное противостояние Л.Н. Гумилева и А.Н. Бернштама во второй половине 1940-х гг. (об этом он не забывал даже находясь в заключении в лагере). А также скептическое отношение к трудам Л.Н. Гумилева в отделе (тогда кабинете) тюркологии и монголистики Ленинградского отделения Института востоковедения во второй половине 1950-х – 1960-х гг. (с 1964 г. этим отделом заведует С.Г. Кляшторный), в известном смысле сохранившееся и в последствии. Хотя ленинградский институт востоковедения АН СССР в 1961–1963 гг. (когда Л.Н. Гумилев защитил докторскую диссертацию) возглавлял известный тюрколог А.Н. Кононов (до 1964 г. также заведующий Тюрко-монгольским кабинетом этого института) и, казалось бы, он-то должен был понимать значимость появления нового доктора наук, специалиста по древним тюркам. Но, видимо, все же, лингвисты не всегда совпадают с историками.

Тем не менее, Л.Н. Гумилев по диссертациям и трудам конца 1940-х – первой половины 1960-х гг. есть специалист по Востоку, а не Западу. Как бы к нему не относиться, но он, как историк, – оригинальный (и неотъемлемый) компонент ленинградского востоковедения. Однако его имени нет в общем перечне сведений о сотнях известных и малоизвестных, здравствующих и покойных российских востоковедах, докторов и кандидатах наук, на сайте Института востоковедения в Петербурге^[9]. Его имени нет даже в разделе «невостоковеды». Такое демонстративное отношение, по сути, замалчивание, заставляет о многом задуматься.

Л.Н. Гумилев, изучая сначала политическую, а затем и этническую историю степных народов Евразии, вышел за рамки традиционной филологической или социально-экономической ориенталистики. Он поднялся на уровень континентальной, евразийской истории, а затем и на концептуальный уровень всемирной истории – что очень редко кому удается.

Особенностью научного подхода Л.Н. Гумилева в изучении народов Евразии было то, что он разграничил и одновременно соединил три исследовательских взгляда, три масштаба: «с птичьего полета», «с кургана» и «из мышиной норы»^[10]. При этом он никогда не замыкался в узких темах, в узкой специализации, хотя мог бы до конца своих дней плодотворно «копать» одну и ту же тематику – Тюркский каганат (как и делали многие востоковеды – тюркологи, китаисты, монголоеды и т.д. применительно к своим специализациям и темам). Думается, многие коллеги именно по этой причине его и недолюбливали – потому что он смело выходил за рамки привычных отраслевых, тематических и проблемных специализаций, погружившись в которые историки и филологи проводили целые десятилетия своей жизни.

[8] Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. М., 1970.

[9] Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения. Все востоковеды. – Режим доступа: http://orientalstudies.ru/rus/index.php?option=com_personalities&Itemid=74&list=2.

[10] См.: Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. М., 1970.

Другой особенностью Л.Н. Гумилева как историка было то, что он параллельно изучению истории хуннов, тюрков, хазар и монголов, с одной стороны, был практикующим археологом, а с другой – разрабатывал собственный вариант этнологии, в частности теорию этногенеза и пассионарности. Здесь нет необходимости вдаваться в детали его этнологической концепции – это требует отдельного исследования. Но необходимо констатировать, что воззрения Л.Н. Гумилева на природу этносов и этническую историю весьма далеки от того социально-экономического, социально-классового «исторического материализма», который составлял платформу советской исторической науки, и, в частности, советской этнографии.

Как ни странно это может показаться, но во второй половине 1950-х – 1960-е гг. из всех сообществ историков Л.Н. Гумилев был ближе всего не к востоковедам, а к археологам. Но при этом, разумеется, он никогда собственно археологом, в классическом смысле, не был. Публикаций по археологическим вопросам у него почти нет. Думается, все же прав в определенной степени Б.А. Рыбаков, когда, пытаясь ущемить Л.Н. Гумилева, обозначил его как «причастного к археологии»^[11]. И он, действительно, был причастен к археологии – сфера ленинградских археологов во главе с М.И. Артамоновым была его первой «экологической нишей», которая, правда, не вполне реализовалась.

Здесь необходимо сказать о том моменте, на который исследователи творчества Л.Н. Гумилева не всегда обращают внимание. Известно, что, в 1962 г. он был принят на работу в Научно-исследовательский институт географии (точнее, в географо-экономический НИИ) Ленинградского университета. И с этих пор его научной «нишей» стала география. Однако каких-то реальных научных предпосылок к этому (кроме сотрудничества с Всесоюзным географическим обществом) у него в 1962 г. не было. Докторская диссертация по географии не была даже задумана (до ее защиты впереди было еще 12 лет). А вот докторская диссертация по всеобщей истории только что, в ноябре 1961 г., успешно защищена^[12].

Куда же должен был (или мог) трудоустроиться Л.Н. Гумилев, будучи доктором исторических наук, специалистом высшей научной квалификации по истории древних тюрков? Ответ напрашивается сам собой – либо на Восточный факультет ЛГУ, либо в Институт востоковедения АН СССР. Только там напрямую могло быть реализовано его знание тюркской истории на грани древности и средневековья. Только там Л.Н. Гумилев-ориенталист мог бы читать лекции студентам и продолжать исследования по истории хуннов и тюрков. Но, как показали дальнейшие события, это было практически исключено.

Дело в том, что его отношения с востоковедами (в частности китаистами) осложнились после выхода в 1960 г. книги «Хунну». Еще 1955 г. Л.Н. Гумилев отправил из Омского лагеря в Ленинград Э.Г. Герштейн рукопись «Истории хуннов». По сведениям Л.К. Чуковской, Э.Г. Герштейн передала эту работу члену-корреспонденту АН СССР, научному сотруднику Ленинградского отделения института востоковедения Н.И. Конраду, который тогда являлся членом главной редакционной коллегии по написанию «Всемирной истории». Как отмечает Л.К. Чуковская, Н.И. Конрад хотел привлечь Л.Н. Гумилева к работе над соответствующими разделами этого издания^[13]. Полагаем, что такое намерение Н.И. Конрада было вполне оправдано, так как в отличие от многих историков, работающих, так сказать, в «мелкотемье», Л.Н. Гумилев обладал именно той эрудицией и масштабом, которые и были необходимы при подготовке такого обобщающего издания как «Всемирная исто-

[11] Рыбаков Б.А. О преодолении самообмана // Вопросы истории. 1971. № 3. С. 154.

[12] Защита диссертаций // Сообщения Государственного Эрмитажа. Л., 1963. Т. XXIV. С. 73.

[13] Чуковская Л.К. Записки об Анне Ахматовой. СПб.-Хк., 1996. Т. 2. С. 133, 498; Позднякова Т., Козырева М. «Сладко ль ужинал падишах?» // «И зачем нужно было столько лгать?» Письма Льва Гумилева к Наталье Варбанец из лагеря. 1950 – 1956. СПб., 2005. С. 8-9.

рия». Однако как это можно было осуществить тогда, в 1955 г., если Л.Н. Гумилев был еще в заключении? К сожалению, 2-й и 3-й тома «Всемирной истории» вышли в 1956 и 1957 гг. без его участия.

После освобождения в 1956 г., кандидат исторических наук Л.Н. Гумилев в возрасте 44 лет возвращается в Ленинград и интенсивно дорабатывает свою «Историю хуннов». В это время он принят научным сотрудником в научную библиотеку Государственного Эрмитажа (директор Эрмитажа М.И. Артамонов, директор библиотеки М.И. Гуковский), где и работает до 1962 г.

И вот, наконец, в 1960 г. в издательстве восточной литературы выходит его первая книга – «Хунну. Срединная Азия в древние времена». Книга вызвала дискуссию. Примечательно, что оппонентами Л.Н. Гумилева выступили не специалисты по истории тюркских народов, и даже не лингвисты-тюркологи, а китаисты (Л.И. Думан, К.В. Васильев) и специалист по археологии Дальнего Востока М.В. Воробьев. Наиболее критичной оказалась рецензия недавнего выпускника восточного факультета ЛГУ К.В. Васильева^[14]. Отметим, что К.В. Васильев был на 22 года моложе Л.Н. Гумилева, в 1960 г. только начал работу в Ленинградском отделении Института востоковедения, а защитил кандидатскую диссертацию в 1966 г., – все эти обстоятельства позволяют сделать предположение, что это была организованная рецензия. Главная претензия к Л.Н. Гумилеву – это использование не оригиналов, а переводов китайских хроник, сделанных Н.Я. Бичуриным, то есть указание на незнание китайского языка. Подобного рода «академические» отзывы сопровождают наследие Л.Н. Гумилева до сегодняшнего дня. Но всем им в свое время ответил С.И. Руденко: никак нельзя согласиться с тем, «будто бы историк обязательно при своих исследованиях должен пользоваться подлинными источниками на различных языках. Если бы это было так, то какой бы смысл был в переводах»^[15]. Действительно, для чего издаются переводы источников? Неужели только для студенческих семинариев? Ведь перевод, как известно, – это и есть реальное введение источника в научный оборот.

Вообще, полемика по поводу книги Л.Н. Гумилева «Хунну», это полемика, в том числе, о методах и формах исторического исследования. Это, по существу, принципиальная полемика между историками и филологами. В конце 1950-х – первой половине 1960-х гг. среди лингвистов-тюркологов вряд ли кто мыслил столь же исторически масштабно, как Л.Н. Гумилев, и вряд ли кто, даже при желании, мог написать обобщающие исследования, аналогичные диалогии «Хунну», или «Древним тюркам».

Однако мог ли найти себе место Л.Н. Гумилев на Восточном факультете ЛГУ? Хронологически и тематически он не вписывался ни в кафедру истории Древнего Востока, которой в то время руководил В.В. Струве, ни тем более в состав кафедры тюркской филологии, которая никогда не занималась политической и социальной историей Тюркского каганата. В 1949 году в ЛГУ были созданы два новые подразделения: кафедра истории стран Ближнего Востока и кафедра истории стран Дальнего Востока. Именно на кафедре истории стран Дальнего Востока работал Н.В. Кюнер, которого Л.Н. Гумилев считал одним из своих учителей, но он скончался в 1955 г. В 1950 – 1960-е гг. главным направлением работы кафедры истории стран Дальнего Востока было изучение национально-освободительных движений, международных отношений на Дальнем Востоке при доминировании изучения истории Китая (курс по истории степных народов Евразии и в настоящее время обозначен в перечне курсов этой кафедры как: «Китай

[14] Вестник древней истории. 1961. № 2. С. 120-124.

[15] Руденко С.И. К вопросу об историческом синтезе. По поводу одной дискуссии // Доклады по этнографии / Географическое общество СССР. Вып. 1 (4). Л., 1965. С. 64.

и кочевники Средней Азии в древней и средневековой истории»)^[16]. Надо ли говорить, что Л.Н. Гумилев с его пониманием «степных» народов Срединной Азии как самостоятельного фактора в мировой истории с трудом вписался бы в состав этой кафедры. Однако как доктор исторических наук и востоковед он в 1960-е гг. мог работать именно здесь – на кафедре истории Дальнего Востока. В идеальном же варианте для него была оптимальна кафедра истории Центральной Азии (кафедра истории Среднего Востока, кафедра истории Туркестана). Но такой кафедры, как известно, на Восточном факультете ЛГУ не существовало. Отчасти проблематика Среднего Востока, но как история ираноязычного, а не тюркоязычного мира, изучалась на кафедре истории стран Ближнего Востока. И это свидетельствует о существенном пробеле в изучении Востока в ленинградском востоковедении в XX веке. Не будет преувеличением, если сказать, что все труды Л.Н. Гумилева можно расценивать, как стремление закрыть этот пробел. Только во второй половине 1990-х гг. в ЛГУ создадут кафедру истории Центральной Азии и Кавказа (заведующий кафедрой Т.И. Султанов). Остается риторический вопрос: насколько десятилетия Л.Н. Гумилев в своем стремлении изучать тюркские народы и государства «Срединной Азии» опередил ленинградское востоковедение? Получается, что лет на сорок.

Для понимания ситуации, в которой был Л.Н. Гумилев в начале 1960-х гг., существенно то, что докторскую диссертацию (так же, как и кандидатскую) по истории древних тюрков он защищал не на Восточном факультете ЛГУ, а на Историческом. Несмотря на весь либерализм научной ленинградской среды в период «оттепели» уже сам этот факт в известной мере закрывал ему путь на Восточный факультет.

На рубеже 1950-х – 1960-х гг. у Л.Н. Гумилева была только одна реальная возможность институционально включиться в академическое востоковедение. В 1957 г. в СССР приехал Ю.Н. Рерих и вот тогда, в конце 1950-х гг. между ними имело место непродолжительное, но многозначительное общение (как вспоминал Л.Н. Гумилев, он встретил Ю.Н. Рериха, «только что вернувшегося из Индии, и водил его по Эрмитажу» - и «после этого наше знакомство не прерывалось»)^[17]. Конечно, для реализации такого научного сотрудничества необходим был переезд в Москву. Однако скоропостижная смерть Ю.Н. Рериха в мае 1960 г. перечеркнула и эту возможность.

И вот в ноябре 1961 г. Л.Н. Гумилев становится доктором исторических наук. Он на перепутье. Что делать? Благодаря исследованию А.И. Чистобаева, изучившего его личное дело, известны некоторые детали той ситуации. 25 апреля 1962 г. старший научный сотрудник Государственного Эрмитажа Л.Н. Гумилев пишет на имя ректора ЛГУ А.Д. Александрова заявление о приеме на работу в Ленинградский университет: «Прошу зачислить меня в порядке перевода в Научно-исследовательский институт географии на должность старшего научного сотрудника. Научную тему, по предложению дирекции института, я буду выполнять в согласии с тематикой института...» То есть, через четыре месяца после защиты, в той непростой ситуации Л.Н. Гумилев решает трудоустроиться в ЛГУ по линии географии. Но весьма важно продолжение этого заявления, где он пишет о своих преподавательских намерениях: «...А специальные курсы [буду] читать на историческом факультете при кафедре археологии, по договоренности с деканом исторического факультета проф. В.В. Мавродиным и зав. кафедрой археологии проф. М.И. Артамоновым»^[18].

[16] Кафедра истории стран Дальнего Востока восточного факультета ЛГУ. – Режим доступа: http://www.orient.pu.ru/dept_fareast/progobuchdvh.php.

[17] Гумилев Л.Н. Ю.Н. Рерих как историк Центральной Азии. – Режим доступа: <http://www.lomonosov.org/aspects/fouraspects20197.html>.

[18] Чистобаев А.И. Этнологи, опередившие время (к 90-летию Л.Н. Гумилева и 50-летию К.П. Иванова). СПб., 2002. С. 85-86.

К сожалению, в настоящее время у нас нет данных о том, в какой мере была реализована вторая, так сказать историко-археологическая, часть заявления Л.Н. Гумилева. Однако имеются данные из некролога, что он читал спецкурс на истфаке ЛГУ по истории кочевников Центральной (Срединной) Азии в 1960 г.^[19]

Намеренье читать спецкурсы по кафедре археологии в 1962 г., можно рассматривать, с одной стороны, как вынужденный шаг, а с другой, как вполне соответствующий интересам самого ученого. Стоит напомнить, что с 1959 года Л.Н. Гумилев по поручению М.И. Артамонова успешно руководит археологической экспедицией на Нижней Волге и Северном Кавказе с целью изучения хазарских древностей. Так что появление его на кафедре археологии Исторического факультета в качестве лектора не было бы неожиданным. Хотя, разумеется, обе диссертации Л.Н. Гумилева никакого отношения к археологии не имели. По существу, для него полевая археология была своеобразным научным хобби, которым он в своей жизни, начиная с 1931 года, занимался не только добровольно, но и вынужденно (участие в экспедициях давало рабочий стаж, возможность пропитания и некоторого заработка).

Очевидно и другое, ни одна иная кафедра Исторического факультета, кроме кафедры археологии, в тот период не могла принять к себе нового доктора исторических наук – востоковедческих кафедр на истфаке просто не было.

Таким образом, в условиях неприятия на Восточном факультете, Л.Н. Гумилев трудоустроивался в ЛГУ туда, куда была возможность – вот так он стал географом. Практически все воспоминания о нем утверждают, что предварительно этот шаг был согласован с ректором Ленинградского университета А.Д. Александровым. Учитывая происхождение и «статус» реабилитированного Л.Н. Гумилева, видимо, это действительно так.

Есть еще один фактор, который необходимо учесть, чтобы лучше понять ситуацию, в которой находился (и из которой искал выхода) Л.Н. Гумилев в начале 1960-х гг. Этот фактор можно назвать «этнографическим». Интерес к этнографии, к изучению народов, развивался у него параллельно с интересом к археологии. Полагаем, что это одна из причин, которые привели его во Всесоюзное географическое общество. Как известно, на протяжении столетия членами этого известнейшего научного сообщества были далеко не только чистые географы, но также историки, этнографы. Л.Н. Гумилев стал действительным членом ВГО после войны. А после второго освобождения – восстановился в обществе. И вот в 1961 г., как отмечают С.Б. Лавров, А.И. Чистобаев и другие, он возглавил одно из подразделений ВГО – отделение этнографии. На этот момент у Л.Н. Гумилева еще не было разработано, в опубликованном виде, собственной этнологической концепции, но его основные научные интересы на протяжении 1950-х гг. (и тогда, когда он находился в заключении, и после) фактически уже переместились от политической истории народов Срединной Азии к их этнической истории.

По обоснованному предположению А.И. Чистобаева, Л.Н. Гумилев был принят на работу в Географо-экономический НИИ ЛГУ не без содействия руководства ВГО^[20]. Однако существенно то, что никаких этнографических исследований в НИИ географии не велось, никаких курсов по этнографии студентам-географам в ЛГУ не читалось.

В этой связи может возникнуть вопрос о том, что для Л.Н. Гумилева, учитывая его реальные научные исследования, более соответствовала бы преподавательская работа на кафедре этнографии, чем на кафедре археологии. И это действительно так. Но такой кафедры в 1962 г. на Историческом фа-

[19] Лев Николаевич Гумилев // Вестник Ленинградского университета. Сер. 7. 1992. № 3. С. 124.

[20] Чистобаев А.И. Этнологи, опередившие время (к 90-летию Л.Н. Гумилева и 50-летию К.П. Иванова). СПб, 2002. С. 35.

культете ЛГУ не существовало. Точнее, еще в 1952 г. кафедра этнографии на истфаке была закрыта. Как известно, только в 1968 г. на Историческом факультете ЛГУ произошло воссоздание кафедры этнографии и антропологии. Первым заведующим новой кафедрой стал кандидат наук Р.Ф. Итс. Хотя вполне мог стать и доктор наук Л.Н. Гумилев^[21]. Тогда же, в 1962 г., такой возможности не существовало даже гипотетически.

Таковы обстоятельства, в контексте которых происходило трудоустройство Л.Н. Гумилева в ЛГУ после защиты докторской диссертации. В значительной степени данные обстоятельства обусловили его дальнейшую научную судьбу.

Что касается Географического факультета, то кафедра экономической географии, к которой он был «прикреплен», изначально была весьма далека от этнографии и этнологии. Здесь он мог читать, будучи своего рода «экстраординарным профессором», только историческую географию и географию населения. Попыткой приспособиться к отсутствию курса этнографии у географов и стала разработка Л.Н. Гумилевым факультативного спецкурса «Народоведение».

В связи с этим возникает вопрос: что было бы более плодотворно для него (и для отечественной науки вообще) – работать в русле исторической науки или географической? Однозначного ответа нет. Научная судьба Л.Н. Гумилева сложилась так, как сложилась. Нахождение его вне традиционной этнографии и исторической науки имело и свои «плюсы», и свои «минусы». С одной стороны, находясь в среде географов, Л.Н. Гумилев, как историк, приобрел определенную независимость. С другой же стороны, он все больше поворачивал (или вынужден был повернуть?) свою концепцию к разряду естественных наук, отдаляясь от гуманитарных. Но тем самым он неизбежно обрекал себя в сообществе историков на периферийное положение.

Пытаясь преодолеть складывающуюся ситуацию (где Л.Н. Гумилев становился, образно говоря, «своим среди чужих и чужим среди своих»), стремясь продвинуть идеи этнографии в среду географической науки, расширить существующие предметные рамки географии вообще, и экономической в частности, он 17 февраля 1966 г. выступает на заседании отделения этнографии Географического общества СССР с докладом «Этнос и ландшафт. Историческая география как народоведение». Обращает на себя внимание, что данный концептуальный доклад сделан не на научном семинаре кафедры экономической географии ЛГУ, и не в НИИ географии, а в общественной организации. Но даже и там этот доклад был опубликован (через два года) с редакционной сноской – «в порядке обсуждения».

Излагая свое понимание места этносов, этносферы в различных социоприродных «сферах», Л.Н. Гумилев делает вывод: «Возникает возможность - наряду с описательной наукой этнографией, отмечающей черты внешнего своеобразия этносов, построить новую дисциплину - народоведение (этнологию), ставящую и решающую проблемы этногенеза и взаимодействия между человечеством и природой, как живой, так и косной». Существенно и последнее предложение доклада: «Эта новая наука по предмету, аспекту и методике будет относиться к разряду естественных, а не гуманитарных наук»^[22].

Сегодня, как известно, этнология занимает в науке свое законное место, включив, по сути, в себя традиционную описательную этнографию. Поэтому, следует признать, что тогда, в 1960-е гг. Л.Н. Гумилев, не желавший ограничиваться рамками только этнографии, был прав. Однако, пытаясь расширить пределы географической науки, пытаясь найти там свое «суверенное» место, он на самом деле сформулировал односторонний тезис (этно-

[21] Гумилева Н.В. Документы // Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 1994. С. 617-618.

[22] Гумилев Л.Н. Этнос и ландшафт. Историческая география как народоведение // Доклады Географического общества СССР. 1968. Вып. 3. С. 202.

логия – естественная наука, а не гуманитарная), который своей категоричностью ограничил его возможности плодотворных контактов с историками и этнографами.

Все эти непростые научные и околонучные обстоятельства, в которых – между историками, востоковедами, географами и этнографами – оказался Л.Н. Гумилев в 1960-е и последующие годы, несут на себе печать научной трагичности. Конечно, можно сказать, что он, как дюреровский Рыцарь, несмотря ни на что, преодолевал все препятствия, шел своей дорогой. Но какова была цена всего этого?

Только в 2007 г., то есть спустя 15 лет после смерти Л.Н. Гумилева, на Историческом факультете СПбГУ прошла первая научная конференция на кафедральном уровне (ее организаторами выступили кафедры источниковедения истории России и исторического регионоведения, а также мемориальный Музей-квартира Л.Н. Гумилева), посвященная изучению наследия ученого^[23]. Но когда же в полной мере Исторический факультет СПбГУ признает Л.Н. Гумилева как «своего»?

Очевидно, что положение «своего среди чужих, чужого среди своих», в котором Л.Н. Гумилев оказался на рубеже 1950-х – 1960-х гг., не было блестящим, но оно, тем не менее, давало и совершенно новые возможности для творческого роста и саморазвития на грани различных наук. И эти возможности Л.Н. Гумилев не упустил. Расположившись на беспокойном междисциплинарном «фронтире», он обрел ту интеллектуальную свободу, которой не обладали многие историки, «вмонтированные» в существующую «реальную» историческую науку.

Пытаясь осмыслить сегодня, в начале XXI в., обширное наследие Л.Н. Гумилева, мы видим, что его вклад в развитие науки (если абстрагироваться от отраслевых, групповых, субъективных и т.д. градаций и пристрастий) масштабен, поражает своей объемностью, многоплановостью. Как отметил Ю.К. Ефремов, «критики и теперь еще точат Гумилёва с позиций мыши, ловят блох и не видят главного, а он учит наблюдать мир с высоты полета орла. Именно так можно оценить и величие всего содеянного им самим»^[24].

Действительно, историческую палитру, панораму стран и народов Евразии можно увидеть только взглядом орла. Поэтому наследие Л.Н. Гумилева – это взгляд ученого-евразийца, который в 1960-е – 1970-е (да и в 1980-е гг.) не афишировал свое евразийство, но внес существенный вклад – со своей стороны – в научное обоснование евразийских идей.

Глубоко символическое и в то же время конкретно-историческое значение для понимания «евразийского» поворота Л.Н. Гумилева имеет его многолетняя (с 1956 по 1968 гг.) переписка с П.Н. Савицким. Интереснейшие письма П.Н. Савицкого к Л.Н. Гумилеву были фрагментарно опубликованы С.Б. Лавровым и В.А. Мичуриным в 1993 г. в сборнике «Ритмы Евразии» и В.А. Мичуриным и В.Ю. Ермолаевым в 1994 г. в сборнике «Черная легенда»^[25]. Но только совсем недавно, в 2009-2010 гг., одна сторона этой переписки – письма П.Н. Савицкого к Л.Н. Гумилеву – была полностью опубликована М.Г. Козыревой и И.Ф. Кефели в петербургском журнале «Геополитика и безопасность»^[26].

Письма П.Н. Савицкого позволяют проследить интеллектуальное взаимовлияние по широкому кругу проблем, в том числе и по вопросу об истоках евразийской концепции взаимодействия Орды и Руси в насле-

[23] Воронович А.В. Крупный пассонарий // Санкт-Петербургский университет. 2007. № 2. – Режим доступа: <http://journal.spbu.ru/2008/02/19.shtml>.

[24] Ефремов Ю.К. Слово о Льве Николаевиче Гумилеве // Известия Русского географического общества. 1994. № 1.

[25] Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. М., 1993; Гумилев Л.Н. Черная легенда. Друзья и недруги Великой степи. М., 1994.

[26] Письма П.Н. Савицкого Л.Н. Гумилеву // Геополитика и безопасность. 2009. № 8; 2010. № 1 (9), 2 (10).

дии Л.Н. Гумилева. Хорошо известно, что евразийцы в начале 1920-х гг. одним из первых в XX в. обратились к новому прочтению русско-ордынских отношений. Но их работы (в первую очередь Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого, Г.В. Вернадского) были в 1930-е – 1950-гг. по известным причинам недоступны Л.Н. Гумилеву. Поэтому письма П.Н. Савицкого позволяют проследить то, как Л.Н. Гумилев непосредственно соприкоснулся с классической евразийской интеллектуальной тенденцией. И если в вопросах древней и средневековой истории тюрков его познания, безусловно, превосходили уровень П.Н. Савицкого, то в области евразийского осмысления российской истории он пошел вслед за евразийцами 1920-х гг.. Письма П.Н. Савицкого как раз и позволяют увидеть, когда и какие евразийские идеи стали достоянием Л.Н. Гумилева.

Конечно, Л.Н. Гумилев был человеком исключительно самостоятельным в научных воззрениях, и влиять на него было сложно. Думается, он сам в данной переписке постепенно влиял на П.Н. Савицкого. Но отказать в позитивном воздействии идей П.Н. Савицкого на Л.Н. Гумилева мы не можем. Это, собственно, наглядно подтверждает вся их многолетняя переписка. Об этом свидетельствует дружеский, доверительный характер их отношений и, самое главное, то, что многие идеи, высказанные П.Н. Савицким в письмах, нашли свое продолжение и развитие в более поздних работах Л.Н. Гумилева 1970-х – 1980-х гг., в частности – «Древняя Русь и Великая Степь», «От Руси к России». И если П.Н. Савицкий пришел к необходимости кочевниковедения и истории тюрков от истории России, то Л.Н. Гумилев, шел, наоборот, от истории тюрков к истории России. И в этом интеллектуальном движении с «востока на запад» (в процессе которого он пересматривал многие устоявшиеся стереотипы восприятия взаимоотношений Орды и Руси), ему, безусловно, способствовала содержательная переписка с «отцом-основателем» евразийства П.Н. Савицким^[27].

Однако точку здесь ставить еще рано: полное представление об этом незаурядном научном общении можно будет составить только тогда, когда будет опубликована и вторая сторона этой переписки – письма Л.Н. Гумилева к П.Н. Савицкому. Надеемся, что к 100-летию Л.Н. Гумилева научная общность Казахстана и России сможет увидеть и осмыслить эти важнейшие страницы интеллектуальной истории евразийства XX века.

Таким образом, наследие Л.Н. Гумилева, рассмотренное в совокупности, позволяет утверждать о нем не только как об историке-востоковеде, но именно как об историке-«евразиеведе». В конечном счете, его наследие является глубоким обоснованием «евразиеведения» как перспективного направления исторической, а значит, и политической мысли.

[27] Селиверстов С.В. К вопросу об истоках евразийской концепции взаимодействия Орды и Руси в трудах Л.Н. Гумилева (публикация письма П.Н. Савицкого, Прага, 13-16 февраля 1963 года) // Алтайский вестник. Барнаул, 2007. № 3 (9). С. 8-9.

КОЛИЧЕСТВЕННАЯ ОЦЕНКА ИНТЕГРАЦИОННЫХ ТРЕНДОВ: РЕЗУЛЬТАТЫ СИСТЕМЫ ИНДИКАТОРОВ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ ЕАБР

ВИНОКУРОВ ЕВГЕНИЙ ЮРЬЕВИЧ

доктор экономических наук, заместитель начальника Аналитического управления Евразийского банка развития, руководитель авторского коллектива по проекту «Система индикаторов евразийской интеграции ЕАБР» (Алматы, Казахстан)

ЛИБМАН АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ

Ph.D., кандидат экономических наук, младший профессор Франкфуртской школы финансов, старший научный сотрудник Института экономики РАН, ассоциированный исследователь Центра российских исследований Восточно-Китайского университета (Алматы, Казахстан)

1. Задачи Системы индикаторов евразийской интеграции

Региональная интеграция относится к процессам комплексной трансформации и характеризуется интенсификацией отношений между государствами. Она создает новые формы управления, сосуществующие с традиционными формами институтов государственного управления на национальном уровне. В настоящее время региональная интеграция рассматривается как многоаспектный процесс, который наряду с экономической кооперацией также включает вопросы политики, безопасности, социального и культурного взаимодействия. В основе большинства существующих схем интеграции остается торговая и экономическая интеграция.

Региональная интеграция на постсоветском пространстве остается одной из наиболее часто обсуждающихся задач при формировании экономической политики на протяжении уже почти двух десятилетий. Число инициатив и проектов, направленных на углубление сотрудничества между государствами региона, исчисляется сотнями. В то же время определение эффективных стратегий в области интеграции требует создания системы комплексного мониторинга и оценки текущих процессов взаимодействия стран на экономическом, политическом и социальном уровне. Это может быть осуществлено в рамках системы количественных и качественных показателей региональной интеграции в широком смысле слова. Система индикаторов евразийской интеграции (СИЕИ) Евразийского банка развития (ЕАБР) призвана стать подобным инструментом мониторинга и оценки региональных интеграционных процессов на постсоветском пространстве. В данной статье освещены основные выводы СИЕИ^[1].

В условиях глобализации отмечается тенденция к росту числа региональных блоков, группировок и объединений. Сейчас их количество приближается к двумстам. Эти объединения позволяют небольшим по масштабам экономикам усилить свои конкурентные позиции в отношении крупных и крупнейших экономик. В этом контексте возникает вопрос, как региональная интеграция влияет на позицию стран, входящих в то или иное региональное объединение, и на страны, не являющиеся членами таких согла-

[1] Отчет по Системе индикаторов евразийской интеграции ЕАБР доступен на: <http://www.eabr.org/rus/publications/Projects/>

шений; каковы реальные выгоды и издержки интеграционных процессов; каков общий вектор интеграции, чего удалось достигнуть и где интеграционные усилия потерпели неудачу?

Ответ на данные вопросы можно получить при помощи мониторинга динамики региональной интеграции и оценки ее эффектов с использованием специализированного инструментария. На сегодняшний день таким инструментарием в мировой практике являются системы индикаторов региональной интеграции. Применительно к евразийскому пространству подобных «замеров» и комплексных исследований незаслуженно не проводилось. Хотя интеграционным процессам на постсоветском пространстве и свойственна особая специфика, ряд объективных признаков интеграции налицо – существование региональных организаций (СНГ, ЕврАзЭС), Таможенный союз, соглашение о Едином экономическом пространстве, безвизовый режим между большинством стран-участниц. К сфере интеграции относятся денежные переводы, инвестиции, технологии, образование и многое другое. Однако по различным причинам сегодня мало кто в состоянии определить реальную цену и оценить влияние этого сотрудничества, как для всего региона, так и для каждой отдельно взятой страны.

СИЕИ ЕАБР включает в себя девять основных и два обобщающих индекса, направленных на оценку интеграции в регионе и охватывающих различные аспекты регионального интеграционного процесса. СИЕИ состоит из блоков, в том числе: интеграция рынков в сфере торговли и трудовой миграции, а также взаимодействие в ключевых функциональных областях (сельское хозяйство, образование и энергетика); конвергенция основных характеристик экономик стран постсоветского пространства; качественные характеристики функционирования интеграционных группировок в регионе СНГ на основе экспертного опроса. Полученные результаты представляют интерес, как для оценки процесса интеграции за последнее десятилетие, так и для выявления потенциала интеграционного взаимодействия между странами. В СИЕИ входит широкий спектр показателей, отражающих как взаимодействие между парами стран, так и интеграцию на постсоветском пространстве в целом и в отдельных его субрегионах.

Данные, приведенные в первом издании Системы индикаторов, отражают динамику интеграционных процессов за десятилетний период 1999-2008 гг. Так решается задача определения «начала отсчета» развития постсоветских стран после первоначального центростремительного толчка 1990-х гг. Следовали ли они инерции дезинтеграции, достигли ли нового уровня стабильного взаимодействия, или в регионе возобладала интеграционные тенденции? К началу 2000-х гг. в большинстве стран региона в общих чертах сложилась базовая структура нового экономического порядка – а важнейший вопрос для анализа постсоветской интеграции связан именно с определением потенциального эффекта существующей институциональной среды на динамику взаимодействия. Важно не столько показать, что «институциональное междуцарствие» и нестабильность ведут к дезинтеграции, а выяснить, каким образом взаимодействуют страны между собой и с существующими институтами.

2. Структура Системы индикаторов

СИЕИ включает в себя три блока, соответствующих трем основным аспектам регионального взаимодействия:

- (а) Анализ региональной интеграции как интеграции рынков. В данном случае оценивается сближение стран с позиции масштабов потоков товаров, услуг и факторов производства между ними. В данный блок входят две группы показателей:

- (a1) общие показатели: торговая интеграция и интеграция в сфере мобильности рабочей силы;
- (a2) функциональная интеграция: интеграционное взаимодействие в трех ключевых областях экономического и социального взаимодействия стран региона СНГ (электроэнергетика, сельское хозяйство и образование).
- (б) Анализ региональной интеграции как конвергенции экономических систем. В данном случае оценивается сближение стран с позиции сходства основных количественных характеристик их экономического развития в четырех основных сферах: макроэкономика (динамика роста), финансовая политика, фискальная политика и денежно-кредитная политика;
- (в) Анализ институциональной кооперации. В данном случае оцениваются результаты взаимодействия стран в рамках формальных интеграционных проектов, функционирующих на постсоветском пространстве, с учетом широкого диапазона целей этих структур.

Рисунок 1.
Блоки Системы индикаторов евразийской интеграции

ИНТЕГРАЦИЯ РЫНКОВ	КОНВЕРГЕНЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ	ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ КООПЕРАЦИЯ
Индексы региональной интеграции в сфере торговли, трудовой миграции, электроэнергетики, сельского хозяйства, образования Оценка уровня и динамики интеграции рынков	Индексы региональной интеграции в сфере макроэкономики, монетарной, фискальной и финансовой политики Оценка уровня и динамики сближения экономик	Оценки кооперации, основанные на данных экспертного опроса и данных интеграционных организаций Взаимодействие стран в рамках формальных интеграционных проектов на постсоветском
сводный индекс интеграции отдельных стран с регионом СНГ-12 сводный индекс интеграции в рамках пяти регионов		

Оценка интеграции рынков и конвергенции экономических систем осуществляется на основе системы унифицированных показателей, в основном рассчитанных с использованием данных государственной статистики. Оценка институциональной кооперации основана преимущественно на данных опроса экспертов, проведенного Евразийским банком развития, а также данных, полученных у соответствующих организаций, и носит менее формализованный характер. Для анализа региональной интеграции, как интеграции рынков и как конвергенции экономических систем, рассчитываются три типа показателей для: (i) интеграции пар (диад) стран; (ii) интеграции страны с группой стран и (iii) интеграции внутри группы стран. Каждый из этих показателей требует собственной интерпретации. Интеграция пар стран показывает, в какой степени те или иные две страны постсоветского пространства связаны между собой: за счет масштабов трансграничной торговли, миграции или в результате сближения экономических показателей.

Интеграция страны и группы стран оценивает сближение одного из 12 государств постсоветского пространства с одним из крупных «реги-

онов» в составе региона, представляющих интерес с точки зрения практики интеграционного взаимодействия и включающих в себя несколько стран. Опыт реализации (как успешной, так и неуспешной) региональных проектов на постсоветском пространстве позволяет выделить пять таких регионов:

1. СНГ-12 (все государства постсоветского пространства);
2. ЕврАзЭС-5 (пять стран, входящих в состав Евразийского экономического сообщества – Россия, Казахстан, Кыргызстан, Беларусь и Таджикистан);
3. ЕврАзЭС-3 («тройка» крупнейших государств ЕврАзЭС, составляющих основу формирующегося «интеграционного ядра» в регионе – Россия, Казахстан и Беларусь);
4. ЕЭП-4 («четверка» крупнейших постсоветских экономик – Россия, Украина, Беларусь и Казахстан – названная так в соответствии с не реализовавшимся проектом Единого экономического пространства, предполагавшем сближение в этом формате); и
5. ЦА-4 (четыре государства Центральной Азии, принимающие участие в интеграционных проектах в регионе – Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан и Таджикистан; Туркменистан, находящийся в стороне от регионального взаимодействия на пространстве СНГ и Центральной Азии, не включен в эту группу).

Интеграция внутри группы стран оценивает «средний» уровень взаимозависимости государств, относящихся к одному из пяти перечисленных регионов, и изменение степени интеграции на той или иной территории постсоветского пространства с течением времени.

В общем виде Система индикаторов евразийской интеграции ЕАБР включает в себя девять индексов региональной интеграции: интеграция в сфере торговли, трудовой миграции, электроэнергетики, сельского хозяйства, образования, макроэкономики, монетарной, фискальной и финансовой политики, а также ряд показателей кооперации, основанных на данных экспертного опроса. Пять первых индексов оценивают уровень и динамику интеграции рынков. Четыре последних индекса – уровень и динамику конвергенции экономик.

Основное внимание целесообразно уделять отдельным показателям, а не их агрегатам. Тем не менее, также были рассчитаны два типа обобщенных индексов, позволяющих дать более широкую картину региональных интеграционных процессов на постсоветском пространстве и включающих в себя все девять показателей. Во-первых, это сводный индекс интеграции отдельных стран с регионом СНГ-12 и, во-вторых, сводный индекс интеграции в рамках пяти регионов. Общая схема СИЕИ приводится в Таблице 1:

Для индексов интеграции рынков и конвергенции экономик рассчитаны показатели за период 1999-2008 гг. (частично за меньший период в силу отсутствия данных для более ранних наблюдений). Оценка результатов региональной кооперации осуществлялась на момент составления отчета.

3. Общие выводы

Анализ динамики показателей СИЕИ за прошедшие десять лет позволяет сделать четыре основных вывода.

Во-первых, интеграция на постсоветском пространстве развивается неравномерно как географически, так и с точки зрения сфер взаимодействия. За прошедшие годы резко возрос уровень интеграции в сфере трудовой миграции и взаимодействия на рынках образовательных услуг; в то же время

Таблица 1
Структура СИЕИ

	Интеграция рынков		Конвергенция экономик	Региональная кооперация	Обобщающие индексы
	Общие показатели: торговая интеграция, интеграция в сфере трудовой миграции	Функциональная интеграция: образование, сельское хозяйство и энергетика	Макроэкономика, финансовая политика, фискальная политика и денежно-кредитная политика	Набор неформализованных показателей на основе экспертного опроса	
Пары стран	x	x	x		
Страна – регион	x	x	x (взвешенные и невзвешенные индикаторы)		Индекс интеграции стран с регионом СНГ-12
Регион	x	x	x		Индекс интеграции пяти регионов
Формальный интеграционный проект				x	

наблюдается сокращение уровня интеграции в сфере торговли, энергетики и сельского хозяйства, а также дивергенция макроэкономических показателей постсоветских стран. При этом важно понимать, что негативные тенденции в какой-то степени обусловлены высокими темпами роста постсоветских экономик, при которых их размер систематически увеличивался быстрее, чем масштабы экономических взаимосвязей.

Во-вторых, обобщенный показатель интеграции для постсоветского пространства в целом (регион СНГ-12) указывает на снижение уровня интеграции; в то же время пространство ЕврАзЭС-5 (и в особенности группа из трех крупнейших государств – ЕврАзЭС-3) стало более интегрированным.

В-третьих, лидерами интеграции на постсоветском пространстве остаются небольшие страны – Кыргызстан, Армения и Таджикистан. Сводный показатель интеграции для крупных стран заметно ниже, и, прежде всего, это касается России. Причиной этого является, опять же, больший размер экономики, делающий относительную роль взаимосвязей на постсоветском пространстве менее значимой. За некоторыми исключениями, рейтинг участия постсоветских стран в процессах региональной интеграции остается стабильным на протяжении десяти лет. В то же время уровень интеграции в рамках отдельных групп постсоветских стран, определенный на основе сводного показателя, заметно варьируется, что связано преимущественно с динамикой показателей конвергенции экономик. Индексы интеграции рынков также стабильны и сохраняют устойчивый порядок на протяжении прошедшего десятилетия.

В-четвертых, в сфере интеграции рынков отчетливо прослеживается существование пространственных кластеров интеграции в регионе СНГ. В частности, в сфере энергетики, сельского хозяйства и образования уровень интеграции в Центральной Азии выше, чем на постсоветском пространстве в целом, хотя этот показатель и сокращается с течением времени. В сфере торговли и миграции наиболее интенсивные взаимосвязи формируются между соседними странами. В то же время можно констатировать, что Россия не

является единственным «интеграционным центром» на постсоветском пространстве. Например, в сфере миграции немаловажную роль для некоторых постсоветских стран играет Казахстан. Для показателей конвергенции экономик, свидетельства существования пространственных кластеров отсутствуют. По всей видимости, их динамика во многом определяется эволюцией внутренней экономической политики постсоветских стран.

4. Лидеры интеграции на постсоветском пространстве

На Рисунке 2 приводится расчет сводного индекса интеграции отдельных стран с регионом СНГ-12. Приведены расчеты индекса для 2008 и 2002 годов (текущего момента и первого года наблюдений, для которого мы располагаем информацией по всем девяти аспектам интеграции). Индекс определен для 10 стран постсоветского пространства. В силу отсутствия данных, из анализа исключены Узбекистан и Туркменистан. Большее значение индекса соответствует более высокому уровню интеграции. Индекс принимает значения от -1 до 1. Показатели нормированы таким образом, что их среднее значение равно нулю: поэтому для стран с небольшим уровнем интеграции индекс имеет отрицательную величину, а для стран с высоким уровнем интеграционного взаимодействия – положительную.

График позволяет четко выделить основных лидеров интеграционного взаимодействия.

Таджикистан продолжает оставаться страной, в наибольшей степени интегрированной с постсоветским пространством. Это связано, прежде всего, со сравнительно высокой ролью торговли с постсоветскими странами (и, прежде всего, Россией) для этой страны и – в особенности - ее вовлеченностью в процессы трудовой миграции в регионе. Для Таджикистана взаимодействие с другими постсоветскими государствами в ключевых сферах функциональной интеграции имеет большую важность, в особенности в области электроэнергетики. Высокий рейтинг Таджикистана связан с объективными характеристиками экономики этой страны – ее сравнительно небольшими размерами, отсутствием экспортного потенциала углеводородного сырья и доступа к морям. Активное участие Таджикистана в работе большинства интеграционных объединений на постсоветском пространстве во многом связано с важнейшим значением регионального сотрудничества для страны.

В 2008 году небольшие страны – Кыргызстан и Армения также занимали второе и третье места в рейтинге. В обоих случаях уровень интеграции с

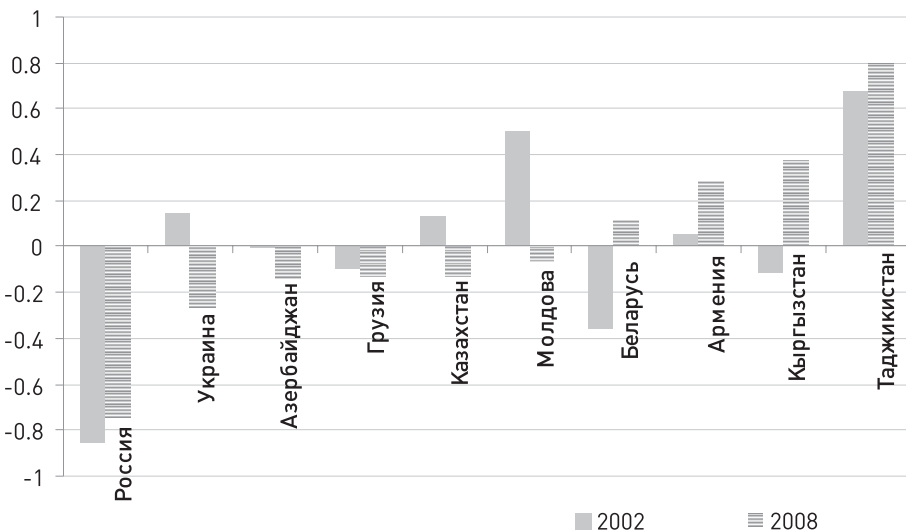


Рисунок 2
Обобщенный индекс интеграции на постсоветском пространстве
(страна – регион СНГ-12), 2002 и 2008 гг.

постсоветским пространством заметно вырос за прошедшие шесть лет. Кыргызстан также активно вовлечен в структуру товарных потоков и потоков трудовых мигрантов на постсоветском пространстве; в то же время для этой страны важную роль играет интеграция с постсоветскими государствами в сфере образования и сельского хозяйства. При этом речь не идет о взаимосвязях преимущественно с Россией, как это характерно, например, для Таджикистана и Армении. Не менее важную роль для Кыргызстана играет интеграционное взаимодействие с соседним Казахстаном. Как и Таджикистан, Кыргызстан является активным участником ключевых интеграционных группировок на пространстве СНГ. Для Армении характерно стремление к интеграции в сфере торговли, резко выросшее за прошедшие годы. Участие Армении в формальных интеграционных проектах носит более ограниченный характер, в том числе и из-за принятых обязательств в рамках ВТО. Однако интерес Армении к интеграционному процессу на постсоветском пространстве остается значительным.

Страны, занимающие четвертую и пятую позиции в рейтинге – Беларусь и Молдова – демонстрируют противоположную друг другу динамику интеграции. Уровень интеграционного взаимодействия Молдовы со странами СНГ резко снизился, переместив страну со второй на пятую позицию среди десяти постсоветских государств. Этот же показатель для Беларуси, напротив, значительно возрос. Беларусь традиционно входит в число ключевых государств для постсоветской интеграции, а ее экономика тесно связана с российской. Молдова, напротив, является одним из «скептиков» в отношении интеграционного взаимодействия на постсоветском пространстве, не принимая участия ни в одном крупном интеграционном проекте (кроме ГУУАМ и, собственно, Содружества).

Замыкают рейтинг преимущественно крупные страны: Казахстан, Азербайджан, Украина и Россия. Речь идет, во-первых, об экономиках с диверсифицированной структурой внешнеэкономических взаимосвязей, объективно ведущей к снижению доли постсоветского пространства в экономических взаимосвязях, а во-вторых, о достаточно богатых государствах, три из которых являются экспортёрами углеводородов (Казахстан, Азербайджан и Россия). Среди государств этой группы только Казахстан и Россия активно участвуют в формальном интеграционном взаимодействии. Азербайджан и Украина, напротив, всегда с большой сдержанностью относились к интеграционным проектам в СНГ, соглашаясь лишь на ограниченное участие (например, для Украины таким «пределом» является зона свободной торговли). Последнее место России, крупнейшей постсоветской экономики, не вызывает удивления и связано только со сравнительным размером страны, по численности населения примерно соответствующей всему остальному постсоветскому пространству, а по ВВП его превосходящей.

В целом, можно говорить о сравнительно стабильном распределении постсоветских стран, с точки зрения обобщенного индекса. Круг «лидеров» и «отстающих» практически не изменился с 2002 года.

Это свидетельствует, с одной стороны, об устойчивости сложившихся в регионе СНГ экономических взаимосвязей, а с другой – о недостаточном использовании «отстающими» государствами (то есть крупнейшими экономиками) интеграционного потенциала.

Второе направление расчета обобщенных индексов связано с определением средней динамики интеграции в рамках пяти субрегионов, выделенных для анализа. На Рисунке 3 приведены результаты расчетов за 2002-2008 годы (то есть период, для которого доступны данные, по всем девяти аспектам интеграции). Показатель опять же варьируется от -1 до 1 и нормирован так, чтобы среднее значение было равно нулю. Большое значе-

ние индекса соответствует более высокому уровню интеграции. Привлекают внимание три основные тенденции. Во-первых, снизился уровень интеграции в рамках СНГ-12 по сравнению с остальными группировками. Во-вторых, в регионах ЦА-4 и ЕЭП-4 уровень интеграции остается неизменным. В то же время, в-третьих, для ЕврАзЭС-3 и особенно ЕврАзЭС-5 наблюдается однозначная позитивная тенденция динамики региональной интеграции и кооперации. К 2008 г. ЕврАзЭС-3 «обогнал» все остальные группы и является лидером интеграции на постсоветском пространстве (что, впрочем, частично связано не столько с ростом индекса для ЕврАзЭС-3, сколько с падением индекса для ЕЭП-4). Группа ЕврАзЭС-5 по-прежнему занимает последнее место в рейтинге, но все же сильно улучшила свою позицию.

5. Интеграция рынков

С позиции конкретных направлений и сфер взаимодействия, результаты интеграционных процессов выглядят следующим образом: в течение рассматриваемого периода, степень связанности региона возросла в сфере миграции трудовых ресурсов и образовательных услуг; в то же время масштабы интеграции сократились во внешнеторговых отношениях, а также энергетике и сельском хозяйстве. Во многом такие результаты связаны с выбранным «основанием сравнения»: динамика роста населения в регионе, вне всякого сомнения, уступает динамике роста ВВП. В то же время подобная ситуация косвенно свидетельствует о сохранении (и даже росте) уровня социальной интеграции постсоветских стран, являющейся, как известно, потенциальной основой более тесного интеграционного взаимодействия и в других областях.

По результатам проведенных расчетов, выявить пары или группы регионов, однозначно лидирующих, с точки зрения динамики и текущего состояния интеграции, с позиции всех аспектов интеграции рынков, не удалось. Напротив, насколько можно судить, структура взаимосвязей на различных рынках на постсоветском пространстве сильно различается. В определенной мере это является свидетельством разнообразия интересов и ресурсов стран с точки зрения развития интеграционного взаимодействия в регионе СНГ. Лидерами интеграции с пространством СНГ-12 в различных категориях стали Беларусь, Кыргызстан и Таджикистан – три страны, активно участвующие в постсоветских интеграционных проектах. В число стран, характеризовавшихся наибольшим приростом уровня интеграции, опять же вошли Кыргызстан и Таджикистан, а также Украина.

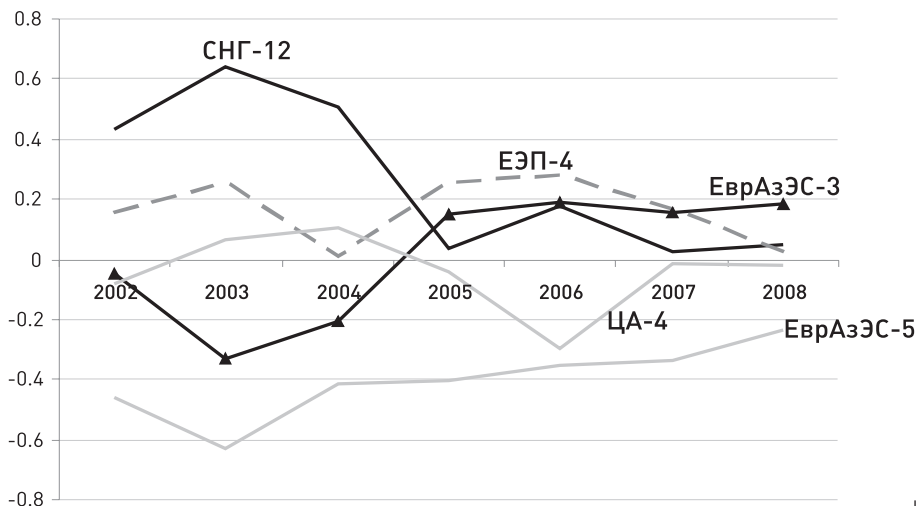


Рисунок 3
Обобщенный индекс интеграции для пяти групп стран на постсоветском пространстве, 2002-2008 гг.

Во всех трех сферах функциональной интеграции (энергетика, сельское хозяйство и образование) уровень интеграции в Центральной Азии заметно выше, чем на постсоветском пространстве в целом. Это может быть связано как с наличием инфраструктурных взаимосвязей, так и с общим социальным пространством. В то же время во всех случаях динамика этой субрегиональной интеграции также была негативной.

Для интеграции рынков в сфере торговли и миграции масштабы взаимосвязей в Центральной Азии уступают уровню интеграции в СНГ в целом. За редкими исключениями (например, образование), динамика интеграции в отдельных крупных регионах следовала общему тренду, определенному, очевидно, крупнейшими экономиками постсоветского пространства. В то же время различия в уровне между интеграцией в отдельных регионах (опять же, за немногочисленными исключениями) оставались стабильными на протяжении прошедшего десятилетия.

В частности, в Центральной Азии географическая близость не ведет к росту торговой интеграции, а лидерами по торговой интеграции с регионом СНГ-12 являются Беларусь, Кыргызстан, Таджикистан и Молдова – то есть (за исключением Беларуси) сравнительно небольшие страны, не обладающие выходом на глобальные рынки. Причины такого распределения показателей очевидны. Хотя для Беларуси, Таджикистана и Молдовы рынки СНГ-12 являются приоритетными, с позиций более крупных государств региона, масштабы торговых отношений с малыми странами являются менее значимыми в количественном выражении, чем с другими торговыми партнерами. А в силу того, что для целей СИЕИ наибольший интерес представляет ситуация симметричной интеграции, это автоматически снижает уровень показателя. Минимальной интеграцией с регионом СНГ-12 характеризуются Азербайджан и Россия, в большей степени ориентированные на вне-региональные рынки.

В контексте трудовой миграции, лидером, с точки зрения интеграции с СНГ-12, выступает Таджикистан, что связано, очевидно, со значительным, по сравнению с численностью населения этой страны, потоком трудовых ресурсов в Россию. Второе, третье и четвертое места занимают Кыргызстан, Молдова и Армения. Примечательно, что минимальная интеграция в сфере трудовых ресурсов была зарегистрирована в Беларуси. Иначе говоря, интеграция различных рынков на постсоветском пространстве носит неоднородный характер, то есть интенсивный товарообмен не обязательно связан с динамичным движением факторов производства (рисунок 5).

Таблица 2
Динамика интеграции рынков на постсоветском пространстве

ПОКАЗАТЕЛЬ	ДИАДА-ЛИДЕР (уровень индекса, 2008)	ДИАДА-ЛИДЕР (прирост индекса)	ЛИДЕР ИНТЕГРАЦИИ С СНГ-12 (уровень индекса, 2008)	ЛИДЕР ИНТЕГРАЦИИ С СНГ-12 (прирост индекса)	ОБЩАЯ ДИНАМИКА ИНТЕГРАЦИИ РЕГИОНА СНГ-12
Торговля	Россия-Украина	Казахстан-Украина	Беларусь	Кыргызстан	↓
Трудовая миграция	Казахстан-Кыргызстан	Казахстан-Кыргызстан	Таджикистан	Таджикистан	↑
Энергетика	Узбекистан-Таджикистан	Россия-Украина	Таджикистан	Украина	↓
Сельское хозяйство	Казахстан-Азербайджан	Казахстан-Туркменистан	Кыргызстан	Туркменистан	↓
Образование	Кыргызстан-Узбекистан	Узбекистан-Казахстан	Кыргызстан	Кыргызстан	↑

Динамика торговли электроэнергией на постсоветском пространстве многократно отстает от темпов роста динамики развития экономик стран региона СНГ. В подавляющем большинстве диад индекс интеграции за 2002-2008 годы сократился. Исключением является Украина, для которой уровень интеграции с группами ЕврАзЭС-5 и ЕврАзЭС-3 несколько вырос, в то время как с СНГ-12 – снизился (движущей силой опять же является развитие торговли электроэнергией с Россией). Динамика интеграции в регионах постсоветского пространства также подтверждает уже отмеченные тенденции. Во всех пяти регионах за прошедшие семь лет уровень энергетической

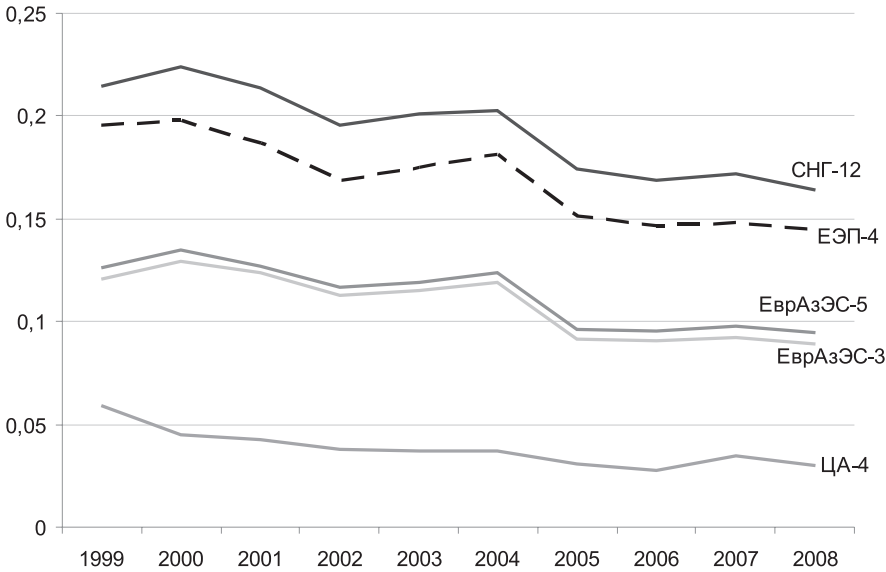


Рисунок 4
**Динамика
торговой
интеграции
в пяти регионах
постсоветского
пространства**

интеграции снизился. Особенно сильным это снижение было для региона ЦА-4, который, тем не менее, остается лидером, с точки зрения интеграции рынков электроэнергетики на постсоветском пространстве. Следует отметить, что речь идет именно об отставании динамики интеграции рынков от темпов роста экономик, а не о сокращении абсолютных объемов тор-

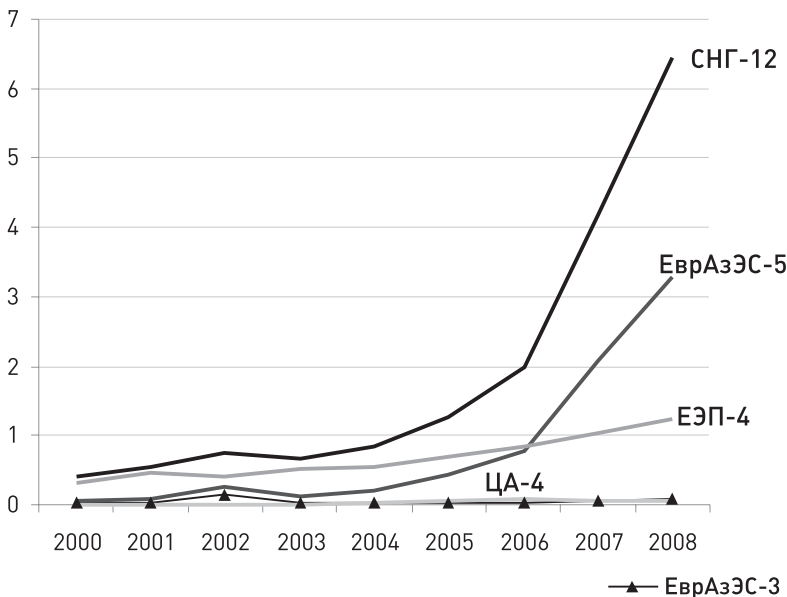
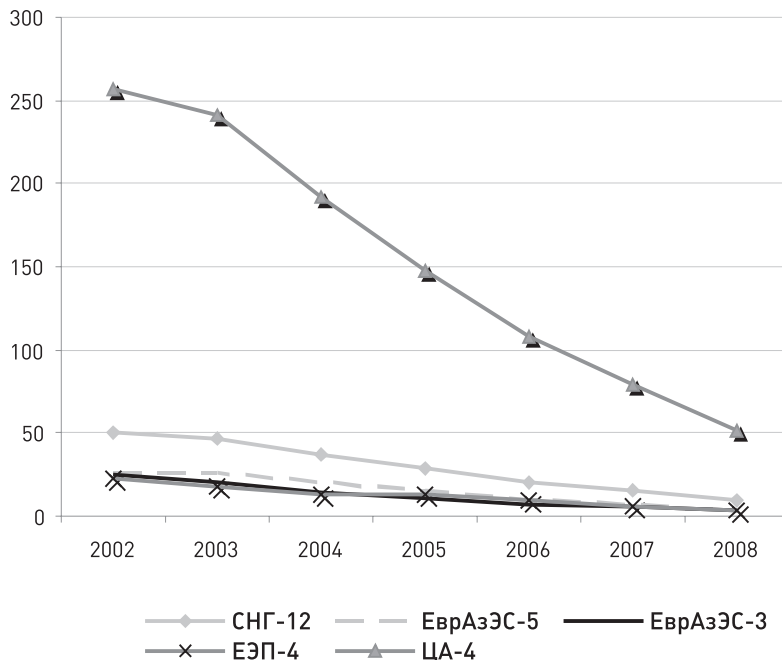


Рисунок 5
**Динамика
интеграции
в сфере
трудоустройства
в регионах
постсоветского
пространства**

говли. Отрицательная динамика индекса, по мнению авторов, объясняется, как ни парадоксально, быстрым экономическим ростом стран региона в течение всего охваченного десятилетия. Страны в приоритетном порядке использовали произведенную электроэнергию на внутренние нужды, сокращая, в случае необходимости, экспортные поставки. Эту тенденцию может переломить создание общего электроэнергетического рынка СНГ.

Рисунок 6
Динамика энергетической интеграции в пяти регионах постсоветского пространства



Лидером в сфере сельского хозяйства (оценки которой основаны на трансграничной торговле зерновыми) на постсоветском пространстве является Казахстан. Эта страна присутствует во всех трех диадах-лидерах: Казахстан-Азербайджан, Казахстан-Туркменистан и Казахстан-Кыргызстан. Речь идет об интеграции соседних государств Центральной Азии и Каспийского региона, основанной, по всей видимости, на экспорте зерновых из Казахстана. С позиции интеграции стран и регионов СНГ, лидером по интеграции с регионом СНГ-12 является Кыргызстан – очевидно, в силу значительного экспорта зерновых, по сравнению с размером экономики этой страны. Минимальным уровнем интеграции с СНГ-12 и другими группами стран характеризуется Россия – в силу значительных размеров экономики и мощного внутреннего сельского хозяйства. Как и в случае с энергетикой, торговля зерновыми на постсоветском пространстве по своей динамике заметно отстает от темпов роста национальных экономик.

Для образования в качестве показателя взято количество студентов, обучающихся за рубежом. Наиболее интенсивным является образовательный обмен между соседними странами, сравнительно близкими друг к другу с точки зрения географии и культуры (Кыргызстан-Узбекистан, Казахстан-Кыргызстан, Грузия-Армения). Крупные государства, Россия и Украина, вне сомнения, остаются наиболее привлекательными для иностранных студентов из региона СНГ, но их число, в пропорции к общей численности населения этих стран, остается незначительным. Максимальным уровнем показателей интеграции страны и региона для группы СНГ-12 характеризуется Кыргызстан; второе место занимает Казахстан. Однако на третьем месте находится Беларусь, очевидно, за счет вовлеченности этой страны в образовательное взаимодействие с Россией.

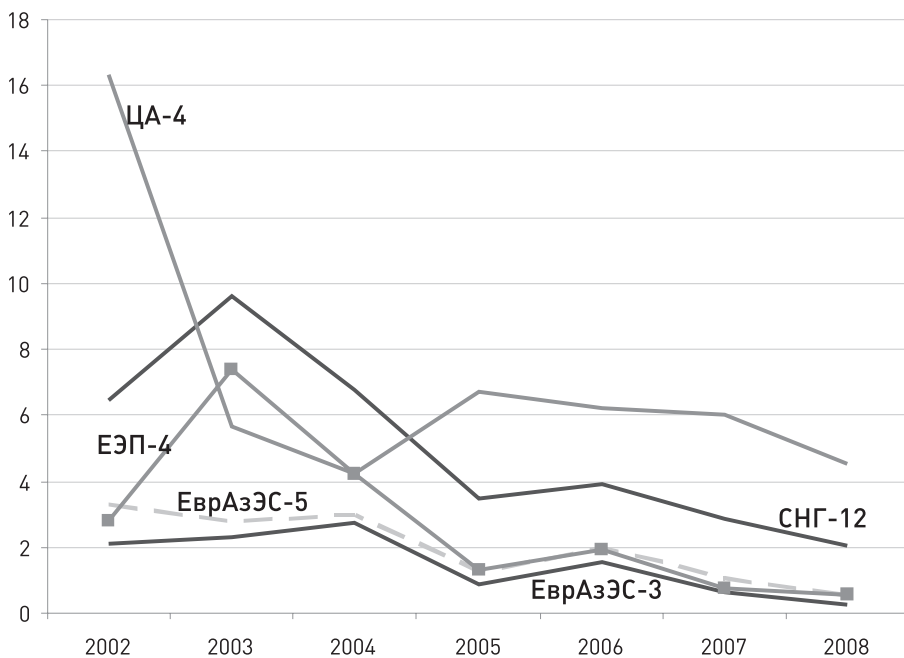


Рисунок 7
Динамика сельскохозяйственной интеграции в пяти регионах постсоветского пространства

Это взаимодействие незначительно, по меркам численности российского населения, но более существенно с точки зрения численности населения Беларуси. Эти же три страны (но в ином порядке) лидируют и в группах ЕврАзЭС-5, ЕврАзЭС-3 и ЕЭП-4.

Эволюция взаимосвязей в сфере высшего образования на пространстве СНГ за прошедшие девять лет сильно дифференцируется в зависимости от рассматриваемой пары стран. Максимальный прирост индекса интеграции приходится на диаду Узбекистан-Казахстан, далее следует пара Кыргызстан-Казахстан. В отношении прироста индекса интеграции стран с пятью регионами постсоветского пространства, во всех без исключения парах «страна-регион» отмечается положительная динамика. Максимальными показателями прироста интеграции с регионом СНГ-12 характеризуются Кыргызстан и Беларусь. Эти же страны лидируют по позитивной динамике и в интеграции с ЕЭП-4, ЕврАзЭС-3 и ЕврАзЭС-5; для региона ЦА-4 лидерами выступают Кыргызстан и Узбекистан.

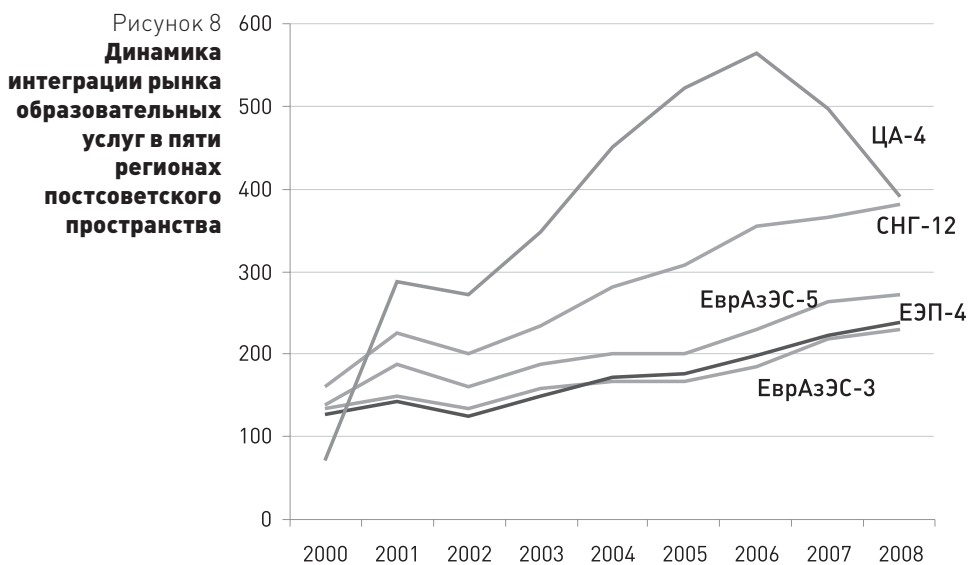
Анализ динамики интеграции в пяти постсоветских регионах также свидетельствует о ярко выраженных положительных тенденциях. Исключением является регион ЦА-4, где в последние годы показатель интеграции заметно снизился. Тем не менее, ЦА-4 все еще лидирует по показателю интеграции рынка образовательных услуг, по сравнению с другими субрегионами.

6. Конвергенция экономик

В отличие от интеграции рынков, конвергенция экономик на постсоветском пространстве сильно дифференцируется в зависимости от пар стран и диад «страна-регион». Практически отсутствует географическая «привязка» сближающихся друг с другом государств, поскольку «расстояние» между характеристиками экономической политики отдельных стран, как правило, не связано с пространственной дистанцией между ними. В целом можно констатировать, что в сфере макроэкономики постсоветское пространство в течение последних десяти лет переживало период дивергенции. С точки зре-

ния монетарной политики, напротив, наблюдалось значительное схождение постсоветских государств.

В любом случае, полученные результаты для конвергенции экономик в меньшей степени позволяют выявить последовательные и устойчивые тенденции, чем для интеграции рынков. В то же время конвергенция экономик является важнейшей характеристикой, как минимум, с точки зрения потенциала интеграции и кооперации, и поэтому заслуживает пристального внимания. Основные результаты анализа обобщены в Таблице 3. Четко видно, что в отличие от интеграции рынков, конвергенция экономик связана преимущественно с факторами вне пределов собственно интеграционного взаимодействия. Ключевую роль здесь играют выбранные странами стратегии реформ и практика макроэкономического регулирования, ведущие к сокращению дистанции между ними. В то же время очевидно, что, например, без синхронности бизнес-циклов или схожих параметров монетарной сферы, формирование скоординированной политики в сфере экономической интеграции едва ли возможно. Следовательно, внутриэкономические процессы, обуславливающие сближение стран, оказываются в числе важнейших аспектов интеграции.



С точки зрения макроэкономической конвергенции, расчеты свидетельствуют скорее о расхождении постсоветских государств, чем о наличии в регионе тенденций к сближению макроэкономических показателей. Лидерами с точки зрения конвергенции являются сравнительно небольшие группы ЕЭП-4 и ЕврАзЭС-3, а максимальной дистанцией характеризуются страны ЦА-4; таким образом, динамика роста в государствах Центральной Азии, даже без учета Туркменистана, сильно дифференцируется. ЦА-4 также является регионом, для которого характерно максимальное снижение индекса конвергенции макроэкономических показателей за прошедшее десятилетие. Напротив, для ЕЭП-4 и ЕврАзЭС-3, после первоначального «толчка» к дивергенции в 1999 году (возможно, связанного с последствиями кризиса 1997-1998 гг.), индекс стабильно находится на практически одном уровне.

Анализ монетарной конвергенции для пар государств опять же, как и в случае с макроэкономическими показателями, свидетельствует о доминировании эффекта внутриэкономических изменений над собственно трансграничным взаимодействием. Минимальная дистанция в 2008 г. была зафиксирована для пары Беларусь-Таджикистан. Второе место занимает пара

ПОКАЗАТЕЛЬ	ДИАДА-ЛИДЕР (уровень индекса, 2008)	ДИАДА-ЛИДЕР (сокращение дистанции)	ЛИДЕР КОНВЕРГЕНЦИИ С СНГ-12 (минимальная дистанция, 2008)	ЛИДЕР ИНТЕГРАЦИИ С СНГ-12 (сокращение дистанции)	ОБЩАЯ ДИНАМИКА ДИСТАНЦИИ РЕГИОНА СНГ-12
Макроэкономика	Кыргызстан-Таджикистан	Молдова-Туркменистан	Армения	Грузия	↑
Монетарная политика	Беларусь-Таджикистан	Беларусь-Таджикистан	Россия	Беларусь	↓
Финансовая политика	Казахстан-Армения	Казахстан-Армения	Украина	Казахстан	→
Фискальная политика	Армения-Узбекистан	Армения-Азербайджан	Азербайджан	Армения	→

Таблица 3
Динамика конвергенции экономик на постсоветском пространстве
(данные для невзвешенных показателей)

Примечание: увеличение дистанции (↑) соответствует снижению уровня конвергенции.

Кыргызстан-Азербайджан. Обращает на себя внимание диада Украина-Молдова, для которой дивергенция является максимальной, и которая, тем не менее, демонстрирует высокий уровень интеграции в сфере взаимной торговли. Очевидно, это связано с различиями в денежно-кредитной и валютной политике двух государств. С точки зрения конвергенции стран и регионов, минимальной дистанцией с группой СНГ-12 характеризовалась Россия, за которой следовали Беларусь и Таджикистан. Максимальная дистанция была зафиксирована опять же для Молдовы. По отношению к Евр-АзЭС-5 и ЕЭП-4 минимальная дистанция зафиксирована для Беларуси; ЕврАзЭС-3 и ЦА-4 – для Таджикистана.

В отличие от динамики роста, в сфере монетарной политики второе десятилетие после распада СССР стало периодом сближения для всех пяти групп на постсоветском пространстве. Если в начале 2000-х гг. наблюдаются достаточно заметные колебания показателей, то, начиная с 2004 года, уровни индексов для пяти групп становятся практически неразличимыми друг от друга и стабилизируются на крайне низком уровне (что указывает на близость показателей). Причина такого развития, как представляется, связана

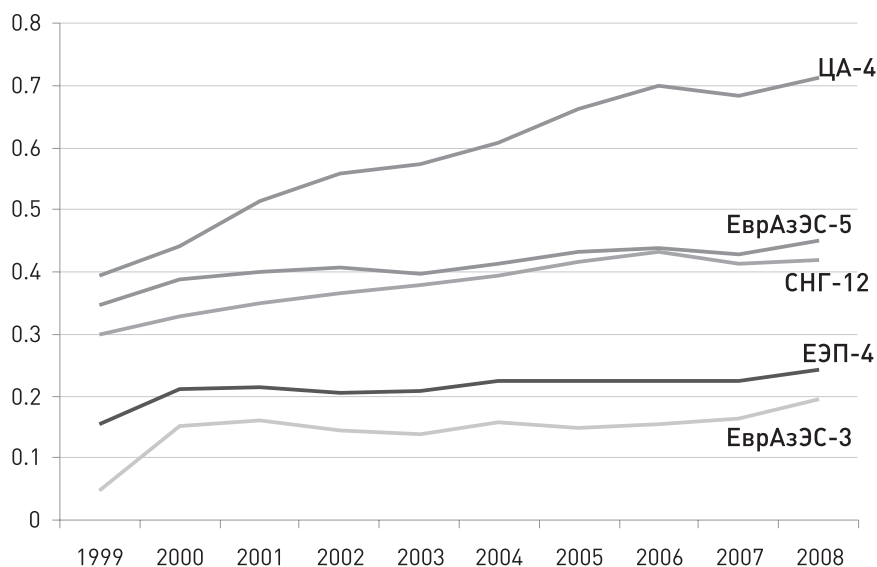
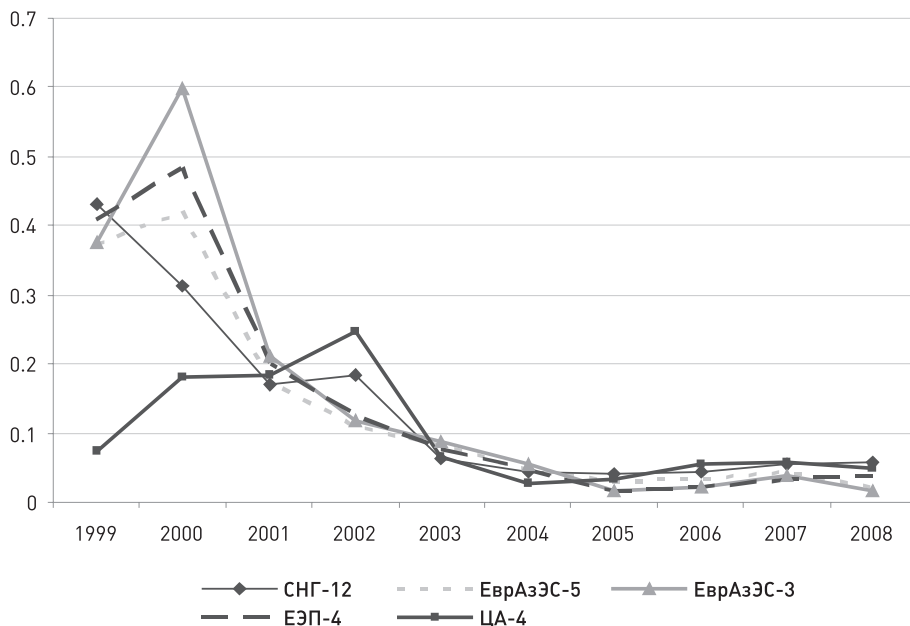


Рисунок 9
Динамика макроэкономической конвергенции в пяти регионах постсоветского пространства

со сближением характеристик денежно-кредитной политики во всех странах региона, а также, в какой-то степени, с динамикой глобальных валютных рынков. Следует отметить, что в начале 2000-х гг. регион ЦА-4 значительно опережал четыре остальных субрегиона по конвергенции монетарной политики, а к 2002 году, напротив, характеризовался максимальной дивергенцией. В настоящее время, как уже отмечалось, отличия между регионами несущественны.

Рисунок 10
Динамика
конвергенции
монетарной
политики в
пяти регионах
постсоветского
пространства



По показателям финансовой политики, во второй половине 2000-х гг. практически во всех группах стран наблюдалась конвергенция. Исключением является группа СНГ-12, для которой показатель дивергенции остается практически неизменным. Такая ситуация связана с развитием национальных банковских систем в постсоветских странах, в процессе которого все больше экономик демонстрируют «качественный скачок» в создании функционирующей банковской отрасли. Определенную роль может играть и практика трансграничных инвестиций банковских структур России и Казахстана, хотя подтверждений этому выводу при более детальном анализе данных выявлено не было.

Результаты, полученные для раздела по фискальной политике, так же, как и для других аспектов конвергенции, указывают на то, что сближение или удаление стран практически не зависит от географического положения, степени интеграции рынков и участия стран в интеграционных объединениях. Показатель практически не позволяет сделать выводы о существовании тенденции к конвергенции или дивергенции в фискальной сфере. Иначе говоря, системы государственных финансов стран СНГ сильно отличаются друг от друга, что является отражением различий в макроэкономическом регулировании и системе государственного администрирования. Более того, эти системы остаются крайне неустойчивыми, что сказывается не только на внутриэкономическом развитии, но и на перспективах интеграции.

В качестве своеобразного «бонуса» дополнительно были выведены взвешенные показатели, методология расчета которых представлена в соответствующем разделе. В целом, лидерами конвергенции выступают в большинстве своем крупные страны: для региона СНГ-12 это Казахстан (макроэкономика), Беларусь (монетарная политика), Украина (финансовая политика) и

Россия (фискальная политика). Тенденция вполне закономерная, поскольку именно эти страны оказывают основное воздействие на уровень среднего показателя. В какой-то степени можно сказать, что модифицированный показатель измеряет конвергенцию крупных стран «самих с собою». В то же время, стоит отметить, что Россия не всегда оказывается лидером конвергенции, а значит, результаты являются нетривиальными. «Максимальной дистанцией» от региона СНГ-12 характеризуются Туркменистан (макроэкономика), Молдова (монетарная политика) и Кыргызстан (финансовая и фискальная политика). Иначе говоря, речь идет или о небольших странах, или о достаточно закрытых экономиках. Оба подхода – и взвешенные, и невзвешенные показатели – обладают как преимуществами, так и недостатками. В связи с этим, для оценки конвергенции экономик необходимо рассматривать оба метода оценки и интерпретировать их результаты как взаимодополняющие.

7. Экспертный опрос

В рамках экспертного опроса предпринята попытка дать оценку эффективности трех интеграционных структур на постсоветском пространстве – СНГ, ЕврАзЭС и ШОС – с учетом различных сфер взаимодействия и интеграции. По результатам опроса можно сделать три основных вывода.

Во-первых, СНГ и ШОС рассматриваются экспертами как организации, наиболее эффективные в сфере политического сотрудничества и обеспечения безопасности. В рамках СНГ, 51 % экспертов отметили политическое сотрудничество и 22 % – сферу безопасности. Для ШОС эти оценки составляют 37 и 39 % соответственно.

Помимо этих двух направлений, эксперты также отметили эффективность СНГ в социальном развитии (11 %) и в секторе энергетики (8 %). При том, что политическое сотрудничество является существенной частью деятельности ЕврАзЭС (так считают 16 % экспертов), эта организация демонстрирует большую эффективность в сфере продвижения торговли и инвестиций (37 %), энергетики (27 %), а также в развитии банковского сектора в государствах-участниках.

Во-вторых, СНГ и ШОС, по мнению экспертов, более ориентированы на выработку общих политических подходов и решений, в то время как ЕврАзЭС наиболее эффективно в продвижении взаимодействия между государствами-участниками в конкретных отраслях и сферах экономики. При этом ресурсная обеспеченность СНГ, по оценкам экспертов, не соответствует масштабу стоящих перед организацией целей. Свыше 60 % оценивают ее на уровне ниже среднего. ЕврАзЭС и ШОС, напротив, располагают достаточными ресурсами для выполнения стоящих перед организациями целей.

Эксперты указывают на соответствие структуры организации ее целям, с одной стороны, и эффективности ее взаимодействия с соответствующими органами и организациями государств-участников – с другой. Так, эффективность взаимодействия выше для тех организаций, где организационная структура в большей степени соответствует целям организации (ЕврАзЭС и ШОС). Анализ высказанных мнений предполагает возможность специализации интеграционных организаций на определенных аспектах во избежание дублирования и конкуренции с концентрацией ресурсов и усилий на тех аспектах, где работа организации наиболее результативна. Собственно говоря, подобная специализация, согласно экспертным оценкам, в косвенной форме наблюдается уже сегодня.

Экспертам также было предложено дать оценку основных проблем интеграционного взаимодействия в регионе СНГ. Согласно полученным данным, размер экономик и уровень развития бизнеса в странах-участниках рассматрива-

ются как менее значимые факторы для процесса интеграции. Наибольший вызов для интеграции, по мнению экспертов, представляют такие сферы, как особенности внутренней политики, приоритеты внешней политики, качество государственного управления и уровень развития экономик стран-участниц.

8. Работа над проектом и дальнейшие планы

В соответствии с Уставом Евразийского банка развития, его миссия включает в себя содействие экономическому росту государств-участников и расширению торгово-экономических связей между ними. Банк призван стать консолидирующим элементом финансовой инфраструктуры и катализатором углубления интеграционных процессов на территории государств-участников. Таким образом, ЕАБР является региональным банком развития и интеграции. С характером уставных целей связан особый интерес банка к анализу интеграционных процессов с естественным фокусом на постсоветском пространстве. «Система индикаторов евразийской интеграции» призвана стать флагманским исследовательским проектом банка и неотъемлемой частью его аналитической программы, посвященной региональной евразийской интеграции.

Над данным исследовательским проектом ЕАБР работал с начала 2008 г., т.е. в течение двух лет. После принятия решения о проекте была собрана международная рабочая группа в составе специалистов ЕврАзЭС, СНГ, самого банка, представителей государственных агентств и научных институтов, а также ведущих иностранных экспертов по проблемам измерения и мониторинга региональной интеграции. В рабочую группу вошли С. Байзаков (заместитель директора Института экономических исследований, Астана), М. Эмерсон (старший исследователь Центра изучения европейской политики, Брюссель), А. Либман (младший профессор Франкфуртской школы финансов), Ф. де Ломберде (научный сотрудник университета ООН, Брюгге), Н. Максимчук (главный специалист отдела экономического анализа ЕАБР, координатор рабочей группы), Е. Молдабеков (ведущий специалист отдела экономического анализа ЕАБР), А. Рудик (заместитель руководителя Департамента развития социально-гуманитарной сферы Секретариата Интеграционного комитета ЕврАзЭС, Алматы), М. Шевчук (заместитель руководителя Департамента экономической политики Секретариата Интеграционного Комитета ЕврАзЭС, Москва). Рабочую группу возглавил Е. Винокуров (зам. начальника Аналитического управления – начальник отдела экономического анализа ЕАБР). Итогом деятельности группы стала разработка комплексной методологии Системы индикаторов с учетом лучшего мирового опыта.

На этой основе в 2009 г. были собраны необходимые статистические данные и создана База данных СИЕИ, что позволило во второй половине 2009 г. выйти на расчеты системы индикаторов и написание Отчета о проекте. Отчет вышел из печати в январе 2010 г. на русском языке и в феврале 2010 г. – на английском.

В дальнейшем Евразийский банк развития намерен проводить ежегодный сбор данных и расчет Системы индикаторов евразийской интеграции ЕАБР с публикацией соответствующего отчета и его доведения до сведения государственных органов, международных организаций, научных кругов, СМИ и широкой общественности. Надеемся, что комплексная картина СИЕИ ЕАБР, созданная на основе разработанной методологии измерения и оценки региональной интеграции, будет востребована и вызовет заинтересованность не только в качестве академической разработки, но и как прикладной инструмент внешней политики, способствующий позитивным процессам интеграции на евразийском пространстве.



KLEFFMANN GROUP

MORE THAN FACTS.



Институт исследования аграрного рынка Клеффманн Групп специализируется на проведении маркетинговых исследований в сельскохозяйственном секторе по всему миру. Со времени основания компании Бурхардом Клеффманом в 1990 году Kleffmann Group развилась в лидирующий институт исследования аграрного рынка по всему миру. Наша работа отмечена международной совместимостью и мировыми стандартами.



Кleffmann Group непрерывно строит и расширяет следующие три отрасли:

ПАНЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ Amis (Agricultural Marketing Information System),

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И МАРКЕТИНГОВЫЕ УСЛУГИ.

С опытом, инновационными идеями, точностью, истинным энтузиазмом: **СБОР ДАННЫХ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ИХ В ВАЖНУЮ ИНФОРМАЦИЮ.**



На сегодня Kleffmann Group имеет офисы в 22 странах: Австрия, страны Бенилюкс, Республика Чехия, Венгрия, Польша, Болгария, Румыния, Австралия, Россия, Великобритания, Бразилия, Мексика, Украина, Франция, Колумбия, Аргентина, США, Турция и Казахстан.

Партнером по проведению исследований в Казахстане является Институт сравнительных социальных исследований ЦЕССИ-Казахстан. ИССИ ЦЕССИ-Казахстан образован в 1997 году. Центральный офис находится в Астане. Специализируется на проведении маркетинговых и социологических исследований в Казахстане и в странах Центральной Азии.



Центральный офис находится в г. Людингхаузен, Германия. В Казахстане уже 3 года работает представительство компании. Представитель в Казахстане – **Найля Ахмеджанова**, магистр агрономии
e-mail: nailya.akhmetzhanova@kleffmann.com
тел.: 8 (7172) 327852, сот.: 8 777 130 39 80
www.kleffmann.com



«ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ ЦИВИЛИЗАЦИИ» КАК ИНЕРЦИОННАЯ ФАЗА ЭТНОГЕНЕЗА: ДОСТИЖЕНИЯ, ПРОБЛЕМЫ И ИЗДЕРЖКИ

СКАКОВСКИЙ ЛЕОНИД РАЙНГОЛЬДОВИЧ

Доктор политических наук, заместитель директора Института геополитических исследований и международных отношений
Казахстанско-Российского университета (ИГИМО КРУ)

В данной работе мы остановимся лишь на одном из аспектов учения Л.Н. Гумилева, а именно – на особенностях инерционной фазы этногенеза, занимающей срединное положение между фазой надлома и фазой обскурации. Инерционная фаза, которую Л.Н. Гумилев назвал «золотой осенью цивилизации», представляет особый интерес, поскольку она знаменуется значительными достижениями и одновременно является предвестником будущего распада и разложения. С этой точки зрения, важно выяснить, какие достоинства и издержки данной фазы были наиболее значимыми для Л.Н. Гумилева.

В своей фундаментальной работе «Конец и вновь начало» Л.Н. Гумилёв отмечает, что предшествующая инерционной фазе фаза надлома характеризуется как светлыми полосами спектра, так и тёмными пятнами. Но поскольку человеку свойственно забывать о плохом, эпоха Возрождения традиционно считается периодом «расцвета культуры». Однако историкам хорошо известно, что рядом с Леонардо да Винчи свирепствовал Савонарола^[1]. «Расцвет», по мнению Л.Н. Гумилёва, вызывает естественную реакцию – стремление к ограничению распрей и убийств. Этому стремлению способствует и то обстоятельство, что представители популяции индивидуалистов столь интенсивно истребляли друг друга или гибли во внешних войнах, что процент их снижается, и тогда один из них, победивший, слегка модифицирует принцип общежития, заявляя: «Будь таким, как я».

Возникает общезначимый идеал новой фазы (в Англии – идеал джентльмена; в Византии – идеал святого; в Центральной Азии – идеал богатыря; в Китае – просвещённого крестьянина и т. д.). Любое отклонение от общепринятого императива рассматривается обществом как что-то одиозное и неприятное. Человек должен всё время стремиться к достижению идеала, но он не должен быть лучше своего идеала. В целом, это порядок, который обеспечивает возможность спокойно жить и существовать в меру своих обязанностей, никогда не претендуя на достижение решающего успеха^[2].

В рамках инерционной фазы подавляющее большинство населения предпочитает любую регламентацию, позволяющую надеяться на защиту от произвола сильных. Поэтому отличительной чертой инерционной фазы является сокращение активного пассионарного элемента и господство эмоционально-пассивного и трудолюбивого обывателя. Обывателя лелеют, так как он никуда не лезет, ничего не добивается и готов чтить господ, лишь бы они оставили его в покое^[3].

В эпоху «золотой осени» собирают плоды, накапливают богатства, наслаждаются покоем, расширяют территории своих государств и терпят, пусть и нехотя, великих мыслителей, художников, писателей, и даже иногда не дают им умереть с голоду. Расходуется только пассионарность^[4]. Так, в

[1] Гумилёв Л.Н. Конец и вновь начало. – М.: Фонд «Мир Л.Н. Гумилёва», 1997. – С. 305.

[2] Там же, С. 306.

[3] Там же, С. 306-307.

[4] Там же, С. 307.

Римской империи в эпоху даже самых жестоких цезарей подавляющая масса населения была вполне довольна своей жизнью. Гармоничные люди, которые удовлетворялись своей судьбой и своим положением, имели полную возможность делать великолепную карьеру. Они выполняли свои обязанности и получали за это достойную мзду. «Римская империя буквально набухла сытостью, – пишет Л.Н. Гумилёв, – и тем не менее в эту эпоху все исторические, и римские и поздние, отмечают исключительную жестокость казней, исключительное зверство, которые касались очень небольшого слоя пассионарных людей и тех, кто был с ними связан»^[5].

Сходным образом обстояло дело и с инерционной фазой в Европе образца XVIII-XIX вв. В это время выходцы из Европы захватили Северную Америку, Южную Африку, Индию, Малайский архипелаг. По словам Л.Н. Гумилёва, территориальное расширение, создание грандиозных империй и обширных колоний характерно для всех этносов, сумевших дожить до фазы цивилизации.

Трудолюбивые ремесленники, бережливые солдаты, исполнительные чиновники, имея твёрдую власть, составляют устойчивую систему, осуществляющую такие планы, какие в эпоху «расцвета» казались лишь мечтами: «В инерционной фазе не мечтают, а приводят в исполнение планы – продуманные и взвешенные. Поэтому эта фаза кажется прогрессивной и вечной. Именно в этой фазе римляне называли свою столицу – «Вечный город», а французы, немцы, англичане были уверены, что вступили на путь бесконечного прогресса, ведущего в вечность. А куда же ещё? Лишь социальное развитие идёт по спирали, а этническое – дискретно, т. е. имеет начала и концы»^[6].

Особый интерес представляют рассуждения Л.Н. Гумилёва о катастрофическом воздействии инерционной фазы на ландшафт и экологию. Учёный констатирует: «Как бы ни свирепствовали пассионарии, но в отношении кормящей нас природы торжествующий обыватель – явление куда более губительное. В фазе подъёма ландшафт старались приспособить к своим потребностям и сохранить для будущих поколений: природу организовывали. В акматической фазе, когда все убивали друг друга ради чести, славы, богатства, ненависти, злобы, мстительности и других страстей, природой заниматься было некогда. Но когда оказалось, что человекоубийство – дело рискованное, потому что можно получить сдачи и тебя самого могут убить, тогда силы большинства населения направились по линии наименьшего сопротивления – на незащищённую природу»^[7].

Так обстояло дело практически со всеми этносами, переживавшими инерционную фазу. Например, в I веке н. э. Рим, вступивший в эту фазу, превратился в огромный мегаполис с почти двухмиллионным населением. Такой город необходимо было кормить. В результате Средняя Италия, родившая этот уникальный этнос, совершенно изменила свой ландшафт. Богатые земледельческие угодья превратились в пастбища для скота. Исчезли дубовые и буквые леса, склоны Апеннин поросли маквисом. Испания, ранее покрытая субтропическими лесами, превратилась в голую степь, а бывшие житницы Рима – Африка и Сицилия – превратились в каменистые страны^[8].

В инерционной фазе вся система превращается в паразитическую, существующую за счёт ограбления природы Средиземноморья и окрестных стран, в которые шла непрерывная экспансия. Цезарь захватывает Галлию, Помпей – Сирию, Антоний – Египет. Огромную империю ограничивали три крупных реки – Рейн, Дунай и Евфрат. Природу спасало только то, что население этой большой страны не превышало 50-52 млн. человек, то есть особого перенаселения не было. Но при этом неэкономное расходование природных средств кардинально изменяло ландшафты: природные биоценозы упрощались и исчезали, расширялся антропогенный ландшафт мирового города.

Аналогичным образом обстояла ситуация в Северной Америке XVIII-XIX вв., когда колонисты стали обрабатывать субтропические холмы Вирги-

[5] Там же, С. 310.

[6] Там же, С. 314-315.

[7] Там же, С. 323.

[8] Там же, С. 332-333.

нии, Каролины – вплоть до Миссисипи и Луизианы. Единственное препятствие – индейцы – истреблялись колонистами племя за племенем. Разрушение экосистемы привело к резкому сокращению пастбищ, и колонистам пришлось перейти к земледелию, что повлекло за собой пыльные бури и деградацию почв. Наконец, быстро развивающийся процесс урбанизации способствовал распространению безнравственности и преступности.

«Безнравственность и беззаконие в городах – прелюдия расправы над лесами и полями, ибо причина того и другого – снижение уровня пассионарности этносоциальной системы, – пишет Л.Н. Гумилёв. – При предшествовавшем повышении пассионарности характерной чертой была суровость и к себе, и к соседям. При снижении – характерно «человеколюбие», сначала прощение слабостей, потом – небрежения долгу, потом – преступлений. А привычка к последним ведёт к перенесению «права на безобразия» с людей на ландшафты»^[9].

По мнению Л.Н. Гумилёва, уровень нравственности этноса – такое же явление природного процесса этногенеза, как и хищническое истребление живой природы: «Благодаря тому, что уловили эту связь, мы можем написать историю антропогенного, т. е. деформированного человеком ландшафта, ибо скудость прямых характеристик природопользования у древних авторов может быть восполнена описаниями нравственного уровня и политических коллизий изучаемой эпохи. Именно динамика описанной взаимосвязи – предмет этнологии, науки о месте человека в биосфере»^[10].

В целом, суммирует Л.Н. Гумилёв, то, что европейские эволюционисты называют «цивилизацией», а мы – «инерционной фазой этногенеза», не так уж безобидно и прогрессивно: «Оказывается, за всё надо платить. И везде, где проходила инерционная фаза, цивилизация пилила сук, на котором сидела. Поэтому и является неизбежной следующая фаза, о которой ни один историк или географ не скажет доброго слова»^[11]. Л.Н. Гумилёв в данном случае имеет в виду фазу обскурации – этап разложения и гибели государства. В этот период этнос существует за счёт материальных ценностей и навыков, накопленных в предыдущую фазу. Политическая система начинает разлагаться, распространяется преступность, армия теряет боеспособность, а к власти приходят циничные авантюристы.

* * *

Л.Н. Гумилев – уникальная и многогранная личность, значение которой для мировой науки еще предстоит оценить в полной мере. Его труды не всегда соответствовали строгим канонам академической науки – да он к этому и не особенно стремился, предпочитая излагать свои взгляды простым, чуть ли не разговорным языком.

Не случайно, как при жизни, так и после смерти Л.Н. Гумилева находят исследователи, ставящие своей главной целью поиск слабых, уязвимых мест в его учении. При этом критики нередко переходят зыбкую грань, отделяющую добросовестный анализ от прямого нарушения правил научной этики. Так, одни критики вообще отказываются считать Л.Н. Гумилева продолжателем идей старых евразийцев, заостряют внимание на «темных периодах» в его биографии, упрекают его в том, что он редко ссылался на отцов-основателей евразийства. По их мнению, система взглядов Л.Н. Гумилева в основном формировалась скорее в поле социальной биологии и этницизма, нежели евразийства^[12]. Другие ставят ему в вину прямое злоупотребление естественно-научными методами, субъективизм в подборе исторических фактов, передержки и т. д.^[13]. Третьи упрекают его в отсутствии политкорректности и даже в антисемитизме^[14].

Действительно, теория этногенеза, выдвинутая Л.Н. Гумилевым, не может быть отнесена к числу внутренне непротиворечивых научных концеп-

[9] Там же, С. 335.

[10] Там же, С. 335.

[11] Там же, С. 335.

[12] Ларюэль М. Когда присваивается интеллектуальная собственность, или О противоположности Л.Н. Гумилева и П.Н. Савицкого // Вестник Евразии. – 2001. – № 4 (15). – С. 15.

[13] Янов А. Учение Льва Гумилева // http://scepsis.ru/library/id_837.html.

[14] Клейн Л. Горькие мысли «привередливого рецензента» об учении Л.Н. Гумилева // http://scepsis.ru/library/id_86.html.

ций. В этом ее недостаток, но в этом – и ее несомненные преимущества. Для ее беспристрастного и объективного анализа необходимо иметь такой же энциклопедический склад ума, каким обладал Л.Н. Гумилев, а это по плечу далеко не каждому профессиональному ученому. Лучшим ответом на его учение может стать лишь более совершенная и целостная концепция. К сожалеению, критики, как правило, предпочитают разрушать, а не строить.

По-настоящему великий ученый ценен не только своими открытиями и прозрениями, но даже собственными ошибками и просчетами. Это в полной мере относится и к Л.Н. Гумилеву, который оставил нам в наследство больше вопросов, чем ответов. Но именно в этом и таится невероятное обаяние и влияние его работ. Л.Н. Гумилев заставляет современных исследователей мыслить свежо, нестандартно, вопреки сложившимся догмам и невзирая на самые неблагоприятные обстоятельства. Собственным жизненным примером он и сейчас призывает нас ценить истину выше жизненного успеха, а честное имя – выше любых званий и наград.

Даже третируемый официальной наукой, Л.Н. Гумилев сумел оказать огромное влияние на умы современников, стремившихся вырваться за пределы устоявшихся представлений. Благодаря научному прорыву Л.Н. Гумилева историки и этнологи уже не считают зазорным для себя широкое использование научного инструментария других, в том числе естественных наук. Одним из первых он доказал, что именно на стыке различных научных дисциплин возможно быстрое и качественное приращение нового знания. В этом единстве исторического, культурно-цивилизационного, естественно-научного, экологического и этического подходов – огромное преимущество учения Л.Н. Гумилева.

Сам факт ожесточенных споров Л.Н. Гумилева является свидетельством значимости и непреходящей актуальности его научных трудов. Действительно, вчитываясь в фундаментальные труды Л.Н. Гумилева, современный читатель неизбежно проецирует обозначенные им проблемы и вопросы на современную эпоху и находит многочисленные параллели с давно исчезнувшими странами и эпохами.

Конечно, современные страны и народы находятся на различных этапах этногенеза, однако мир сегодня настолько взаимосвязан, что признаки инерционной фазы легко экстраполируются с одной страны на другую. Как свидетельствует глобальный финансово-экономический кризис 2008-2010 гг., за просчеты и преступления одних этносов и государств (в том числе в отношении природы) нередко рассчитываются совершенно другие этносы и государства.

Хищническое потребление материальных ресурсов в постиндустриальных государствах влечет за собой не только стремительную деградацию природной среды, но и резкое обострение продовольственной и экологической проблем в наименее развитых странах. А это – естественная предпосылка для новых социально-экономических и политических катаклизмов.

Работы Л.Н. Гумилева заставляют нас пристальнее вглядываться в жесткие реалии нашего сложного времени и серьезно задумываться о грядущем посткризисном мире, который, насколько можно судить по ряду признаков, будет, скорее всего, не царством мира и спокойствия, а временем новых конфликтов и противоречий, периодом глобальной нестабильности – геополитической, геоэкономической, военно-стратегической, цивилизационно-культурной и т. д.

Мы не утверждаем, что в учении Л.Н. Гумилева можно найти готовые ответы на вызовы и угрозы посткризисного времени. В то же время мы полагаем, что для понимания сущности и природы новой эпохи необходим целостный, комплексный, междисциплинарный подход, который был столь присущ трудам этого великого ученого и мыслителя.

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ПРОБЛЕМЫ

ТОКАРЬ ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ

кандидат социологических наук, доцент, советник посольства Украины в Республике Казахстан, эксперт Европейского союза

Тема миграции сложная и чувствительная для любого государства и общества, прямо или косвенно затрагивает интересы каждого гражданина, даже если он об этом не догадывается. Миграция всегда современна, многослойна и многопланова, одним наскоком ее не решить. Это большая проблема, которую нужно решать, а чтобы решить, ею нужно предметно заниматься, ибо любая попытка загнать ее в глубь иных общественных проблем ведет в тупик, может усложнить жизнь стабильного общества. Эта глобальная проблема уже давно вышла за рамки научной темы, является проблемой общественной, внутригосударственной, межгосударственной и международной, т.е. глобальной, тема науки и политики и ее тесной взаимосвязи с реальной практикой.

Правительство любой страны пытается проблему миграции контролировать и регулировать. Успех на стороне того государства, где эта тема глубоко научно изучена и практически отработана, причем, когда на основе результатов исследований, их научных выводов и рекомендаций делаются правильные и выверенные политические и практические шаги по ее регулированию. Ближе всего к успеху в процессе более-менее продуманного и менее других болезненного регулирования миграционных процессов находятся страны Европы, прежде всего члены Европейского союза, где сняты границы для передвижения труда и капитала, где человек свободен в реализации своих намерений, имеет право перемещаться в любую страну. Но это право касается только стран-членов ЕС, обеспечивающих для своих граждан именно такую свободную передислокацию, личную или со своими семьями. Это вовсе не касается мигрантов, как легальных, так и нелегальных. На борьбу с ними в странах ЕС поднимаются кодексы и своды томов законов, регулирующих, то есть, прежде всего, контролирующих и ограничивающих их передвижение. И не безосновательно, ибо вместе с прибытием мигранта на территорию любого государства против него выступает куча проблем страны прибытия, касающихся ее экономики, здравоохранения, юриспруденции, свободы, а с вместе ними – силы большой и малой политики.

Тем не менее, единых рецептов решения проблемы миграции для каждой отдельно взятой страны нет. Только безответственный ученый или политик может взять на себя ответственность заявить о наличии таких выработанных единых рецептов, готовых к использованию в любой стране. Но есть выверенные концептуальные подходы, ведущие к разрешению проблемы миграции. Суть их в том, что проблему нужно комплексно и системно изучать, глубоко анализировать и на основе результатов системных исследований выработать государственную миграционную политику, с уче-

том специфики и особенностей каждого региона и каждой страны. А затем и группы стран и регионов, как это делается, к примеру, в странах ЕС, а также идет поиск таких подходов к выработке концепции миграционной политики в Республике Казахстан, а через Казахстан, как ключевое государство региона Центральной Азии, можно подойти к выработке подходов для создания согласованной концепции миграционной политики в этом огромном по масштабам территориях и своей проблематике регионе. И не случайно. Для решения этой задачи объективные предпосылки у Казахстана есть: научные, кадровые, политические. Несколько ниже мы еще к этой теме вернемся.

Сегодня великие географические открытия континентов, материков, стран, островов и даже планет не сравнимы с масштабами миграционных процессов. Их величины даже для отдельных малых стран измеряются миллионами людей ежедневно.

К примеру, по данным Генерального секретаря ООН за 2008 г., Украина занимает четвертое место в мире по количеству международных мигрантов — 6,8 млн. человек! Значительная часть этих людей использует Украину как транзитную площадку для миграции в Евросоюз, но очень многие мигранты оседают у нас надолго. По данным экспертов Верховной Рады, в Украину только официально за последние годы въехало на 700 тысяч человек больше, чем выехало. Стремительный рост китайской, вьетнамской и афганской общин в Киеве, расширение влияния и численности грузинской и чеченской диаспор, тесно связанных с организованной преступностью, рост общины турок-месхетинцев и др. — это наглядные примеры тихой экспансии иностранцев в Украине. Мы импортируем не просто чужую культуру, мы импортируем иной общественный уклад. Это не новость. С этой проблемой сталкивается большинство стран. Спаянные национальные группы очень слабо ассимилируются, агрессивно осваивая зоны проживания. Влияние государства на эти процессы незначительное.

Как проблема нелегальной миграции касается каждого из нас? Даже если вы вообще не сталкиваетесь с иностранными мигрантами, все равно платите за них из своего кармана в виде налогов, которые они в большинстве не платят. По оценкам некоторых украинских исследователей, количество только нелегальных мигрантов в Украине составляет до 1,6 млн. чел. (2009 г.).

Координация работы государственных ведомств в данном вопросе минимальна. Вопросы о целях пребывания и занятости мигрантов в Украине, их социальной, экономической и культурной адаптации в государстве нынче мало отработаны.

Как справедливо пишет одна из центральных газет Украины, проблема контроля миграции населения из Украины и в Украину не получила комплексного решения. Формально контролем миграции занимается много органов: пограничники (впускают-выпускают граждан), МВД (паспорта и борьба с нелегальной миграцией), Госкомнацрелигии (прием беженцев), Минтруда (трудоустройство), налоговая (налогообложение официально трудоустроенных). Но на сегодня в государстве нет единой структуры, которая бы аргументировано отвечала на принципиальные вопросы: кого и зачем пускать в Украину, кто приехал и на какой срок, кто перемещается и в каком направлении, как жизнедеятельность мигрантов согласуется с действующей социальной и экономической политикой? Нет органа, который мог бы планировать методику депортации нежелательных социальных и национальных групп, а также другие комплексные задачи защиты государственных интересов. Более того — никто не знает, сколько мигрантов официально пребывает на территории Украины, чем они занимаются, где расселены. Отсутствует система регистрации мигрантов, механизм контроля. В своих оценках миграционных потоков руководство Украины использует не

официальную статистику, а данные ООН. Нет национальной миграционной службы, которая бы системно занималась этой проблемой в комплексе.

В России Федеральная миграционная служба, которая имеет свой бюджет, свою программу развития, свою кадровую систему и является самостоятельным органом управления, подведомственна МВД. Миграционная политика России решает следующие проблемы: 1. Поддержка внешнеполитических интересов государства. Например — массовая депортация грузин в ходе обострения российско-грузинских отношений, ограничения въезда для молдавских граждан. И наоборот — льготный режим въезда и регистрации для граждан Украины накануне президентских выборов 2004 года, выдача российских паспортов жителям Крыма. 2. Кадровое обеспечение экономики. Для работы целых отраслей с тяжелым и низкоквалифицированным трудом в России мигранты составляют кадровую основу. Миграционная политика стимулирует привлечение квалифицированной рабочей силы — потребности российского машиностроения, энергетики, транспорта во многом решались за счет миграции из Украины, а также других стран СНГ. 3. Демографический фактор. Учитывая низкий прирост населения и малонаселенность огромных российских просторов, привлечение мигрантов — единственная возможность решить проблемы демографии и старения трудоспособного населения. 4. Освоение и удержание территорий государства. ФМС осуществляет ряд программ, направленных на привлечение в Россию мигрантов с российской самоидентичностью, связанных с господствующим общественным сознанием и культурой, которые усиливают преобладающий этнос. 5. Защита прав российских трудовых мигрантов за рубежом. Межгосударственные договоры способствуют соблюдению прав гастарбайтеров, и со многими государствами ЕС такие договоры у РФ уже заключены.

Таким образом, существование специального органа исполнительной власти, решающего комплексные задачи внутренней и внешней политики, формирующего методы реализации этой политики в своей отрасли, является приоритетом для российского руководства. Миграционная политика — важный инструмент укрепления государственного суверенитета и развития основного ресурса страны — человеческого. ФМС РФ — это система, которая координирует и планирует государственную политику и отвечает за результаты. ФМС контролирует обязательную регистрацию иностранцев, курирует работу по созданию национального биометрического паспорта и нормативной базы для введения биометрической идентификации граждан. Разумеется, в руках ФМС — и полный контроль за выдачей общегражданских и заграничных паспортов.

Каждый, кто интересовался возможностями работы в США, Канаде, странах Евросоюза, знает, насколько высокие там требования к трудовым мигрантам. Налажена строгая и эффективная система контроля и регистрации мигрантов. Миграционная политика в развитых государствах — одна из основ реализации государственного суверенитета и перспективного развития. К сожалению, само понятие «миграционная политика» в понимании бывшего руководства Украины отсутствовало. И главный показатель — отсутствие даже рамочного закона, который бы определял понятия и устанавливал критерии такой политики. Возможно, в ближайшее время парламент исправит эту проблему — работа над законопроектом тянется с 1999 года! При том, что научная база, теоретические разработки, исследования миграционной политики в Украине достаточно развиты, специалисты в этой сфере есть, действуют программы обмена опытом с зарубежными структурами.

В Украине созрела острая необходимость для создания специализированного органа, аналогичного по функциям миграционным службам лю-

бой цивилизованной страны. К слову, в СНГ миграционные службы созданы везде, за исключением Украины и Беларуси. При этом, вопрос подчиненности такой структуры — второстепенный. В мире миграционные службы с самостоятельным статусом, как правило, подведомственны Минюсту, МВД, напрямую подчиняются главе Кабмина. Суть не в подчинении. Главное, что такой орган должен выполнять цели и задачи, которые сейчас в государстве не выполняет никто — выработка единой миграционной политики государства, опираясь на научные разработки ученых и специалистов в этой сфере.

Миграционная политика — это инструмент реализации государственной политики, а не просто некий придаток к паспортным столам и разрешительной системе. Поэтому еще в 1996 г. была принята Концепция развития системы внутренних дел, действующая по настоящее время, которая предусматривала освобождение милиции от некоторых несвойственных ей функций, например, паспортной и визовой работы.

Европейский союз включил в план проекта действий Украина — ЕС пункт о создании в Украине специального органа в сфере миграции. В 2007 г. было принято постановление Кабмина о создании Государственной миграционной службы Украины для обеспечения необходимого межведомственного сотрудничества на центральном, региональном и местном уровне путем объединения существующих структур.

В 2008 г. указом президента о миграционной политике создание миграционной службы было определено как срочная задача, причем отмечались недостаточные меры правительства по решению данного вопроса. В 2009 г., когда подошло время очередного отчета о выполнении плана действий Украина — ЕС, тогдашнее правительство приняло решение о создании Государственной миграционной службы как самостоятельного гражданского органа исполнительной власти на основе соответствующих подразделений МВД и Госкомнацмиграции. Структура работы и подчинения ГМС Украины схожи положению о статусе ФМС России.

В 2010 г., создание ГМС получило развитие. В бюджете финансирование миграционной службы было прописано отдельной строкой. Правительство понимает, что выполнение плана Украина — ЕС и расширение базы налогообложения физических лиц невозможны без структурной реформы миграционной системы Украины. Впереди нужна конкретная работа Кабмина по реализации этого проекта.

Отдельная большая тема — защита своих трудовых мигрантов за границей. Спикер украинского парламента Владимир Литвин считает необходимым, например, принять соглашение о защите прав украинских мигрантов в Италии. Об этом он заявил во время Европейской конференции председателей парламентах на встрече с председателем Палаты депутатов Парламента Итальянской Республики Джанфранко Фини, выразил мнение о целесообразности обсуждения и подписания соответственного двустороннего соглашения. В свою очередь, Дж.Фини отметил большую роль Украинской общины в Италии, подтвердил, что такое огромное государство, как Украина, имеет все основания для тесного и мощного сотрудничества с Евросоюзом. Однако, как известно, за словами должно следовать дело! И не только в Италии, но и в других странах, где число эмигрантов с Украины исчисляется сотнями тысяч: в Чехии, Польше, Испании, Португалии, Греции. Список стран далеко не полный, где давно назрела срочная необходимость в защите прав миллионов украинских трудовых мигрантов. Недавно Уполномоченный Верховной Рады по правам человека Нина Карпачева направила Президенту Украины представление «О принятии Основных направлений государственной миграционной политики и создания Государственной миграционной службы Украины», основанное на результатах системного монито-

ринга состояния соблюдения прав украинских трудовых мигрантов, а также иностранцев и лиц без гражданства, прибывающих на территории Украины. Речь о необходимости создания действенных механизмов реагирования на острые вызовы современного мира.

В 2009 г. в Украину, по данным Госкомитета статистики Украины, въехали 20 млн. 798 тыс. иностранных граждан (на 18 % меньше против 2008 г.). Из них 714,9 тыс. лиц по служебным делам, 1 млн. 350 тыс. – с целью туризма, 18 млн. 348 тыс. – по частным делам, 103,5 тыс. – на учебу, 8628 чел. иммигрировали. По данным УНИАН, в 2008 г. в Украину въехали 25,4 млн. иностранцев.

Но есть и другие цифры: за последние 20 лет население Украины уменьшилось на 6 млн. чел. Главная причина – поиск работы и выезд на постоянное место жительства. Это огромная проблема.

С января 2010 г. вступило в силу соглашение о реадмиссии с ЕС, согласно с которым Украина обязалась принимать у себя всех нелегалов, если будет доказано, что они попали в ЕС через украинскую границу. В связи с этим возникает вопрос, что мы будем делать с значительно большим количеством нелегалов, которые попадут в Украину? Как известно, Соглашение с ЕС о реадмиссии было подписано в 2007 г., а 15 января 2008 г. Соглашение ратифицировала Верховная Рада. На протяжении 2008-2009 гг. действие договора распространялось только на граждан Украины, которые были задержаны в Европе как нелегальные мигранты, но уже с января 2010 г. мы обязаны принимать у себя всех нелегалов, относительно которых будет доказано, что они попали в ЕС через нашу границу. Согласно ему, в Украине в 2010 г. может появиться около 150 тыс. нелегальных мигрантов, которые незаконно пересекли наши границы и были пойманы на «горячем» в странах ЕС. И все же, не следует впадать в панику. Ведь Договор о реадмиссии не обязывает украинскую сторону принимать задержанного в странах ЕС нелегала лишь на основании подозрения, что он попал на территорию стран Евросоюза через Украину. Это нужно еще будет доказать. Подписанный с ЕС договор дает украинской стороне право отказывать в приеме нелегалов. Договор о реадмиссии четко определяет механизм приема и передачи нелегальных мигрантов. Этот механизм настолько прописан, что заставить нас принять нелегалов против нашей воли никто не сможет. Суть сейчас не в этом, а в том, что, во-первых, тенденцию миграционных потоков в Украине мы сможем отследить и оценить только во втором полугодии т.г., а во-вторых, для Казахстана эта тема тоже будущего. Как и реадмиссии. Главное, что подходы к данной теме изначально уже определены и наука должна сказать свое веское и аргументированное слово после завершения первого этапа обозначенного выше большого научного исследования.

К примеру, в Республике Казахстан наработан определенный опыт в организации исследований проблемы миграционных процессов в глобальном и региональном масштабе. Еще в феврале т.г. Министерство труда и социальной защиты населения представило Парламенту РК новый проект закона о миграции, которому предшествовала комплексная работа группы специалистов, политиков и ученых. Действующий до этого Закон «О миграции населения» был принят в 1997 г., но за прошедшие 17 лет коренным образом изменилась структура экономики страны, идет интеграция как глобальной, так и региональной экономики. Кроме того, процесс старения населения, увеличение миграционного потока также усиливает конкуренцию на квалифицированные кадры. В этих условиях Главой государства была поставлена задача разработки новой Концепции миграционной политики. Такая Концепция разработана и принята в 2007 г., а во исполнение данной Концепции разработан Закон «О миграции населения» в новой редакции.

Концепция законопроекта была презентована в Парламенте 29 октября 2009 г. на заседании «круглого стола» по вопросу совершенствования законодательства в области миграции. Целью разработки законопроекта является обновление политики управления миграционными процессами с учетом геополитических интересов страны, сохранения и развития национальной идентичности и безопасности, уменьшения негативных последствий миграционных процессов, использования миграции для ускоренного экономического развития Казахстана и реализации потенциала мигрантов. Основными новациями законопроекта являются: законодательное установление основных видов, типов и форм миграционных потоков; создание селективного механизма управления миграционными потоками (в зависимости от видов, типов и форм развития миграционных процессов); совершенствование институциональных условий обновления миграционной политики; создание целостной системы мониторинга, анализа, прогнозирования и планирования миграционных процессов. Законопроект предусматривает следующие основные виды миграции: внешняя миграция (иммиграция) и внутренняя миграция (эмиграция).

Основными типами иммиграции являются: с целью получения образования; с целью осуществления трудовой деятельности (трудовая миграция); с целью воссоединения семьи (семейная миграция); с целью возвращения на историческую родину (этническая миграция); с целью приобретения гражданства; по гуманитарным и политическим мотивам; с целью туризма.

В целях стимулирования въезда отдельных категорий мигрантов и привлечения инвестиций в экономику страны законопроектом впервые иностранная рабочая сила разделена на иностранных работников, сезонных иностранных работников и бизнес-иммигрантов. Законопроект предусматривает в зависимости от поставленных целей установление общей квоты, страновой квоты, отраслевой квоты и квоты на приоритетные проекты. Также с семнадцати до трех сокращен перечень трудящихся-мигрантов, привлекаемых вне квоты на привлечение иностранной рабочей силы.

Законопроектом касательно этнической миграции идеология проводимой в настоящее время политики в целом сохранена. Вместе с тем, предусмотрен ряд норм, направленных на улучшение условий интеграции этнических мигрантов на исторической родине. В частности, этнические казахи могут обратиться с заявлением о включении в квоту иммиграции в стране своего проживания. В случае получения согласия на включение в квоту, они после прибытия в течение пяти рабочих дней получают статус оралмана, десяти рабочих дней – разрешение на постоянное проживание и целый пакет социальных услуг. При всей сложности жизни, данные меры позволяют в целом сочетать интересы принимающего общества и самих этнических мигрантов.

Законопроект предусматривает установление Правительством квоты внутренних мигрантов, переселяемых из административно-территориальных единиц с особо неблагоприятными экологическими условиями жизни, с оказанием им пакета социальных услуг. В целях реализации равных прав мигрантов, упрощения и ускорения процедур, а также их прозрачности, законопроектом предусмотрено установление механизма регулирования въезда и пребывания иммигрантов.

Для расширения возможностей мониторинга, прогнозирования и планирования миграционных процессов законопроектом предусматривается создание единого Банка данных мигрантов, норм, направленных на предупреждение незаконной миграции и ответственности за нарушение законодательства в сфере миграции. Нормы законопроекта потребовали необходимости внесения изменений и дополнений в некоторые законодательные

акты. В связи с чем, такие изменения внесены в девять действующих законов. Такова суть новой концепции миграционной политики Казахстана.

Как видим, эти проблемы находятся под постоянным вниманием руководства республики, органов власти в центре и на местах. Хотя, казахстанские эксперты отмечают, что несмотря на принимаемые меры и определенные позитивные сдвиги, в регулировании миграционных процессов сохраняется целый ряд серьезных проблем, прежде всего несовершенство национального законодательства. В мае этого года Президент Республики Казахстан снова обратил внимание на необходимость решения существующих проблем в вопросах внутренней миграции на правительственном уровне, дал соответствующие поручения. То есть, даже в этих условиях тема миграции не исчерпана, а наоборот, на новом этапе состояния и развития общества набирает новые грани, встают и новые задачи адаптации новой концепции миграционной политики, в том числе перед учеными, занимающимися исследованием данной проблематики в глобальном и региональном измерении. Только за последние 1,5 года заключены договоры и соглашения о стратегическом партнерстве с ведущими европейскими странами — Францией, Италией и Испанией. Ведется проработка аналогичного соглашения с Германией. Продолжается активная реализация Государственной программы «Путь в Европу» и Стратегии ЕС в Центральной Азии. Кроме того, приоритетным направлением сотрудничества РК с ЕС продолжает оставаться углубление политического диалога, что подтверждает и предстоящий в октябре с.г. визит Главы Казахстана в Брюссель.

Недавно принят новый Указ Президента РК от 22 сентября 2010 года №1066, согласно которому реорганизуется Министерство труда и социальной защиты населения Республики Казахстан с передачей его функции в сфере миграции населения, а также по вопросам беженцев, за исключением функций по квотированию привлечения иностранной рабочей силы и выплате единовременных пособий и компенсаций оралманам и членам их семей, прибывшим по квоте иммиграции оралманов, Министерству внутренних дел Республики Казахстан. Примерно такое же решение недавно принято и в Украине. Однако, это тема отдельного разговора.

Особенно активно в последние годы тема миграции изучается на факультете социальных наук Евразийского национального университета им. Л.Н.Гумилева (декан факультета профессор Зиябек Кабульдинов). С этой целью руководство факультета установило тесные связи с АВО «Хайматгартен» ФРГ (директор Фолькер Тегелер), а также организатором международного проекта Евросоюза «Мосты добрососедства» (куратор Ольга Черкез, Украина), с которыми в апреле т.г. подписан договор о сотрудничестве, установлены научные связи с исследователями других стран. АВО «Хайматгартен» имеет большой опыт исследовательской и практической работы, в частности, создании в ряде стран Европы, Украины и России научно-исследовательских проектов и подразделений по организации практической работы с мигрантами и реэмигрантами, их социальной адаптации и психологической реабилитации. Прошедшее 6 апреля т.г. заседание «круглого стола» на базе факультета социальных наук ЕНУ с приглашением руководителей центральных и городских органов власти, представителей научно-образовательных и научно-исследовательских учреждений, общественно-политических и международных организаций на тему: «Основные тенденции миграции и иммиграции населения в странах Европы и Центральной Азии: проблемы и пути их регулирования», стало первым этапом крупномасштабного исследования проблемы миграции, рассчитанного на 2010 год. На этом этапе ученые, специалисты и аналитики, используя исторический, статистический и политологический методы исследования миграционных

процессов, представят свои результаты в октябре на второе заседание «круглого стола» и завершится первый этап в декабре – проведением международной научно-практической конференции на базе Евразийского университета им. Л.Н.Гумилева.

Нет сомнений, что создаваемый ректоратом и деканатом факультета социальных наук ЕНУ им. Л.Н.Гумилева, при помощи АВО «Хайматгартен» ФРГ, Центр миграционных исследований, а также предполагаемое создание кафедры политологии на базе факультета социальных наук университета откроет новые возможности на пути углубления исследования миграционных проблем, мониторинга, прогнозирования и планирования миграционных процессов, станет действенной научно-методической базой адаптации и выработки основных направлений миграционной политики Казахстана.

Последующий этап исследования предполагает уже в 2011 г. начать изучение мотивации и причин миграции представителей различных национальных и социальных групп населения Казахстана и региона ЦА с использованием, кроме названных выше методов, главным образом, социологического метода исследования обозначенной проблемы и выработку рекомендаций, которые могут быть представлены для использования в политической, прогнозно-перспективной и организационно-практической работе органов власти Республики Казахстан, а также в отношениях со странами-членами Европейского союза, послужит точкой отсчета в формировании собственной научно-методологической базы.

МНЕНИЕ КАЗАХСТАНСКИХ ШКОЛЬНИКОВ О ПЕРСПЕКТИВАХ ОБУЧЕНИЯ В РОССИЙСКИХ ВУЗАХ ПО СРАВНЕНИЮ С ВУЗАМИ ДРУГИХ СТРАН¹

ПОЛЕТАЕВ ДМИТРИЙ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук (Москва, Россия)

В рамках Международного социологического проекта «Учебная миграция из Казахстана в Россию как один из аспектов стратегического сотрудничества в рамках развития Таможенного союза» в г. Астане в мае 2010 г. был проведён анкетный опрос 200 выпускников казахстанских школ, для оценки их намерений и предпочтений при выборе вузов для обучения казахстанскими абитуриентами.

Из них 100 чел. тех, кто намерен учиться в РФ и 100 тех, кто хочет учиться за границей, но не в РФ, 50 % – юноши и 50 % – девушки. Среди опрошенных – ученики шести школ-лицеев, семи школ-гимназий, пяти общеобразовательных школ, казахско-турецкого лицея для одаренных девочек, казахско-турецкого лицея для одаренных юношей и международной школы непрерывного образования.

Анкета состояла из 49 вопросов и была разбита на тематические блоки: стратегия выбора страны обучения и источники информации о предполагаемом для обучения вузе, городе и стране; оценка города проживания и города предполагаемой учёбы; проблемы при обучении за границей, личная безопасность при обучении в РФ, знание о президентской программе «Болашак», дающей гранты на обучение за рубежом с последующей обязательной работой в госорганизациях Казахстана, знание языка предполагаемого обучения, перспективы трудоустройства в Казахстане с дипломом зарубежного вуза, осуществляемая подготовка для поступления в зарубежный вуз, миграционные намерения и намерения на будущее, индивидуальные социально-демографические характеристики семьи школьника и его успеваемость.

Стратегия выбора страны обучения и источники информации о предполагаемом для обучения вузе, городе и стране

Обследование показало, что в качестве альтернативы РФ казахстанские школьники чаще всего рассматривают Великобританию, США, Чехию, Турцию и Японию. Выбор страны обусловлен, в любом случае, наличием в ней хороших вузов (обе группы школьников – и те, кто хотят учиться в РФ, и те,

[1] Статья написана по итогам международного социологического проекта «Учебная миграция из Казахстана в Россию как один из аспектов стратегического сотрудничества в рамках развития Таможенного союза», проведённого при поддержке Евразийского банка развития в гг. Астана и Москва в мае – октябре 2010 г. Автор выражает признательность Айнууре Мажитовой, эксперту ИСПИ-Казахстан, за техническое содействие, оказанное при написании этой статьи

кто хотят учиться в другой стране, поставили это условие на первое место), но те, кто хочет поехать в РФ, на второе по важности место ставят культурный фактор («Здесь интересно жить – много развлечений, интересных мест и т.п»), а на третье – советы друзей, знакомых, и только на четвёртое – заботу о студентах-иностранцах. Напротив, те, кто хочет поехать на учёбу не в РФ, именно заботу о студентах-иностранцах в стране предполагаемой учёбы ставят на второе место. Следом у них идёт безопасность жизни («Здесь безопасно жить, нет скинхедов, нет плохого отношения к людям из других стран, людям иной национальности или расы (низкий уровень расизма, национализма») и потом – культурный фактор. Отметим, что для предпочитающих в качестве будущего места учёбы РФ безопасность стоит на одном из последних мест.



Рисунок 1
Распределение казахстанских школьников по причинам выбора страны для обучения

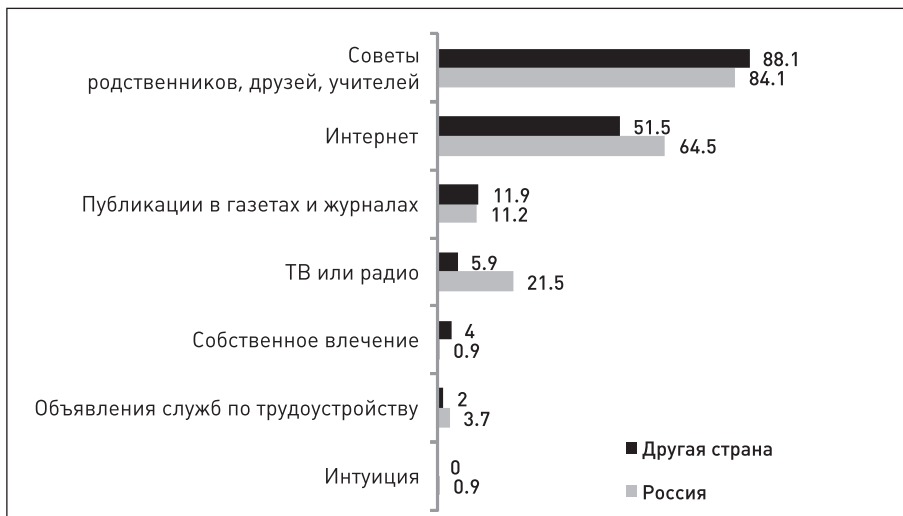
Среди тех, кто выбрал РФ в качестве потенциального места своей учёбы, немного больше тех, кто считает, что в их родном городе больше возможностей получить образование после окончания школы и что в нём выше преступность. А среди тех, кто выбирает не РФ, немного больше тех, кто считает, что в их городе хорошие возможности трудоустройства, и получения высоких заработков, хорошие возможности для создания семьи, хорошая экологическая обстановка, достаточно объектов культурного отдыха и досуга и много родственных и дружеских связей.

Среди выбравших в качестве страны предполагаемой учёбы РФ наиболее популярны города (по убывающей) Москва, Томск, Санкт-Петербург. А среди тех, кто выбрал другие страны – Лондон, Прага и Нью-Йорк.

Среди выбравших РФ более привлекательным, и по сравнению с теми, кто в РФ ехать учиться не собирается, в избранном ими городе являются возможности создания семьи и низкий уровень преступности, тогда как для тех, кто выбрал не РФ, «популярный набор» более привлекательных признаков шире, это: возможность получить образование после школы, устроиться на хорошую и высокооплачиваемую работу, обеспечить себя жильём, жить в лучших экологических условиях, обеспечить себя большими культурными возможностями и воспользоваться имеющимися родственными и дружескими связями. Надо отметить, что большие разрывы в «желаемых условиях» со стороны последней группы отмечаются только по возможности получить образование после школы, экологической и культурной обстановке. По остальным возможностям разрывы по желаемым условиям в оценке двух групп менее значимы.

Среди тех, кто в качестве потенциального места учёбы выбрал РФ или другую страну, на первом месте в помощи выбора места учёбы стоят советы родственников, друзей, учителей а на втором – Интернет. Но ТВ и радио поставили на третье место те, кто выбирает для учёбы РФ, тогда как для тех, кто выбрал «другую страну», они стоят на четвёртом месте, и наоборот, публикации в газетах более значимы для тех, кто выбирает не РФ, хотя по абсолютному сравнению, эти проценты у двух групп школьников близки по значению.

Рисунок 2
Распределение казахстанских школьников, по их мнению, о помощи, оказываемой им при выборе места будущей учёбы



Среди тех, кто выбрал РФ в качестве потенциального места учёбы, только около 15 % рассматривают альтернативную страну для себя как запасной вариант, тогда как среди тех, кто выбрал другую страну, около половины имеют альтернативу предпочитаемой ими стране для учёбы.

Альтернативные страны (те самые дополнительные страны, выбранные 15-тью % от всей группы предпочитающих РФ) для тех, кто хочет учиться в РФ, не так предпочтительны перед Россией из-за советов родных и родственников, дороговизны обучения и лучшего в РФ образования. Для группы, не выбирающей РФ в невыборе альтернативы, основным было то, что в предпочитаемой стране лучшее образование, и это высокоразвитая страна, с меньшей платой за обучение.

Рисунок 3
Распределение казахстанских школьников по их предпочтению учёбы за рубежом учёбы в Казахстане



Главная причина обучения за границей для обеих групп – желание в принципе учиться за границей. Только для выбравших РФ следующими после этого желания по значимости были: более высокая плата за обучение в Казахстане и более высокий конкурс при поступлении в вузы Казахстана, а также отсутствие в Казахстане возможностей обучения по выбранной специальности, профессии. Среди тех, кто выбрал в качестве обучения не РФ, важным и были следующие причины (по убывающей): «Диплом вуза той страны, куда я поеду, признается за рубежом при продолжении образования», «в Казахстане более высокий конкурс при поступлении в вуз» и совет родителей, знакомых (Рисунок 3).

Выбор специальности для обучения в группе выбравших РФ определяется прежде всего, высоким престижем профессии, и лишь потом её высокооплачиваемостью, тогда как эти обстоятельства меняются местами в предпочтении выбравших для учёбы не РФ. При этом соответствие способностям, умениям, все опрошенные школьники ставят на третье место.

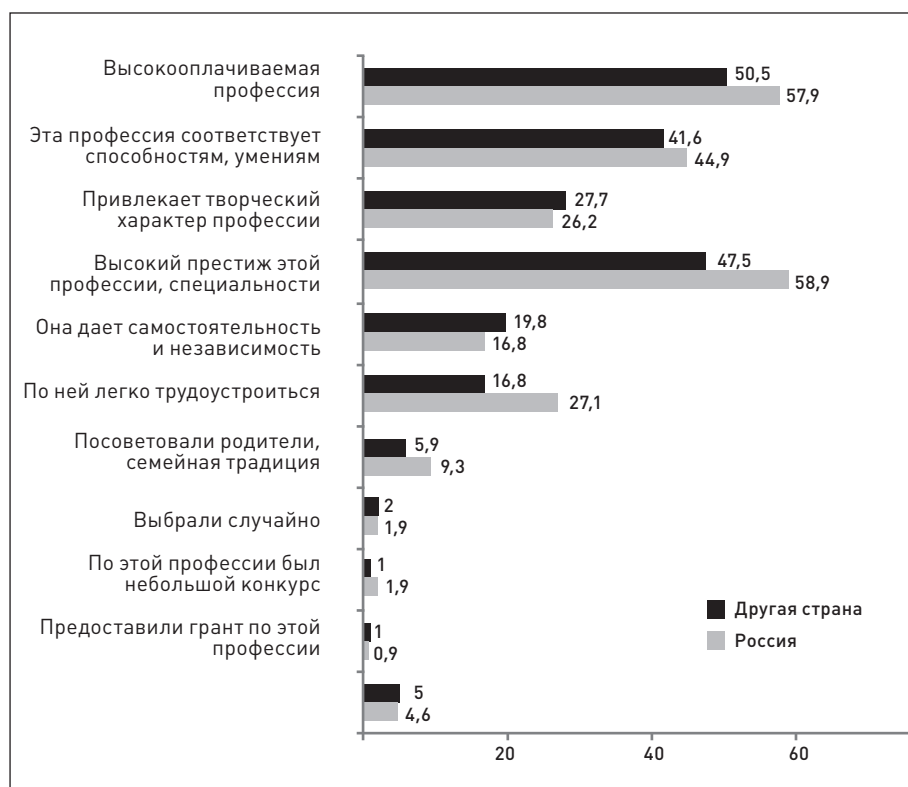


Рисунок 4
Распределение казахстанских школьников по выбранным специальностям (сумма не равна 100 %, т.к. респонденты могли отметить несколько вариантов ответа)

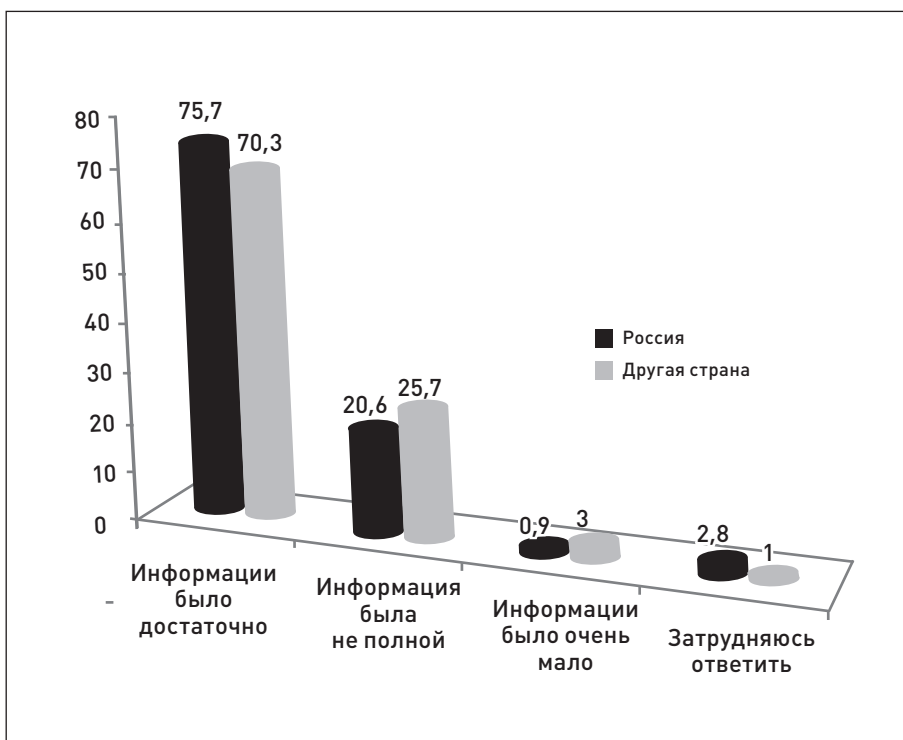
В методах сбора информации о вузе, потенциальном месте учёбы, школьники единодушны – на первом месте информация из Интернета, на втором – информация от родственников, знакомых, а на третье место ставится мнение уже учившихся в избираемом ими вузе. Хотя группа, ориентированная на РФ, в целом сильнее ориентирована именно на эти три источника, другая группа собирает больше информации из таких источников, как «сотрудники посольства, культурного центра той страны, где находится вуз», представители программы «Болашак», «выставки, выездные мероприятия этого вуза» (Рисунок 5).

Обе группы более чем на две трети удовлетворены найденной по вузу информацией.

Рисунок 5
Распределение казахстанских школьников по источникам информации, по которым они выбирают зарубежный вуз для учёбы



Рисунок 6
Распределение казахстанских школьников по уровню достаточности информации о зарубежном вузе, в котором они собираются учиться



Те, кто выбрали РФ для обучения, выбрали его из-за большей дешевизны обучения, тогда как выбравших другие страны более всего не устраивает уровень обучения в Казахстане по желаемой специальности.

Не ожидают особых сложностей примерно по 20 % школьников обеих групп. А возможные трудности они единодушно связывают со слабым знанием местного языка страны обучения и бытовыми проблемами.



Рисунок 7
Распределение казахстанских школьников по ожидаемым ими проблемам при учебе их за границей

Те, кто выбирают в качестве обучения РФ, в абсолютном большинстве уверены, что только в некоторых из городов России есть скинхеды. В качестве наиболее опасных называют Москву, Санкт-Петербург и Екатеринбург.



Рисунок 8
Распределение казахстанских школьников, собирающихся учиться в России, по их мнению об опасности пострадать от скинхедов в городах России

Менее чем у половины школьников обеих групп есть друзья в выбранном для обучения за рубежом городе.

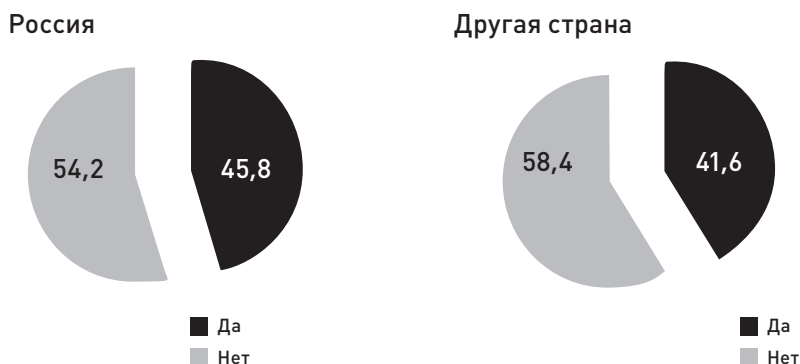
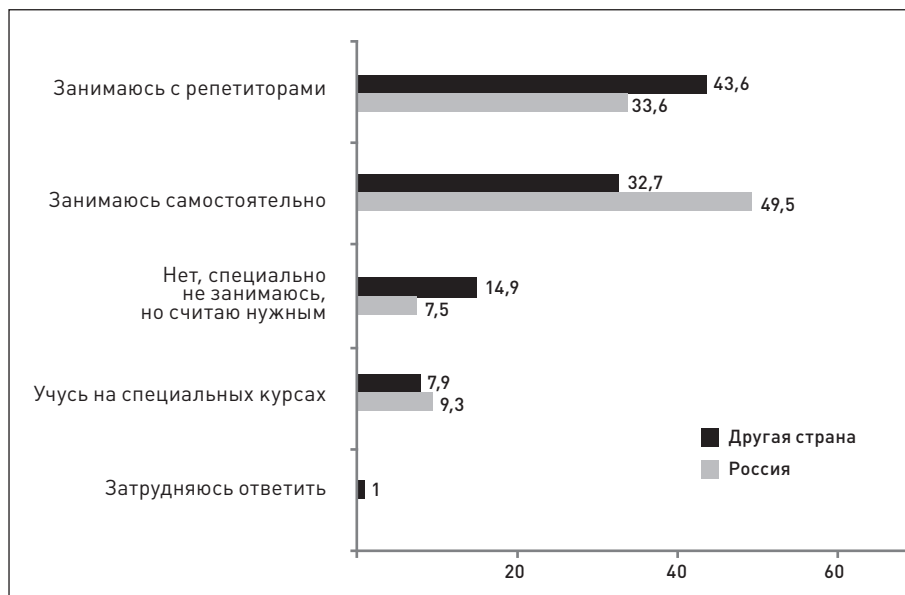


Рисунок 9
Распределение казахстанских школьников по наличию у них друзей в городе, где они собираются учиться

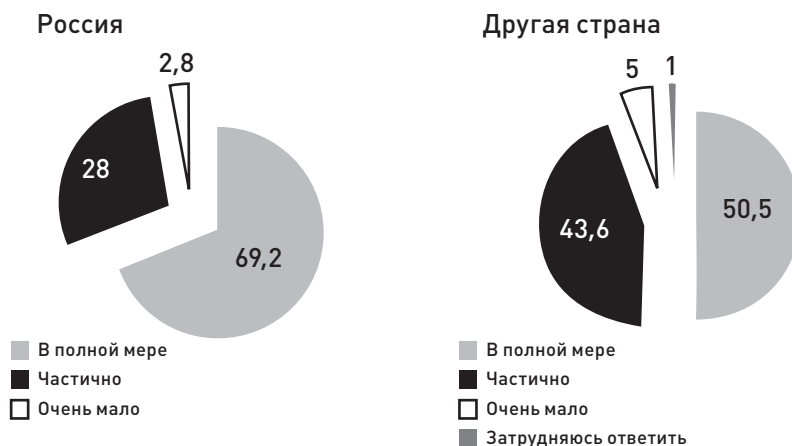
Среди тех, кто хочет учиться в России, больше тех, кто дополнительно занимается для этого поступления самостоятельно, а в другой группе больше тех, кто занимается с репетиторами. Среди тех, кто не выбирает РФ, больше тех, кто вообще не готовится к поступлению в вуз.

Рисунок 10
Распределение казахстанских школьников по формам дополнительной подготовки для поступления в зарубежный вуз



Среди тех, кто хочет учиться в РФ, осведомлённость об условиях поступления в выбранный вуз – выше.

Рисунок 11
Распределение казахстанских школьников по знанию об условиях поступления в визы выбранной страны



Среди выбравших РФ в качестве страны обучения немного ниже уровень знания о программе «Болашак», а среди тех, кто хочет обучаться не в РФ, больше тех, кто будет пробовать использовать её возможности.

Именно среди тех, кто будет учиться не в РФ, знание русского языка немного выше, чем среди тех, кто хочет учиться в РФ, а знание английского и других языков – значительно выше. И если те, кто хочет обучаться в РФ, изучали русский в основном в своей семье (43 %) или в Казахстане на специальных курсах (42 %), то те, кто предпочитает для обучения не РФ, изучают нужный им для обучения язык в основном на специальных курсах в Казахстане (69 %) или на подготовительном факультете выбранного зарубежного вуза (14 %).

В основном обе группы намерены жить в общежитии, но у тех, кто намерен учиться в РФ, больше надежды на проживание у родственников, а те, кто будут учиться в других странах, полагают, что чаще будут жить в съёмном жилье.



Рисунок 12
Распределение казахстанских школьников по месту предполагаемого проживания

В среднем у обеих групп высокая уверенность в быстром трудоустройстве в Казахстане после зарубежного обучения.

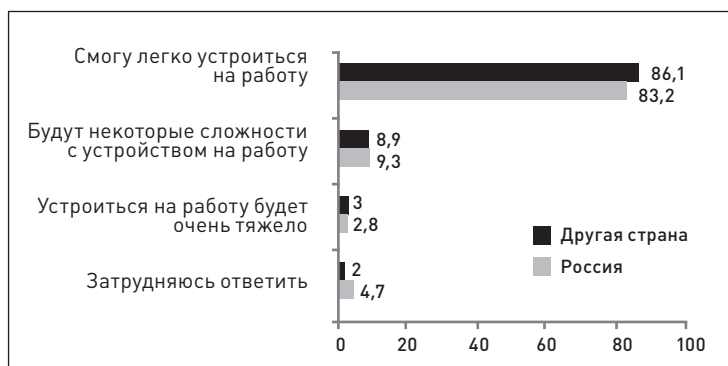


Рисунок 13
Распределение казахстанских школьников по мнению о лёгкости трудоустройства в Казахстане с дипломом зарубежного вуза

Возможные сложности при трудоустройстве у намеревающихся обучаться в РФ предполагаются из-за того, что в Казахстане нет работы по желаемой для обучения профессии. Среди тех, кто хочет учиться в другой стране, это менее весомая причина, и наряду с ней, весомой причиной предполагается то, что в Казахстане могут не признать полученный диплом зарубежного вуза (Рисунок 14).

Среди тех, кто хочет учиться в РФ, больше тех, кто хочет там осесть, а среди тех, кто хочет учиться в других странах, больше тех, кто хочет там остаться на некоторое время. В обеих группах главная причина такого настроения – возможности трудоустройства в стране обучения, но в группе предпочитающих обучение не в России играют большее значение хорошие условия жизни, тогда как среди предпочитающих обучение в РФ этот фактор по значимости стоит только на третьем месте, а на втором – проживание в РФ родных и близких (Рисунок 15).

Рисунок 14
Распределение казахстанских школьников по предполагаемым сложностям при устройстве на работу с дипломом зарубежного вуза



Рисунок 15
Распределение казахстанских школьников по миграционным намерениям после окончания учёбы

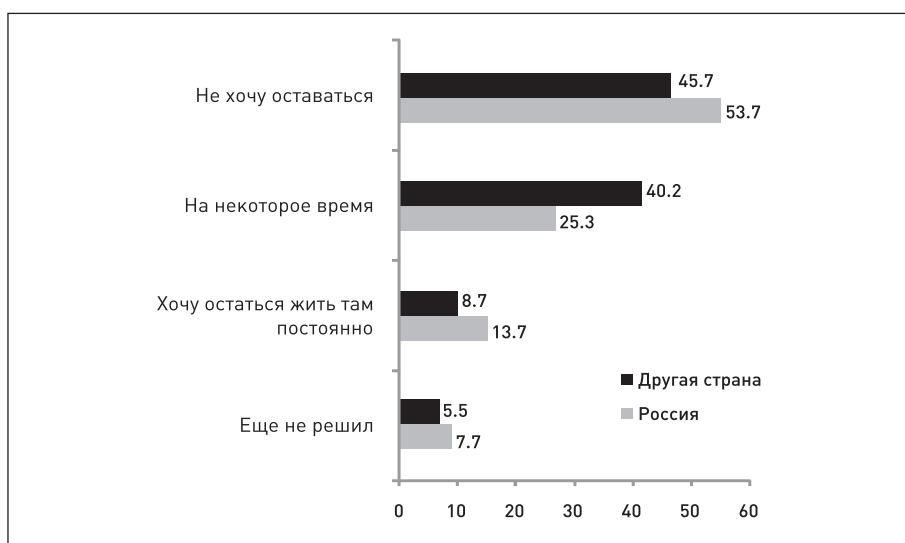
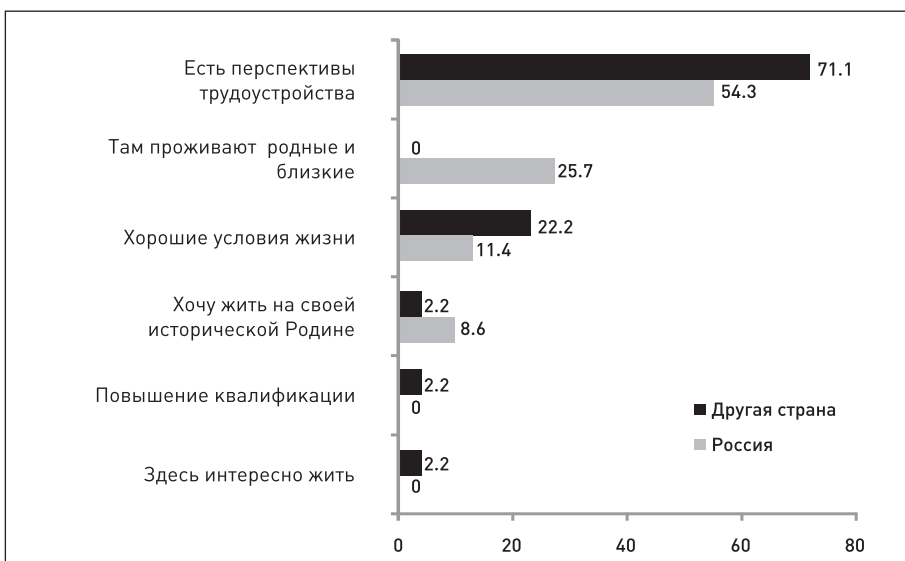


Рисунок 16
Распределение казахстанских школьников по причинам последующего оседания в стране учёбы



Среди тех, кто хочет поступать в российский вуз, меньше тех, кто в случае неудачи при поступлении переориентируется на казахстанский вуз, и больше тех, кто может переориентироваться на поступление в другой зарубежный вуз или пойдёт работать.

Среди тех школьников, что хотят поступать в российский вуз, выше успеваемость и среди них больше тех, кто учится в обычной средней школе, а не в лицее или спецшколе. Это дети из более многочисленных по составу семей с более высоким образованием у родителей.

Это семьи либо достаточно обеспеченные, либо живущие скромно – среди них меньше представителей «среднего класса», в отличие от тех семей, дети из которых хотят учиться не в России.

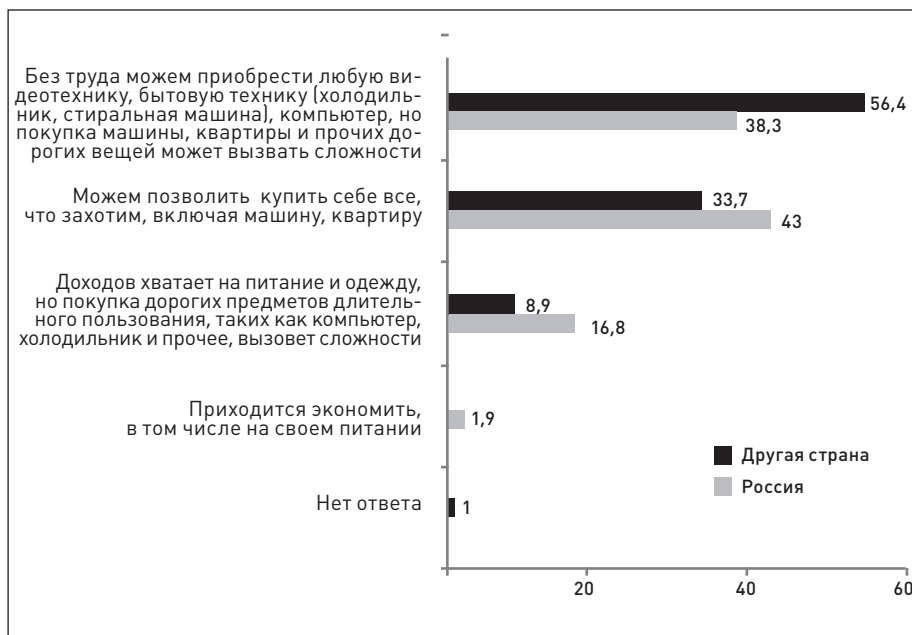


Рисунок 17
Распределение казахстанских школьников по самооценке материального положения их семей

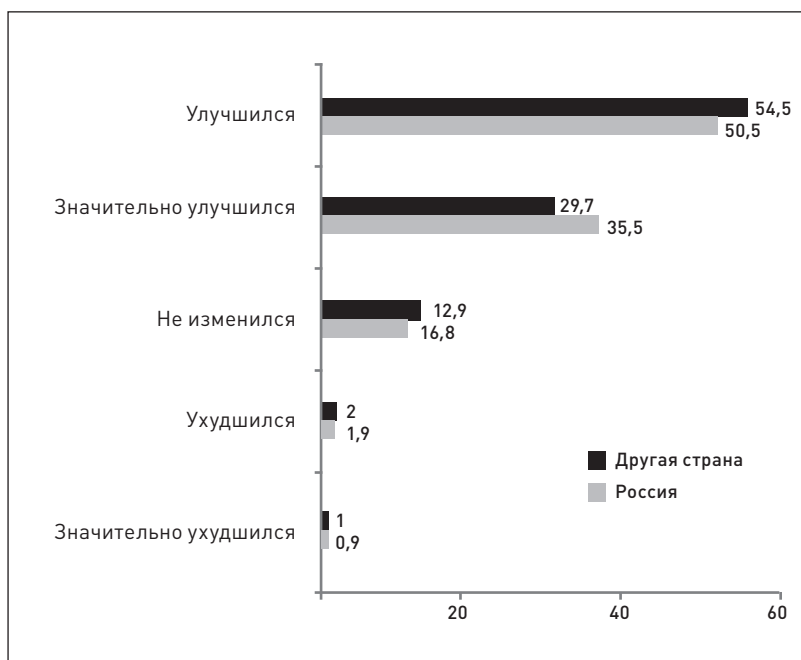


Рисунок 18
Распределение казахстанских школьников по изменению уровня жизни их семей в последние 3-4 года

Среди них также меньше миграционная подвижность – три четверти из них живут в родном городе с рождения. Тогда как среди тех, кто хочет учиться не в РФ, таких 57 %.

Среди тех, кто хочет учиться в РФ, меньше тех, кто удовлетворён качеством своего жилья, но за последние 3-4 года материальное положение их семей улучшалось чаще, чем среди тех, кто хочет ехать учиться не в РФ. Возможно это связано с тем, что они просто стали выбиваться из бедности, а не жить намного богаче, так как имеющееся жильё их всё-таки слабо удовлетворяет.

Около 90 % из тех, кто хочет учиться не в РФ – казахи, тогда как среди тех, кто предпочитает РФ их только 35 %, а русских – больше половины (53 %).

* * *

В целом, можно сделать вывод, что в РФ настроены ехать школьники менее прагматичные, больше доверяющие мнению своих родителей и менее осведомлённые о возможностях образования. Они более равнодушны к комфорту и более определённые в своих планах на обучение, среди них больше тех, кто рассматривает обучение как ступеньку к оседанию в РФ – возвращению на историческую родину. Среди тех, кто составляет группу предпочитающих обучение не в РФ, больше тех, кто ставит целью высокие заработки и удобные условия учёбы, проявляя меньше доверия сложившимся в казахстанском обществе стереотипам об учёбе в РФ. Это те, кто стремятся получить опыт работы за границей, но больше склонны к возвращению в Казахстан, пусть и через какое-то время.

(НЕО)ЕВРАЗИЙЦЫ И ПОЛИТИКА: «ВХОЖДЕНИЕ» В ГОССТРУКТУРЫ И БЕЗРАЗЛИЧИЕ К ОБЩЕСТВЕННОМУ МНЕНИЮ?*

МАРЛЕН ЛАРЮЭЛЬ

старший научный сотрудник Института Центральной Азии и Кавказа и исследовательской программы «Шелковый путь» – объединенного центра, поддерживающего партнерские отношения с факультетом передовых международных исследований Университета Джонса Хопкинса и Института по политике и безопасности развития, Ph.D (Вашингтон, США)

Евразийцы прошлого и их нынешние последователи не раз формулировали собственную политическую позицию по отношению к коммунизму, Советскому Союзу, его наследию и т. п. Предлагали они и собственные соображения по поводу политического устройства, которое, по их мнению, наилучшим образом подходило бы русско-русифицированному миру. Они высоко оценивали коллективизм, говорили о важности создания представительного общественного строя, позиционируя себя при этом в качестве выразителей чаяний молчаливого большинства, которое якобы заинтересовано в поддержании политического единства всего «евразийского пространства». Эти высказывания составляют основу их политической самолегитимации, их понимания политики как такой социальной деятельности, для осуществления которой вовсе не обязательны электоральные и подобные им формы достижения общественного согласия.

Сразу же возникает вопрос, насколько последовательны евразийцы в этой самолегитимации. Они не располагали сколько-либо существенной массовой поддержкой в период между двумя мировыми войнами; не располагают ею и после того, как в начале 1990-х гг. произошло «возрождение» евразийства; да и их собственное видение того места, которое они занимают в сфере политики, кажется ущербным. Впрочем, я не ставлю перед собой задачу оценить степень их общественного влияния в критериях социологии — для этого нет каких-либо статистических данных. Меня будет интересовать лишь их отношение к политике.

Единство самосознания участников евразийского движения?

Уже евразийство 1920–1930-х гг. представляло собой внутренне разрозненное течение, в рамках которого, концентрируясь вокруг общей веры в существование некоего целого, называемого «Евразией», могли сосуществовать самые разные личности и самые противоречивые идеи^[1]. Предпринятое Л. Н. Гумилевым (1912–1992) и вслед за ним и другими русскими и тюркскими неоевразийскими авторами обновление евразийства еще более усложнило исходные позиции его приверженцев. Кстати, такая расплывчатость много численных идеологических концепций помогает сегодняшним сторонникам неоевразийства использовать интеллектуальные достижения евразийского движения 1920-х и представлять себя в качестве его достойных наследников.

* Опубликовано в журнале "Вестник Евразии" №1 – 2006 г., стр. 30-43

[1] 1 См. об этом: Laruelle M. L'idologie eurasiiste russe ou comment penser l'empire. Pr face de Patrick S. riot. Paris, L'Harmattan, 1999; она же. Идеология русского евразийства. Мысли о величии империи. Перевод Т. Григорьевой. М., Наталис, 2004.

Прежде чем рассмотреть то, что, как мне представляется, объединяет всех неоевразийцев, — их отношение к политике, имеет смысл установить, насколько они вообще едины, какова степень их взаимного признания. Сразу же скажу: они далеки от идейного единства, от того, чтобы быть единой силой. Скорее, они — разрозненное содружество.

Правда, неоевразийство не исчерпывается лишь тем, что производится его институционализированными течениями. Опосредовано, путями распространения, установить которые подчас удастся с трудом, во многие сферы общественной мысли на территории бывшего СССР вошли идеи Гумилева. Вместе с ними широко распространилась евразийская культурологическая терминология. Неоевразийцы используют этот ресурс, пожиная плоды огромного успеха произведений Гумилева, специфический дискурс которого с такими его базовыми понятиями, как «пассионарность», «этногенез», «субэтнос», «суперэтнос» и т. п., проник в общественные науки и даже в школьные учебники. Евразийство — типичный пример идеологии изменчивых очертаний, чем, собственно, и объясняются его успех, многогранность, присутствие в самых различных сферах: в политике *stricto sensu*, в теории литературы, в истории, в новой прагматичной формулировке «советскости». И одновременно — пример идеологии, заменяющей собой, с одной стороны, марксизм-ленинизм, с другой, подобно ему претендующей на всеобъемлющее объяснение мира и создание новой геополитики для России.

В 1990-е гг. основные действующие лица неоевразийства довольно долго взаимноигнорировали друг друга, не признавали себя участниками единого целого. Так, А.Г. Дугин в своих работах открыто осуждал другие неоевразийские течения, признавал их бесполезными и ненужными. Однако сам он вызывал отторжение, прежде всего у А.С. Панарина, который в то время категорически отказывался принадлежать к тому же идейному течению, которое ассоциировалось у него с Дугиным. Для А. Панарина геополитика Дугина была языческой, лишенной христианской духовности: она осмысляла человека как часть природы и тем самым утверждала его зависимость от слепой судьбы. Государство же у Дугина представало в качестве самостоятельного эгоистичного организма, рассчитывающего только на силу и потому не дающего гарантии какой-либо международной стабильности. Все это было для А. Панарина полной противоположностью «цивилизованному» сознанию, образцом которого должно было являться евразийство.

В какой-то мере связующим звеном между этими двумя неоевразийскими течениями служил журнал «Евразия. Народы, религии, культуры», возглавлявшийся Эдуардом Баграмовым и представлявший официальное казахстанское евразийство. Президент Нурсултан Назарбаев стремился к тому, чтобы поставить свои экономические и политические проекты на фундамент культуры. Нуждался он и в том, чтобы обеспечить свое присутствие на российской общественной сцене. Журнал «Евразия» был тогда единственной трибуной тех неоевразийцев, которые проявляли немалый интерес к тюркскому и мусульманскому вариантам евразийства, готовы были сотрудничать со всеми идейными течениями, призывавшими к реинтеграции Советского Союза, и выражали в этом журнале свои надежды на то, что какой-то вариант реинтеграции на постсоветском пространстве состоится. Сам Баграмов считал, что евразийство сможет реализовать себя только тогда, когда оно будет освоено и «национализировано» другими народами, кроме русского. Но это означает, что помимо различия между Дугиным и А. Панариным, проповедовавшими «русскую» версию евразийства, существовало еще различие между ними и более широким «российским» евразийством; осваивая советский дискурс, тезис о слиянии национальных культур, оно стремилось пред-

ложить некий постсоветский вариант дружбы народов^[2]. В начале 2000-х гг. картина коренным образом изменилась. Когда в апреле 2001 г. Дугин решил основать движение «Евразия», сразу же заявившее о поддержке Владимира Путина, он смог привлечь двух основных своих соперников предшествовавшего десятилетия: А. Панарина и Баграмова. Баграмов принял участие в учредительном съезде движения, тем самым публично признав Дугина неоспоримым лидером всех сторонников неоевразийской идеи в России. А. Панарин также сблизился с бывшим противником.

С 2001 г. он публикует свои статьи в руководимом Дугиным журнале «Евразийское обозрение»^[3], где в позитивном тоне отзывается о бестселлере Дугина «Основы геополитики»^[4]. Позже он принял приглашение участвовать в учредительном съезде «Евразии». Правда, членом ее Центрального Совета он стал только в 2002 г. Его внезапная кончина в 2003 г. еще более «упростила» ситуацию в стане неоевразийцев: исчезла крупная фигура, пусть числившаяся с недавнего времени в союзниках Дугина, но потенциально оставшаяся его конкурентом.

Так Дугин стал – и остается сегодня – лидером очень широкой части спектра, образуемого сторонниками евразийской идеи. Хотя в России есть и другие течения и деятели, отождествляющие себя с этой идеей, они ни в коей мере не обладают столь же значительными, как у Дугина, возможностями в сфере распространения своих взглядов. Однако, обретя бесспорное идейное лидерство, Дугин почти тотчас же столкнулся с серьезным и, видимо, неожиданным для него соперничеством на арене собственно политического действия: Абдул-Вахид Ниязов создал свою Российскую Евразийскую партию. После поражения на парламентских выборах в декабре 2003 г. эта партия сошла с политической арены, однако факт ее появления нельзя было игнорировать. Ведь в этой попытке создать евразийскую организацию нашел свое отражение развивающийся ныне процесс усвоения евразийской идеи мусульманскими и тюркоязычными элитами Татарстана, Башкортостана и Якутии-Саха, с одной стороны, различными организационными структурами, представляющими российские национальные и религиозные меньшинства, с другой.

Все неоевразийцы двойственны в оценке отцов-основателей. Дугин отбрасывает их, считает их дискурс слишком литературным и философским. Если у раннего евразийства и были некоторые прозрения, оно не смогло их четко передать на теоретическом уровне: «В евразийстве мы сталкиваемся с двойной степенью неопределенности – неопределенностью, свойственной самой русской мысли, и попыткой широкой систематизации этой неопределенности в новую неопределенную, но обладающую своей собственной логикой, концепцию»^[5]. Правда, это не мешает Дугину занимать господствующее положение в деле реабилитации евразийства, публиковать в издательствах «Аграф» и «Арктогея» и на сайтах Интернета сборники работ ведущих теоретиков движения – П.Н. Савицкого, Н.С. Трубецкого, Н.Н. Алексеева – и писать к ним предисловия, в которых он старается как можно более тесно увязать «заветы» евразийцев межвоенного времени с его собственным, уже современным, определением (нео)евразийства^[6]. А. Панарин почти никогда не цитировал первых евразийцев. Посмотрев на журнал «Евразия», увидим совсем иную картину: авторы, группирующиеся вокруг Баграмова, ссылаются на «старых» евразийцев постоянно. Объяснение простое: в жур-

[2] См. об этом: Laruette M. L'Empire après l'Empire: le n o-eurasisme russe // Cahiers du monde russe. Paris, EHESS, 2001. Vol. 42. № 1. P. 71–94.

[3] Панарин А. Православная цивилизация в глобальном мире // Евразийское обозрение, 2001. № 4, 11 декабря. С. 4–5. Доступно на: <http://eurasia.com.ru/eo/4-5.html>; он же. Русская Православная церковь в пространстве Евразии: материалы VI Всемирного русского народного собора. М.: Арктогея, 2002. С. 90–101.

[4] Панарин А. С. Политология. Учебное пособие. М.: Гардарики, 2002. С. 372.

[5] 5 Дугин А. Евразийский триумф // П. Н. Савицкий. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997. С. 434.

[6] В 2002 году он также переиздал работы Я. Бромберга «Евреи и Евразия» и Е. Хара-Давана «Русь монгольская».

нале нет достойных теоретиков и, чтобы содействовать евразийскому обновлению, приходится искать свои истоки в раннем евразийстве.

Неоевразийцы столь же непоследовательны и по отношению к творчеству Л. Гумилева^[7].

Пусть они обязаны ему открытием евразийства, пусть его престиж у широкой советской публики был огромен, почтения к нему они не испытывают. Александр Панарин и Борис Ерасов не раз осуждали псевдонаучные теории Гумилева, применение им в истории биологизирующего ее дискурса. От всего этого они постоянно открещивались, так как для них Евразия была исторической и политической реальностью, а не природной^[8]. Если кто-то из неоевразийцев и оценивает Гумилева положительно, так это Дугин: разделяет гумилевскую этническую концепцию нации, веру Гумилева в «ограниченность» государственных конструкций. В определенном смысле Дугин на языке геополитики переформулировал то, что у Гумилева было выражено на языке истории: Запад – это «старый этнос», обреченный исчезнуть под напором экспансии евразийского «суперэтноса».

Как видим, позиции современных сторонников евразийства во многом различны, а сами они не очень-то склонны считать друг друга участниками одного идейного течения. Но и учитывая это, следует признать, что по некоторым ключевым для них вопросам, в частности по вопросу об отношении к политике, их мнения далеко не всегда различны.

Политическое движение, интеллектуальное течение или религиозный орден?

Чтобы ответить на этот вопрос, относящийся к неоевразийцам, следовало бы вернуться к истокам евразийства и ко времени его появления – периоду между двумя мировыми войнами. Евразийство 1920–1930-х гг. было единственной действительно оригинальной идеологией, созданной эмиграцией. Оно – дитя изгнания. Для всей русской эмиграции слово заняло место поступка; но для евразийцев в особенности писать – значило действовать. Они нашли мессианскую отдушину во внутренне крайне сложном дискурсе самоидентификации. Дискурс этот определял Россию не как европейскую и не как азиатскую страну; он определял ее как третий, особый, континент славяно-тюркского сожительства, несущий на себе печать господствовавших в его пределах великих империй – от Монгольской до Российской.

Евразийство родилось и из отрицания Европы, и из личного опыта; и этот опыт затем попытался обобщить себя. Вместо того чтобы ограничиться осуждением Запада, как то было свойственно значительной части славянофилов, евразийское движение стремилось предложить иное, абсолютно неевропейское прочтение России. Миссию свою оно видело в том, чтобы открыть России ее подлинную суть, предложить ей всеобъемлющую систему видения мира и практического действия. Собственно, это и определило постоянное стремление евразийцев к систематизации, теоретизированию, классификации явлений, их постоянные колебания между философской мыслью и программными установками – что всегда оставалось их наиболее существенной чертой. Постулаты евразийства были постоянно направлены на решение четких практических целей; его исторический выбор, как и выбор в сфере идентификации, должен был привести к немедленным или более долгосрочным политическим выводам. Движение не было всего лишь интеллектуальным, активно стремилось волевым усилием содействовать изменению мира^[9]. Однако

[7] О его жизни и творчестве см.: Лавров С. Б. Лев Гумилев: судьба и идеи. М.: Агрис Пресс, 2003. С. 39–454.

[8] Ерасов Б. С. Россия в центральноазиатском геокультурном комплексе // Восток, 1993. № 6.

[9] Шнирельман В. Интеллектуальные лабиринты: очерки идеологии в современной России. М.: Академия, 2004. С. 18–122.

само евразийство определяло себя не как политическую партию, а как идейное объединение. Очень быстро – уже в первые годы существования движения – князь Трубецкой отверг возможность его политизации. Ибо евразийство предлагало не только политическую программу: оно провозглашало особое видение мира – его восприятие и, прежде всего, философское осмысление. Для Трубецкого политика и экономика были не более чем выражением идеологии, религиозной мысли, сами по себе они не имели смысла. Если евразийство и станет политической партией, считал он, партийное действие будет всего лишь одной из возможных форм евразийского действия, поскольку природа движения более сложна. Вместе с тем евразийство пыталось обрести организационные формы (что и вызывало известные расколы между теми его сторонниками, которые ориентировались на Советский Союз и концентрировались в Париже вокруг журнала «Евразия», и не доверявшими их начинаниям единомышленниками, проживавшими в Праге) и признавало себя «формально»^[10] более близким к жестко структурированным коммунистическим и социалистическим партиям, чем к дворянам-западникам. Оно всегда было очень государственным, ставило государство на вершину иерархии своих ценностей: «Мы – лига культурного и государственного действия»^[11].

Хотя евразийство в течение долгого времени и выдвигало политические претензии, оно все же в большей мере стремилось соединить свои религиозные и философские принципы с собственными же географическими и историческими воззрениями.

Идеологические постулаты евразийства всегда обрамлялись терминами культуры, его ориентализм был лишь «цивилизационной» версией его же философии. «Мы – метафизичны и в то же время этнографичны, географичны»^[12]. Комплексное сочетание сущностных принципов и научных доказательств лежало в основе евразийского учения, воспринимавшегося его сторонниками как вера. Религиозные ссылки присутствовали во всех определениях, дававшихся евразийству участниками евразийского движения. С их помощью они хотели преодолеть расхождение между политическим и интеллектуальным аспектами своей деятельности. Евразийцы хотели походить на католические ордены, вроде ордена иезуитов, или на масонов, но одновременно резко выступали против западного христианства и либеральной мысли. Они определяли себя как «орден» в религиозном смысле этого слова, как братство, по природе своей отличное от братства западного. Провозглашая себя ответвлением волжских старцев, евразийцы видели себя орденом восточным: «По духу своему, мы, пожалуй, первый тип русского ордена... Мы призваны начать строить Россию-Евразию по заветам старцев, наполняя эти заветы новым историческим содержанием»^[13]. Но если евразийство – религиозный орден, то вера в Евразию и должна выражать себя как разновидность религиозной истины.

Вне зависимости от того, стремилось ли евразийское движение стать политической партией или восточным орденом, оно требовало от своих членов согласия между жизнью и мыслью. Многие статьи, печатавшиеся в «Евразийской хронике», направлены на придание евразийству программного характера. Они призывали в том числе к экспансии евразийства в среду советской коммунистической элиты – ради того, чтобы создать внутреннее «освободительное движение». В этих же статьях содержался обращенный к членам движения призыв к прозелитизму. Предлагалась даже некая педагогика евразийства – чтение книг, рекомендованных библиографическими страницами «Евразийской хроники», приведение повседневной жизни в согласие с

[10] Алексеев Н. Н. Евразийцы и государство // Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. М.: Наука, 1993. С. 164.

[11] Евразийские тетради, Прага, 1935. № 4. С. 14.

[12] Савицкий П. Н. Подданство идеи // Евразийский временник, III. 1923. С. 7.

[13] Алексеев Н. Н. Евразийство и государство // Евразийская хроника, IX. 1927. С. 165.

доктриной, призыв к дисциплине, обретению опыта полемики^[14]. На страницах своих изданий евразийство всегда поощряло дискуссию, в ходе евразийских конференций всегда предоставлялось слово оппонентам. То была двойственность самоопределения, колебавшегося между политической ангажированностью и восхищением перед КПСС, с одной стороны, прославлением интеллекта и укоренением в религии, с другой. И та же двойственность характерна для неоевразийцев.

Официальное евразийство «инородцев»: не аполитичен ли в действительности его язык штампов?

Парадокс постсоветского времени: идеология евразийства обладает полуофициальным статусом не только в нероссийском государственном пространстве, прежде всего в Казахстане, но и в нерусском этническом пространстве, находящемся в границах России: в Татарстане, Башкортостане, Якутии. Сходный статус она получила и у двух конкурирующих между собой институтов, представляющих мусульман России: в московском Совете муфтиев России и в уфимском Центральном духовном управлении мусульман^[15]. Дабы утвердить тюркскую и/или мусульманскую идентичность, соответствующие элиты взяли в 1990-е гг. на вооружение евразийский дискурс – часть русского наследия, рассматриваемую ими вполне совместимой с их идентичностью. Зададимся и здесь вопросом, в какой степени этот нерусский евразийский дискурс принадлежит полю политики.

Нерусское евразийство во многих отношениях отличается от русского: приписывает благотворную роль тюркам и мусульманам, представляемым осевым элементом Евразии. При таком подходе русский народ становится европейским элементом, чуждым Евразии, противопоставляется тюркским народам, более адекватно воплощающим идею встречи между Европой и Азией. Соответственно и Россия выглядит по-иному: уже не как великая держава, а как самая отсталая часть Европы; с этой отсталостью контрастирует динамизм Восточной Азии, Китая, с которыми тюрки могли бы установить больше контактов через Якутию и Казахстан. Тут мы сталкиваемся со своеобразным «шантажом идентификацией»: только став евразийской державой, Россия вновь обретет свое геополитическое величие, а в Евразию она сможет вернуться лишь тогда, когда признает и оценит входящий в ее состав тюркский и мусульманский мир.

Таким образом, Россия, если она хочет избежать распада созданной русскими федерации, должна подавать себя миру – хотя бы отчасти – как тюркское и мусульманское политическое образование, должна сохранить за собой право на присутствие в Центральной Азии и стать признанным лидером азиатских и ближневосточных стран, всегда и всеми евразийцами рассматривавшихся в качестве естественных союзников России в ее противостоянии Западу.

В Казахстане в первые годы расцвета евразийского дискурса после распада СССР местные евразийцы были далеки от того, чтобы единодушно сплотиться вокруг Президента, а некоторые казахские интеллектуалы разоблачали эту идеологию, считая ее иллюзией, призванной скрыть реальность, – этническую поляризацию страны и этнократический характер местной власти. Ныне же евразийство монополизировано режимом Президента Назарбаева, новый *langue de bois* (казенный, шаблонный язык, язык штампов), теперь уже евразийский, стал официальным языком независимого Казахстана, используемым в сфере национальной политики. Основные евразийские

[14] Из опыта работы евразийства // Евразийская хроника, VII. 1927. С. 47–49.

[15] Laruelle M. L'appartenance à l'islam comme critère politique? La politisation des directions spirituelles et la constitution de partis musulmans en Russie // Islam et politique en ex-URSS (Russie - Europe et Asie centrale). Paris, L'Harmattan, 2005. P. 85–115.

издания принадлежат родственникам Президента, независимых интеллектуалов такой способ национальной аргументации привлекает слабо^[16]. Тем не менее Президент Назарбаев смог собрать в рамках Университета имени Л. Н. Гумилева в новой столице Астане разношерстный Евразийский центр. Именно этот центр призван озвучить специфику казахстанской идеологии, четко отделить ее от обесценившейся продукции российских «конкурентов» – этих «империалистов» и даже «фашиствующих».

В уже упоминавшихся субъектах Российской Федерации евразийство также стало официальной идеологией, все тем же *langue -e bois*, с помощью которого одновременно: превозносится тюркская и/или мусульманская специфика республики, подчеркивается ее лояльность федеральному Центру, выражается ностальгия по Советскому Союзу. Всё объемлющий и всегда расплывчатый дискурс – отличительная черта этой разновидности евразийства. В нем вы не найдете четко обозначенных экономических или социальных проектов; эта форма евразийства призвана, скорее, позиционировать то или иное этническое сообщество в рамках федерации, а не создавать политическую конструкцию. Более того, этот дискурс благонамерен, в нем нет выраженной политической ангажированности и предназначен он не местному населению, а центральной власти. Потому его творцов мало волнует, интересуется ли публика предлагаемыми ими темами – ведь и без того президенты республик в составе РФ почти всегда были единственными кандидатами на президентских выборах. Можно даже признать, что евразийство не находит отражения в каких-то важных пунктах президентских программ. Да и как ему находить такое отражение, если оно – всего лишь дискурс, легитимирующий существование национальных политико-административных образований.

Дабы утвердить свою легитимность перед лицом Москвы, это евразийство вроде бы и говорит на языке национализма, да очень уж своеобразно: отказывается от жесткого этнического определения нации, играет на поле многонациональности и полирелигиозности, проповедует создание региональных объединений по принципу единства черт культуры... Но как таковое, оно не вызывает каких-либо дискуссий между сторонниками и противниками евразийства.

Русские неоевразийцы: «советники государя?»

Вернемся к русскому неоевразийству. На первый взгляд, с ним все по-другому: оно наконец-то входит в долгожданное поле политики.

Весной 2001 г., когда были созданы «Евразия» Дугина и Евразийская партия России Ниязова, оно достигло-таки новой для него стадии политизации (хотя появление сразу двух партий еще раз подтвердило разделение евразийства на его русскую и нерусскую ветви)^[17].

Однако ситуация не столь очевидна, как кажется: обе эти партии, созданные в преддверии парламентских и президентских выборов (соответственно в декабре 2003 и в марте 2004 года), сегодня прекратили свое существование и были преобразованы в другие структуры.

Как и теоретики движения французских новых правых (в частности, Ален де Бенуа), вдохновлявшиеся теориями Грамши, Дугин полагает, что завоеванию политической власти неизбежно предшествует обладание властью в сфере культуры. Но при этом его не интересует, насколько широко распространяются его идеи; для него важно влиять на молодых интеллектуалов, политическое будущее которых представляется ему многообещающим, и на цен-

[16] Laruelle M. Les ambiguïtés de l'eurasisme kazakh: ouverture sur le monde russe ou fermeture nationaliste? // Cahiers d'études sur la Méditerranée orientale et le monde turcoiranien (CEMOTI). Paris, CERI, 2002. №34. P. 119–134.

[17] Laruelle M. Le «doublement» d'une idéologie. Deux partis politiques eurasiens en Russie // La roulette russe. Outre-terre. Revue française de géopolitique, Aix-en-Provence, ERES, 2003. №4. P. 227–240.

тры принятия политических и военных решений. Благодаря успеху некоторых своих книг (например, изданных в 1977 г. «Основ геополитики»), сделавшихся университетскими учебниками, он с 1998 г. читает лекции в Генеральном штабе и в так называемом «Новом университете», что в полной мере отвечает его стремлению воздействовать на группы элиты^[18]. Стремится он и к тому, чтобы стать «советником государя»: с 1998 г. он был советником Г. Селезнева, прежнего председателя Государственной Думы, с 1999 г. стал председателем комиссии геополитической экспертизы Консультативного совета по вопросам национальной безопасности при Думе^[19].

Приход к власти в марте 2000 г. Владимира Путина резко изменил политическую позицию Дугина. При этом его собственная эволюция содействовала заметной трансформации подходов «патриотической» оппозиции к новой власти, а значит – изменению поля российской политики. Если в период президентства Ельцина Дугин на фоне проводившейся тогда прозападной политики играл роль «диссидента», то теперь он сближается с новым сильным человеком страны. Начиная с 2001 г., Дугин признается в том, что он поддерживает путинскую власть в проводимой ею великодержавной политике, и ориентирует на то же и свою партию «Евразия». С момента создания эта партия выступала союзником власти, ставя перед собой целью, как заявлял ее лидер, не борьбу за власть, а влияние на власть^[20]. Дугин был близок к правительственной коалиции Путина, но в избирательной кампании 2003–2004 гг. участвовал недолго, очень быстро покинув блок «Родина», в который первоначально вошел. Уход из «Родины» объяснялся желанием вновь обрести право на собственное мнение, а также тем, что в этом блоке ему вряд ли бы удалось стать одной из ведущих политических фигур. Дугин отказался от «партии», чтобы в ноябре 2003 г. преобразовать свое движение в Международное евразийское движение (МЕД), имеющее статус неправительственной организации. Уход с политического поля позволил ему избежать каких-либо уступок избирателям и вновь утвердиться на поле идеологии. МЕД рассчитывает стать международным мозговым центром (think tank) влияния на действующие органы власти в России, Казахстане и Турции. Турецкая увлеченность идеей Евразии, обозначившаяся в течение нескольких последних лет, — явление во многом поразительное, и в определенной мере эта увлеченность стала итогом международной активности Дугина.

Ситуация в Казахстане также эволюционировала. Еще совсем недавно Дугин считался там *persona non grata*, а его неоевразийство трактовалось как «империалистическое». Ныне же кое-кто из близких к Назарбаеву идеологов пытается сблизиться с Дугиным и таким образом содействовать развитию казахского евразийства, до сих пор остававшегося концептуально бедным. Дочь Президента Назарбаева Дарига, надеющаяся стать преемницей отца, открыто заявила о своей идейной близости с Дугиным, подтвердив, что основная задача евразийства заключается в том, чтобы стать идеологией на службе политической власти. «Примирение» между казахстанским евразийством и Дугиным убедительно продемонстрировала в 2004 г. публикация книги Дугина «Евразийская миссия Нурсултана Назарбаева». Она вышла в московском издательстве «Евразия», отпечатана на глянцево́й бумаге и, что очень вероятно, финансировалась Астаной.

Появление Дугина на политическом поле – пусть всегда временное, но достаточно регулярное – должно расцениваться как новая фаза его эволюции, сменившая фазу выработки им идеологических воззрений. Но эволюционирует только его статус публичной личности.

[18] Dunlop J. B. Aleksandr Dugin's «Neo-Eurasian». Textbook and Dmitrii Trenin's Ambivalent Response // Harvard Ukrainian Studies, 2001. Vol. XXV, No. 1–2. P. 91–127.

[19] Laruelle M. Alexandre Dugin: esquisse d'un eurasiatisme d'extrême droite en Russie postsoviétique // Revue d'études comparatives Est-Ouest, Paris, CNRS, 2001. № 3. P. 59–78.

[20] Чернов Д. Превыше всего. Российские фундаменталисты объединяются для поддержки власти // Вести, 2001, 25 апреля.

В течение многих лет его обычно воспринимали оригинальным, но маргинальным интеллектуалом, тогда как сам он стремился обрести признание в качестве уважаемой, близкой к власти политической фигуры. И выборы для него – не средство; с его точки зрения, не тот это путь, который позволит ему достигнуть намеченной цели.

Как и отцы-основатели эпохи 1920-х г., неоевразийцы придают мало значения формальной политической игре, считая ее ненужным заимствованием с Запада. Куда важнее для них идеологическое «вхождение» в структуры государственной власти. Для первых евразийцев то были структуры Советского Союза и Коммунистической партии, для их наследников – президентская администрация, органы СНГ, центральной и региональной властей.

* * *

Несомненно, что евразийство выросло из идеологии, подобной *Weltanschauung*, то есть из личного религиозного поиска, а не из политики – в той ее форме, в какой представляют политику на Западе. Не случайно, что развивается оно в интеллектуальных кругах, стремящихся получить признание государственной власти в качестве «советника государя» (А. Дугин, Э. Баграмов, А. Панарин) либо непосредственно в рамках властных и управленческих структур, не заинтересованных в укреплении представительных выборных органов (Казахстан, Татарстан, Центральное духовное управление мусульман и т. д.). Даже те две партии, что в 2001–2003 гг. апеллировали к евразийству, на деле разрабатывали не столько выборную стратегию, сколько способы идеологического «вхождения». Совсем как первые евразийцы, неоевразийцы надеются «активировать» принимающие решение институты высшего уровня – и не слишком озабочены тем, чтобы распространить свои убеждения в широкой публике. В некотором смысле вопрос о представленности евразийства в российской общественной жизни был для них неважным и таким и остается. Геополитическое определение России как Евразии может широко распространиться при условии частых публичных ссылок на него, а для этого вовсе не обязательна какая-то поддержка со стороны публики – достаточно, если оно будет навязано сверху.

Сужение поля демократии в современной России, скорее всего, укрепит эту тенденцию в неоевразийстве. Процесс институционализации различных лоббистских объединений и структур свидетельствует одновременно и об отсутствии интереса к построенным на западный манер избирательным кампаниям, и – поскольку существенные политические и экономические вызовы обсуждаются внутри государственных учреждений представителями различных корпораций, более или менее связанных с президентской администрацией, – о предпочтении, оказываемом системе, которая по ряду параметров напоминает существовавшую в Советском Союзе. Пусть внешне власть становится все более монолитной, это еще не дает оснований считать, будто в российском обществе нет более дискуссии и оппозиции. Та и другая вовсе не обязательно заявляют о себе публично: дискуссия может вестись внутри администрации, оппозиция – существовать в тех властных институтах, в какие она смогла проникнуть. Но как раз этого и требует концепция политики, характерная для евразийства, — и для его создателей, и для современных носителей этой идеологии. Они всегда склонялись именно к таким формам функционирования власти, а не к демократической игре и ее рискам. Политическая сущность евразийства состоит не столько в его присутствии на политической сцене *stricto sensu*, подтверждаемом наличием партии, избирательной деятельностью, социологическими рейтингами популярности, сколько в способности ответить на ожидания власти, которая сегодня, как представляется, ищет идеологию, оправдывающую проводимую ею внутреннюю и внешнюю политику.

Перевод с французского Григория Косача

THE BUSINESS AND TRADE RELATIONSHIP BETWEEN THE EU AND CENTRAL ASIA*

SEBASTIEN PEYROUSE

senior staff scientist of the Institute of Central Asia and Caucasus and "Silk Way" Research Program – a joint center which maintains partnership relations with the Faculty for Leading International Researches of James Hopkins University and the Institute of Politics and Development Security Ph.D (Washington, USA)

Faced with an exponentially growing Chinese presence and the continuation of strong Russian influence, the European Union is seeking to establish a place for itself in Central Asia. Besides grand discourses about the European Union's partnership with the Central Asian states, however, the mutual relations between them have remained rather limited. Hindered by the absence of any common long-term strategy, these relations have faltered in the face of Brussels' inability to reconcile its political and economic objectives. The EU's numerous assistance programs have made it appear as a complex, costly and scarcely effective bureaucratic institution. However, since 2007, the EU has sought to speak in a more affirmative voice in Central Asia and has started to exert its economic influence: today, it is one of the five states' main trading partners and is striving to transform the bilateral economic relations of its member states into a global dynamic that would have a broader impact on Central Asian societies. The Strategy for a New Partnership announces EU support for WTO accession for each of the four Central Asian states that are not as yet members^[1], as well as for improved access for Central Asian products to EU markets through the renewed EU Generalized System of Preferences (GSP – 2006/2015), and for encouraging exports, economic diversification and market economy structures, especially by developing the public-private partnership^[2].

Central Asia is a limited market for the EU: the five states have less than 60 million inhabitants, the majority of whom have a particularly low standard of living, with the exception of the Kazakhstani middle classes. In fact, only Kazakhstan, with a per capita GDP of 41,500 dollars, has experienced any prosperity, while Uzbekistan, Kyrgyzstan, and Tajikistan are particularly poor, with per capita GDP levels of between 2,600 and 2,400 dollars (Turkmenistan's come to around 6,000 dollars thanks to its gas yield rent)^[3]. On the trade issue, the interest of Central Asia is therefore minor, which is the reason why the EU's economic logic in the region remains overwhelmingly dominated by the hydrocarbon sector. If this issue is put to one side, it is noticeable just how fragile, imbalanced and limited the other business and trade relations are. However, following the end of the global recession, some commercial opportunities are likely to emerge that could stimulate regional trade, maybe linked to the region's geographical position on the China-Europe transport corridor. Therefore, this paper will seek to draw up a balance-sheet of the three following elements: it will examine the state of trade relations between the EU and Central Asia (energy

* Published at EUCAM working paper June 2009

[1] Kyrgyzstan, which joined in 1998, is currently the only Central Asian country to have entered the WTO.

[2] The EU and Central Asia: Strategy for a New Partnership, Brussels, 2007, pp. 17-18.

[3] See the CIA World Factbook, <<https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/>>.

excepted); look at the diversity of the economic interests of each of the EU member states and of the different EU regions; and present the main sectors in which European companies are already well established.

In reality, the EU's commercial involvement enables it to further European goals in the region: to consolidate the overall EU-Central Asian relationship, to prevent the Central Asian countries from having to rely too heavily on a few markets, to help strengthen the institutions of civil society – which, as a result, could speed up the arrival of a substantial European presence, as well as develop the rule of law, the private sector, and transparency in governance – and to address poverty as the main root cause of instability. This will permit some reflection on the pertinence of having a collective EU business and trade agenda with Central Asia, as well as on the stakes, both economic and social, of such an agenda and the goals that it might set itself. It has indeed become essential to ascertain whether or not this agenda ought—in one way or another—to be placed in the service of more global European strategies for promoting its model of society.

I. THE EU AS ONE OF THE MAIN PARTNERS OF THE CENTRAL ASIAN STATES

The EU Share of Central Asian Foreign Trade

To better understand the EU's role as a trade partner of the Central Asian states, it is crucial, in the first place, to look at its share in the Central Asian economies as a single economic unit. In so doing, however, it should be born in mind that these trade relations are established more by individual companies than by EU countries. This fact makes it difficult to elaborate a communitarian strategy in a sector that remains principally national, and moreover privatized. Several other problematic elements also ought to be mentioned.

First, there is the difficulty associated with not having a common legal framework, since only Kyrgyzstan is a member of the WTO. Turkmenistan has not yet presented its candidacy, and Tajikistan and Uzbekistan are still far from meeting the necessary criteria. Kazakhstan is the only plausible candidate that ought to be able to become a member shortly. The EU's trade relations with Kazakhstan, Kyrgyzstan and Uzbekistan are governed by a Partnership and Cooperation Agreement (PCA), which is a non-preferential agreement in which the parties grant each other most-favored nation (MFN) status, prohibiting tariffs and quantitative restrictions in bilateral trade. Pending the ratification of the PCA signed with Tajikistan in 2004 the EU-Tajikistan bilateral trade relations are governed by an Interim Agreement on trade and trade-related matters. The PCA concluded with Turkmenistan in 1998 has not yet been ratified by the EU due to the domestic political situation (see *infra*). As a result EU-Turkmenistan trade relations are still based on the Trade and Cooperation Agreement signed with the Soviet Union in 1989. All five Central Asian countries are beneficiaries of the EU's Generalized System of Preferences^[4]. Kyrgyzstan excepted, the Central Asian countries, especially Uzbekistan and Turkmenistan, which have very protectionist economies, have all placed numerous restrictions on doing business, which has resulted in a limiting of trade relations.

The EU is the main trading partner of the Central Asian region, accounting for almost a third of its overall foreign trade (29.1% in 2007), that is a total of €22.9bn in 2007^[5]. However, if one compares the bilateral trade of each of the

[4] <http://ec.europa.eu/trade/issues/bilateral/regions/cis/index_en.htm>.

[5] <http://ec.europa.eu/trade/issues/bilateral/regions/cis/index_en.htm>.

states with the figures for Russian-Central Asian trade and for Sino-Central Asian trade, the disproportion is great. In 2007, Russia and China dominated the external economic relations of the Central Asian states by a long way: it was 21 billion dollars for Moscow^[6], and 14 billion for Beijing^[7], whereas Germany, Central Asia's main European trade partner, totalled less than €7bn for the same year.

Moreover, EU-Central Asia trade is marked by the supremacy of the energy sector. About 80 percent of the EU's imports from Kazakhstan are oil products, while for Turkmenistan the figure is 90 percent, and only 30 percent for Uzbekistan, even if it remains the first product grouping in terms of value^[8]. A domain of special importance to the national economies, the energy sector is subject to its own set of geopolitical volatilities and has very paradoxical social outcomes. It cannot be considered in terms of a classic business pattern.

It is also important to stress the radically imbalanced nature of the economic relations between the EU and Central Asia. While the EU as a whole constitutes one of the premier commercial partners of Central Asia, the reverse is not true. In 2007, Kazakhstan represented less than 1 percent of total European imports and 0.5 percent of its exports, placing it 29th among the EU's trade partners. The other Central Asian states are much further down the rankings. This flagrant disproportion cannot be modified by political will alone. Compared to the other regions of the world, Central Asia is restricted on the economic level, since its basic wealth consists in its geopolitical positioning and its energy resources. While the EU has every interest in developing its economic presence in Central Asia in view of its political and geopolitical objectives, Central Asia is not likely to become a crucial commercial partner by comparison with the significance of the relations with the North American continent and the emerging Asian powers.^[9]

Disproportions in Trade Relations (2007)

	Position of country as EU trade partner (imports, exports):	Position of the EU as trade partner(imports, exports):
Kazakhstan	29th (22th, 36th)	1st(2nd, 1st)
Uzbekistan	79th (69th, 93rd)	2e (2nd, 1st)
Turkmenistan	120th (106th, 122nd)	3rd (1st, 3rd)
Tajikistan	142th (116th, 151st)	3rd (6th, 1st)
Kyrgyzstan	147th (163rd, 133rd)	4th (3rd, 8th)

Lastly, Kazakhstan's share of trade with the EU compared with the other states of the region is disproportionate. Since the beginning of the 1990s, Kazakhstan emerged as the principal Central Asian partner of the EU. The development of trade exchanges between the EU and Kazakhstan has risen exponentially, going from 6.2 billion dollars in 2003 to close to 14 billion in 2005 and 19.4 billion dollars in 2007^[10]. Uzbekistan follows in second place, far behind its Kazakhstani competitor, while Turkmenistan is in third position. Trade with Kyrgyzstan and Tajikistan, however, remains minuscule and the settlement of foreign companies in these two countries is extremely limited, and often linked to EU assistance programs.

[6] V. Paramonov, A. Stokov, *The Evolution of Russia's Central Asian Policy*, Defence Academy of the United Kingdom: Central Asia Series, 2008, p. 15.

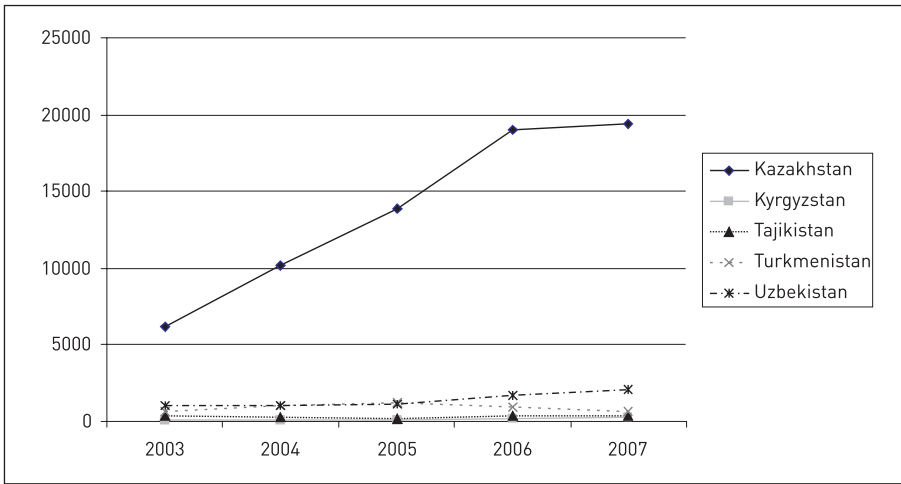
[7] This figure is based on information provided by the Central Asian states, which largely underestimate the size of the trade with China and take into account neither cross-border trade, nor smuggling. The probable figure for 2007, according to Chinese estimates, is closer to 18 billion dollars.

[8] "Kazakhstan. EU Bilateral Trade and Trade with the World", September 2008, "Uzbekistan. EU Bilateral Trade and Trade with the World", September 2008, <<http://ec.europa.eu/trade/issues/bilateral/data.htm>>.

[9] Table compiled on the basis of official figures available for each country at <<http://ec.europa.eu/trade/issues/bilateral/data.htm>>.

[10] <http://ec.europa.eu/trade/issues/bilateral/countries/kazakhstan/index_en.htm>/

Dynamics of EU business by Central Asian country



Source : <trade.ec.europa.eu/doclib/html>. Members States with very Divergent Interests^[11]

The Matrix of EU-Central Asia Relations: Germany

The premier industrial power of Europe, the second-largest exporter in the world in terms of volume, and the fourth-largest economic power in the world, Germany is the key partner driving EU relations with Central Asia. The German-Kazakhstani partnership is conceived both by Berlin and Astana as a long-term one, and it is based on old, indirect historical links related to the German diaspora in Kazakhstan (close to one million persons with the end of the Soviet Union, but today is little more than 200,000). During the 1990s, most of this diaspora returned to settle in Germany and in doing so some of its members turned into economic go-betweens seeking to develop bilateral trade relations. In terms of Germany’s trade with CIS countries, Kazakhstan is placed in third position after Russia and the Ukraine; Kazakhstan is second behind Russia for imports, and is in fourth position for exports behind Russia, the Ukraine and Belarus. Bilateral exchanges reached 2.9 billion in 2004, but then went up to €6.6 billion in 2007, an increase of 17.6 percent by comparison with the preceding year.

Although Berlin is interested in the energy sector, it is not seeking to invest in immense hydrocarbon projects, but instead in domains of medium infrastructure with high-added value such as industrial production, automobile mechanic construction, the electronics industry, the agricultural transformation industries, and the management and the training of qualified specialists. This interest is mutual. Indeed, Kazakhstan’s strategy framework for industrial and technological development tries to attract German investors to invest in industrial sectors not related to hydrocarbons, that is the domain of transformation technologies, and six pilot sectors (construction, tourism, agriculture, transports infrastructure, agribusiness and textile industry). German interest in these sectors can be explained by the specificity of its economy, in particular the importance of small and medium-size companies, which represent 80 percent of its economic dynamism. Taking into account the slowdown in demand with respect to German mechanical production in both the Europe and the United States, the post-Soviet and Chinese markets have assumed a new importance for German automobile companies on the look out for new openings. In addition, the

[11] All the figures presented in this section are available. For Kazakhstan see <http://portal.mfa.kz/portal/page/portal/mfa/ru/content/policy/cooperation/europe-america>; for Uzbekistan <http://mfa.uz/rus/mej_sotr/uzbekistan_i_strani_mira/uzbekistan_strani_evropi_es/>. The other sites of the Foreign Ministries do not contain such rubrics, but specific figures, often conflicting and unverifiable, are available on the sites of the European embassies in Central Asia.

transit potential of Kazakhstan is also perceived by them to be an opportunity to expand into Asia.

Germany considers Kazakhstan to be its principal Central Asian partner, but it is striving to develop relations with all the countries of the region, even if the exchange figures with the other states are relatively negligible. Berlin's second-largest partner in the region is Uzbekistan. The exchange volume between the two countries was 329 million dollars in 2007. The domains of cooperation stretch from light industry and transport-related services to the production of medical preparations and pharmaceuticals and the transformation of agricultural products. In Turkmenistan, German companies essentially work in the medical domain, the textile industry, transport and communications, as well as in the agricultural sector.

The Traditional Great Powers: Italy, France, United Kingdom, Benelux

The Italian economy, stamped by strong regional contrasts, has many trump cards, including the notoriety of its *savoir-faire*, but, being dominated by small and medium-size firms, it is having difficulties establishing its place on the world market. However, Italy is one of Kazakhstan's principal commercial partners, mostly thanks to the AGIP leadership in the North Caspian Sea Consortium in Kashagan. Bilateral exchanges have risen considerably over recent years, reaching 8.9 billion dollars in 2007 (including 7.7 billion in Kazakhstani exports and 1.2 billion in imports). Cooperation is developing in very diverse sectors, stretching from the treatment of agricultural and industrial resources to light industry and foodstuffs, and the construction of agricultural equipment. Like France, Italy's exchanges with Uzbekistan have reduced over recent years because of Tashkent's policies, which are unfavorable to foreign investment, but Rome remains interested in Uzbek textiles.

While present in Central Asia, Paris has shown a certain timidity given the difficulties of investing in the region. France is Kazakhstan's fifth largest trade partner behind Russia, China, Italy, and Switzerland. The exchanges between the two countries have increased considerably over the course of the last years, reaching close to 4 billion dollars in 2007 (including 3.3 billion in exports, 603.8 million in imports). Kazakhstani exports to France consist essentially in oil, metals, metallurgy production, chemical production, and agricultural products, while from Paris Astana buys electric, electronic and mechanical equipment, basic consumer goods, medications and cosmetics, cars, foodstuffs, and construction materials. Though the import and export patterns have many aspects in common with those of other European countries, France distinguishes itself by its reputation for wine, seafood, cheese, perfumes, cosmetics, clothes and accessories. In terms of the volume of investments, France is in fourth place, after the Netherlands, the United States and Great Britain: on 1 October, 2007, the volume of French investments in the Kazakhstani economy was 3.76 billion dollars (including 2.82 billion DFI).

Great Britain is Kazakhstan's third-largest European economic partner. In the space of a few years, the commercial exchanges between the two countries have risen considerably, reaching 1.8 billion dollars in 2007. Kazakhstani exports predominantly include primary materials (ferrochrome, steel, copper, wool, fertilizer, precious and semi-precious metals), whereas the imports are essentially related to the transformation industry, technological innovation and scientific components (transport equipment, high technology devices, optics, and chemical products) but also foodstuffs (alcohol, tobacco) and textiles. For many years, Great Britain was the largest investor in the Kazakhstani economy

after the United States: from 1993 to 2003, the volume of British investments rose 3.65 billion dollars, which is 13.8 percent of the total of the DFI received by Astana. Having been overtaken by the Netherlands in 2007, today it is placed third at 15.2 billion dollars, including a billion DFI. London is looking to diversify its investments in sectors other than hydrocarbons such as new technologies, technology and science parks, and agricultural production. Great Britain has also displayed its sensitivity to Astana's wishes to become a regional financial center. The regional exchanges are particularly developed thanks to the Scottish town of Aberdeen, which has developed partnerships with Atyrau, Mangistau and western Kazakhstan. British exchanges with Uzbekistan are far more modest (162 million dollars in 2007).

The world's tenth-largest economy, the Netherlands is one of Central Asia's main investors, particularly in Kazakhstan. The Netherlands is particularly interested in foreign investments since its economy is heavily based on foreign trade. Its economy having been rather affected by the turbulences of the 2000s, in particular in the transport domain, the Netherlands has been trying out new markets in the post-Soviet space, particularly by playing on its axial position in air transport. In addition, the Netherlands is one of the world's largest exporters of agricultural and market garden produce. The commercial relations between Astana and the Netherlands are relatively high: in 2007, bilateral exchanges were around 2.8 billion dollars, including 2 billion of exports from Kazakhstan. Many projects linked to solar, wind and hydroelectric power are underway. Between 1993 and 2008, the Hague invested a total of 39 billion dollars, including more than 7 billion in DFI, which makes it Kazakhstan's premier foreign investor. These investments concern, in particular, the energy sector, the financial domain, transports and communications, and the transformation industry. Its relations with Uzbekistan have vastly reduced and actually collapsed over the last decade, reducing by a factor of four: exchanges rose to 200 million dollars in 1996, but then dropped to a mere 40 million dollars in 2006, even if they visibly increased again in 2007 (55.9 million dollars).

Similar to the Netherlands, Belgium is heavily reliant on its foreign trade (exports constitute two-thirds of its GDP). Today it is placed 13th among Kazakhstan's European trade partners. The exchanges have markedly increased in the last years, going from 66.9 million dollars in 2003 to 297 million dollars in 2007. Kazakhstani exports to Belgium include non-ferrous metals, wool, textile products, base metals and their derivatives, as well as chemical products, while Belgium exports machinery, industrial and electronic equipment, textiles, agribusiness and chemical products, and tobacco. Cooperation between the two countries is developing in the sectors of health and construction. As far as Luxembourg is concerned, it is chiefly reliant on the banking sector, and the prospects for cooperation with Kazakhstan are promising in this domain. Agreements are being drawn up for the training of Kazakhstani financiers and bankers in Luxembourg. As bank secrets are protected by the country's penal code, Luxembourg banks are susceptible to eliciting the personal interests of Central Asian heads of state. Luxembourg is also looking to get involved in the glass sector and in air freight by means of the Cargolux company.

Unsung Bilateral Relations: Spain, Sweden, Finland, Greece, and Austria

Spain's economic growth throughout the decade of 2000 has made it one of the most potentially important partners for Central Asia. Its exchanges with Kazakhstan rose to 906 million dollars in 2007, double their 2005 level. To Spain, Astana exports mineral and chemical products, and imports foodstuffs,

alcoholic and non-alcoholic beverages, tobacco, as well as chemical products, plastic materials, rubber and resin-derived products, electronic and mechanical equipment, and transports material. Exchanges with Uzbekistan are few. Sweden and Finland are also well-established in the region, in particular in Kazakhstan: trade exchange between Stockholm and Astana reached 534 million dollars, and that between Helsinki and Astana 732 million dollars in 2007. The exchange volume has doubled since 2004/2005. Astana mainly exports chemical products and metals, and imports transport equipment and telecommunications materials, as well as many wood-derived products (paper and cardboard), stones and furniture, and agribusiness.

With Austria relations remain rather restricted, and were limited to 232 million dollars with Kazakhstan in 2007. The Central Asia-Greece trade relations are fewer still amounting to only 80 million dollars with Kazakhstan in 2007. However, Athens has two trump cards up its sleeve: the members of the Greek minority in Central Asia, who either settled in or were deported to the region in the 1930s, and who contribute to the development of economic relations through the creation of small joint-ventures; and its status as the world's foremost marine transporter, which is of great interest to Kazakhstan, since it is looking for international cooperation to help develop its Caspian merchant fleet. The trade exchanges between Central Asia, on the one hand, and Denmark, Portugal, Ireland, Malta and Cyprus, on the other, are minuscule, or indeed non-existent.

The Former “Brother Countries”: Central Asia as Markets for the taking

There are several poles of interest emerging between Central Europe and Central Asia. Slovakia and Slovenia remain only very moderately present on the Central Asian market, while Bulgaria and Romania are essentially interested in the energy issues related to the Caspian-Black Sea axis. A regional power of Central Europe, Poland is getting more and more involved in Kazakhstan, dynamized by the presence of its diaspora. In 2007, the volume of exchanges between the two countries was around 884 million dollars. Regional agreements have been signed between the Almaty region and that of Mazovia, which is one of Poland's most dynamic. Poland is particularly interested in the construction sector, in agriculture, and in the Kazakhstani chemical industry. The exchanges between Hungary and Kazakhstan have also increased, multiplying by a factor of six between 2003 and 2007 to reach 350 million dollars in 2007. Lastly, Astana's exchanges with the Czech Republic have also risen dramatically, reaching 336 million dollars in 2007.

Exchanges with these former “brother countries” follow the same pattern. All these countries are chiefly interested in Central Asian oil and metallurgic products as well as its textile production: in 2006, cotton-fibre accounted for two-thirds of Czech imports from Uzbekistan, even if this figure is due to drop because the Czech textile industries are getting weaker and Uzbekistan is hoping to treat cotton itself. From the perspective of the Central European states, Central Asia is a promising market waiting to be developed: while usually low in the competitive stakes as compared with Western Europe, Central Europe's chemical industries (cleaners, fertilizers) and some of its technical equipment are of interest to the Central Asians because they are cheaper than those on the world market, but also better quality than those from China. This holds also for Central European pharmaceutical production, for certain foodstuffs (for example, Czech beer, Hungarian cooked meats) and for the wood and furniture sector.

The Baltic Market: Developing the Central Asian-Baltic Axis

Since Soviet times, the Baltic states have been one of the principal bases for the export of Central Asian products to Europe, particularly cotton, but also for metallurgic products. The Baltic countries were also specialized in the construction and delivery of buses, tramways, and carriages, as well as in telephony, but with the fall of the USSR, industry hit a crisis and trade relations collapsed, only to take off again at the start of the 2000s. Latvia remains Kazakhstan's principal Baltic trade partner (bilateral exchanges rose to 196 million dollars in 2007), followed by Lithuania (118 million dollars in 2007), Estonia being more marginal (46 million dollars in 2007). Kazakhstani exports are mostly made up of combustible minerals, oil, and heavy metals, whereas Baltic imports comprise automobiles, pharmaceutical products, electric machines and products for livestock farming. Reportedly, nearly 90 percent of Uzbek cotton continues to be exported through the ports of the Baltic Sea.

The chief stake of relations between the Baltic countries and Central Asia concerns transit and freight. Kazakhstan does not hide its ambitions in this domain: its "Path to Europe" program clearly states its intention to become one of the main communications nodes between Asia and Europe. It therefore naturally has its sights set on the market of the Baltic ports. The Baltic countries, for their part, hope to benefit from the construction of a railway line and a road that would link them to Central Asia and then to Iran to develop North-South exchanges. In 2003, at the initiative of the Estonian, Latvian, Lithuanian, Russian and Kazakhstani railway administrations, a Baltika-Transit project for goods trains was launched as part of an attempt to reorganize Central Asian transit around the Baltic ports. Since the three Baltic states entered the EU in 2004, exchanges with Central Asia have intensified, in particular in the ports of Riga, Liepaia and Ventspils. Astana has proposed to Estonia to create joint ventures in the free trade zone of the port of Muuga and in that of Tallin. In 2005, Kazakhstan opened a cereals terminal in Ventspils, its first in Europe. Klaipeda also hopes to become one of the export ports for Uzbek agricultural products, which are of interest to the Lithuanian textile industry. However, these relations between the Baltic and Central Asian states depend almost entirely on their common Russian neighbor and the good will of its tariff policy.

A Brief Sectoral Analysis

This quick review of the trade sectors, excluding hydrocarbons, of the EU states with Central Asia, reveals five separate trade domains, each of which responds to different stakes. After defining these domains, we will very briefly list the main European firms settled in Central Asia.

The nuclear sector constitutes one of the big future driving forces of European presence in Central Asia, whether at issue is the extraction of uranium in Kazakhstan or Uzbekistan, or the construction of nuclear power plants in partnership with Astana (Areva). This is also the case for the security industries, such as the military and aerospace sectors: here concerns range from national enterprises, such as in the military sector (France is Europe's largest arms exporter), and European enterprises in the aeronautic and aerospace sector (Thales, EADS, Finmeccanica, British Aerospace). The stakes connected to these latter sectors do not rest only on logics of a uniquely commercial nature, but are related to state security interests and geopolitical issues. In addition to this first group can be added the extraction of precious minerals and metallurgy (Oxus Mining, Awex, Hambledon Mining, Aurum Funds, Eramet) as well as

Central Asia's electric sector (Alstom, First Alpeen Hydropower), in which European firms are established despite strong international competition.

The EU has other commercial hands that it can play. Above all, the most obvious, but not necessarily the most profitable (since it involves sums that are after all quite modest), concern what could be called the sectors of "national representation", which include the set of traditional industries or industries with cultural connotations: cosmetics, perfumes and luxury clothes for France, but also, though to a lesser degree, for the rest of Europe; tobacco for Benelux; marble and jewellery for Italy; wood products for Scandinavia and Central Europe; and foodstuffs for the EU more generally, including, among others luxury crafts and alcohols. These quality products have a world-wide reputation to which the Central Asian markets are not impervious, even if their commercial impact remains modest, since they are essentially destined to the middle and upper classes, which are not sizeable in the region.

The EU can also boast of having several areas of excellence capable of rivalling its current international competitors in Central Asia. In the industrial domain, the dominant area is probably automobile production (Mercedes-Benz, Volkswagen, BMW, Škoda, Renault, Peugeot-Citro n, Volvo), followed by sectors such as chemicals (BASF, Bayer, Foster Wheeler Italiana, Maksam), construction (Bouygues, Knauf, Scania, Budimex, Besix, J.C. Decaux), glass (Saint-Gobain, Pilkington Glass), cement (Heidelberg Cement Group, Vicat) and cotton (Geocoton), as well as certain types of industrial equipment (ThyssenKrupp, Bosch, Alstom), although these latter are often too expensive for the Central Asian economies, which prefer to get their supplies from the Asian markets. To this list it is also necessary to add agribusiness, which is becoming more and more sophisticated, as well as specific agricultural techniques, such as for example in the treatment of cotton. European know-how in marine trade could also be of interest to Kazakhstan and possibly to Turkmenistan.

Another great strength of the European economy concerns all the high-tech sectors linked to technological, scientific, and biological innovation. This is the case for example with mobile telephony (Nokia, Ericsson, Alcatel, Teltronic), information technologies and telecommunications (Deutsche Kabel AG, Indra), industries related to optics and to the medical domain (Siemens), those involving biotechnology such as the pharmaceutical sector (Inter Medico, Novo Nordisk, Solvay Pharmaceuticals, Sanofi-Aventis, Berlin-Chemie AG/Menarini), the sophisticated industry of road, rail and air transport (BAE Systems, Alstom, Geismar, Talgo, Sofema) and nanotechnologies, as well as enterprises linked to the environment such as solar, wind and hydro-electric energy (Iberdrola, Vivendi, Degremont, Culligan Italiana, Générale des Eaux). These EU domains of excellence are deserving of support in international trade.

Lastly, the fifth great sector is that of training services, a domain in which the EU has a strong world-wide reputation, both qualitative and quantitative. This sector includes scientific research, the financial and banking system, strategic advice, financial engineering, advanced medicines, etc. One of the major objectives of the European Commission for the years to come concerns the growth of the European economy's competitiveness, and therefore of human innovation, a sector that it would be beneficial to promote in Central Asia.

II. ADOPTING A COLLECTIVE EU BUSINESS AGENDA?

The outcome of this brief presentation of business relations permits of no ambiguity. The EU engagement is shaped by the interests and views of large firms, mainly in the energy sector. Small- and medium-size European

companies are weak in the Central Asian market, which is considered too high-risk for modest private investments. The EU cannot proceed, contrary to the economic realities of the Central Asian markets, by political voluntarism alone. Compared to numerous regions in the world, Central Asia is not a profitable area for European enterprises: the cost of labor is relatively high, the technical specializations developed in the Soviet era are in the process of disappearing, the investment climate is bad, and the political context fragile. However, the activities of European companies in Central Asia ought to be about more than just trade and making profit. It ought to encourage the promotion of a certain European way of life and to provide the model of a social market economy that is more respectful of social rights than the American model. In the long term, the objective is to disseminate the European model among populations who, since the start of the 1990s, identify the market economy and democracy with brutal pauperization and falling living standards.

This raises several questions, the answer to which is not unequivocal: were it to decide to present itself as a commercial power, in which sectors does the EU risk finding itself in competition with the other powers present in the region? Can the promotion of the business sector find a place in the EU's overall strategy without contradicting its political objectives? Is it necessary to create special European incentive mechanisms in certain key domains? Ought the objective to promote a sort of committed business strategy, proving that it is possible to respect social rights, principles of good governance, and to support the emergence of the middle classes? Should the EU lend its support to business that is principally oriented towards the fight against poverty and the sectors involving important ethical issues? As is often the case, the envisaged solutions do not so much depend on the type of relations maintained with Central Asia, but much more on choices internal to the EU and on the ability of member states to reconcile their divergent interests.

Growing Competition with Neighboring Powers?

The first question to arise is that of the growing competition with the other powers present in Central Asia. For the EU to appear as a commercial power—since it is not seen to be so, or very rarely—risks creating a new field of tension. The question is whether the price to pay for this is worth it? With the exception of the energy sector, the Central Asian market is sufficiently under-exploited in numerous sectors, such that each power has room to establish its own place, for example by setting up in the agriculture or the transformation industries. Some extremely costly sectors require international mergers, such as for example the hydroelectric projects in Tajikistan and Kyrgyzstan. In addition, the numerous sectors of European excellence do not enter into competition with those of Russia or China, because they are related to state-of-the-art technologies (Pharma-Biotech, optics, nanotechnologies, etc.) that these countries do not yet possess. On the other hand, European firms are not competitive with their Chinese competitors in the domains of textiles, shoes, electrical goods, etc., with the exception of European products of “national representation”.

However, several sectors may come to attract growing competition: this is of course the case in the military sector—in which Russia and China are in direct competition with NATO member countries—and in aeronautics and aerospace (Russia heads the cooperation efforts but India also presents itself as a major future partner of Kazakhstan). It is also true in the banking sector: while China offers banking support principally in relation to interstate cooperation on large projects, the Russian banks are setting up mostly in the sectors of finance, real estate, and the sale of bank services/products to individuals. This brings

it into direct competition with European banks. Beijing is also looking to take control of the market for information technology and the technology parks in Kazakhstan, which places China, on this point too, in direct competition with European and Russian firms. These latter are, in addition, bound to clash with one another in the sector of mobile telephony.

Does the Business Sector Fit with the Overall EU Strategy?

Can this promotion of the business sector be given a place in the EU's overall strategy in relation to Central Asia? Here again, the EU's problems in presenting a united front abroad have their roots in the internal difficulties involved in unifying the agendas of the members states. Germany tends to privilege its small and medium-size enterprises, which are at the heart of its economic dynamism, whereas France and Italy rather tend to defend their large public and private enterprises. So long as the European states remain in disagreement on their priorities in the business sector, they will be unable to implement an adequate European policy in Central Asia.

The establishment of a common European agenda will have its advantages. It will permit, for instance, a better integration of the new member states into the European joint dynamic. As we saw above, these new members states—Central Europe, the Balkans and the Baltic states—are not indifferent to the Central Asian market; they could play the role of bridgehead in certain precise domains, which, without having a major impact on the Central Asian market, would nonetheless help them to develop their areas of excellence and therefore enable them to establish their place within the domestic European market.

The question also raises itself of the relation between the EU's political agenda and the economic interests of European enterprises and the EU's energy policy. For instance, the conclusion of Interim Trade Agreements (ITA) between the EU and Central Asian countries seems to be an issue, especially in relation to Turkmenistan. In February 2009, Turkmen President Gurbanguly Berdymukhammedov made it known that he was waiting for concrete offers concerning his country's participation in Nabucco project. The conclusion of an ITA could form an element of this rapprochement, but this has been blocked by the European Parliament since 2006 because of the human rights' situation in the country. Discussions being held between political groups and lobbies at the European Parliament reveal clear divergences of opinion in choosing between the energetic interests and the human rights issue. To date, Ashgabat has not adopted the recommendations listed in Parliament's resolution on this question^[12]. Lastly, it was not until 2008, after repeated actions from human rights groups against forced child-labor in cotton harvesting in Uzbekistan, that the largest British supermarket chain, TESCO, declared that it would henceforth refuse to sell Uzbek cotton, a stand backed up by large textile consumers such as Wal-Mart, Hennes & Mauritz, JC Penney and Marks & Spencer^[13]. The debates about excluding Uzbek cotton from the generalized system of preferences are yet to be resolved.

In theory, Europe could make use of its business potential to help disseminate the societal model that it wishes to embody. The EU could thus chose to privilege business relations that commit to ensuring certain legal standards in economic life and to strengthening the rule of law. This could be done, for instance, by preferring to cooperate with Central Asian companies that are committed to

[12] The resolution demands that authorization be given for the International Committee of the Red Cross to have free access to the country; that all political prisoners and prisoners of conscience be released; that all restrictions preventing Turkmen citizens from travelling abroad be abolished; and that NGOs and human rights organizations be allowed to operate in the country. <http://www.rferl.org/Content/EU_Weighs_Image_Energy_In_Relations_With_Turkmenistan/1496786.html>.

[13] Gulnoza Saidzimova, "Uzbekistan: Cotton Industry Targeted By Child-Labor Activists", January 19, 2008, <<http://www.rferl.org/content/article/1079375.html>>.

respecting the rights of local workers, the fight against corruption, promoting fair competition and good corporate governance, and recognizing the importance of contracts. The long-term objective would be to augment the social responsibility of Central Asian enterprises, something that is supposed to have indirect repercussions on the societies themselves insofar as it favors the emergence of a middle class that has political clout. But can really the EU promote “clean business” in Central Asia when on its own territory it is host to financial havens, in particular Luxembourg, where Central Asian heads of state, their families and the oligarchs close to them place money that has been siphoned off from the national wealth? Can it emphasize respect for human rights at the same time that, in Turkmenistan, Bouygues fought to obtain the most pharaonic construction projects of the former dictator Saparmurat Niazov and also actively participated in the president’s personality cult?^[14] However, even if EU companies have been involved in corruption around the world, nevertheless they are more accountable to civil society, governments and shareholders and have a stronger imperative to act according to the law and in social responsible ways.

Creating Incentive Mechanisms for Target Sectors

As the commercial sector is for the most part driven by private-sector actors, it is motivated by objectives of profit-making, which entails competition between the European enterprises and does not favor their cooperation abroad. For example, it is not possible to speak of cooperation between the main German and French automobile firms in Central Asia, nor in other sectors such as machinery, chemical and industrial products: the European firms rival one another for the acquisition of foreign markets. If it is difficult to envisage a change in the rules of the game—those of the market economy—it is nonetheless possible to envisage European mechanisms (financial advantages through tax reduction, legal aid in setting up, etc.) which could favor cooperation between the firms of different member states and make their alliance profitable on specific projects aimed at the Central Asian market.

In addition, some domains have more of a European vocation than others. This is true of the agricultural sector, for example: the common agricultural policy (CAP), which constitutes one of the EU’s great pillars, could implement common mechanisms aimed at enabling enterprises specialized in this domain to export their technologies abroad by associating with other European companies. The main agricultural powers—France, Poland, and Spain—could thereby attempt to facilitate a rapprochement between some of their agricultural companies or agribusinesses on common projects in Central Asia. This type of common European agenda could be established in several other sectors: finance in general and the banks in particular, the air transportation sector (passengers and goods freight), as well as certain poles of technological excellence. With the EU seeking to promote synergies that will give rise to great pan-European companies, such a dynamic could serve well in the relations with Central Asia.

The Fight Against Poverty

The Strategy for a New Partnership with Central Asia, adopted in 2007, channels EU aid into three main objectives: stability and security, the fight against poverty, and regional cooperation between the states of Central Asia themselves and with the EU in the domains of energy, transport, higher education and the environment. The business sector could therefore be privileged insofar as it aids the fight against poverty, in particular in rural milieus. Approximately

[14] See the book of David Garcia, *Le pays où Bouygues est roi*, Paris: Danger Public, 2006.

60 percent of Tajikistan's population lives below the poverty line, as does 50 percent of those of Kyrgyzstan and Turkmenistan^[15]. The rapid pauperization of the Uzbek Fergana Valley also entails a high political risk. Agriculture, which employs 60 percent of the populations of Turkmenistan and Tajikistan, and more than 40 percent of that of Uzbekistan, is characterized by its massive de-mechanization and high overpopulation.

The EU could therefore implement mechanisms to aid the setting up of European enterprises which, specialized in agrarian questions, are able to offer a whole chain of integrated activities. For example, for Central Asia it could promote the already existing European strategy of "poles of rural excellence", which is at once designed to respect the region's natural riches, to encourage an environmentally friendly mode of resource management, to provide services for the population (such as the upkeep of schools, hospitals, roads, public transport networks), and to attempt to produce local arts and crafts. Many objectives could come together here: the fight against poverty in rural regions; slowing down the rural exodus to cities; increasing the EU's visibility among the poor and culturally marginalized populations; and facilitating the presence of small-scale European enterprises that, without specific EU support mechanisms, will be unable to promote their innovated forms of activities in Central Asia.

Promoting Health Sectors and those with a Strong Ethical Significance

Lastly, the EU has every interest in promoting sectors that involve important ethical issues, as much for the protection of its own population, confronted with global threats that know no borders, as for promoting its conception of an economy that is respectful of the human person and the future of the planet. Three sectors are key here: the domain of biological technologies, in particular pharmaceutical; that of ecology; and the question of food security. Central Asia is in a very fragile position in all three sectors.

The Central Asian populations are lacking in medications and tend to have their pharmaceutical market invaded with Russian, Chinese and Indian products that do not always respect the strictest norms. In addition, given the lack of financial strength of Central Asian households, and the overall privatization of the health market, Central Asia has been invaded with imitation products that are at best ineffective in fighting against illness and at worst dangerous for public health. Helping to facilitate European companies to set up in Central Asia, especially those which produce generic medications, presents itself as a critical task. The importance of the Soviet legacy as concerns health ought to be noted here; memories of a public health system freely accessible to all makes Central Asian public opinion particularly sensitive to the medical question. For an EU seeking to prove that it can impact positively in people's daily lives, this could be a key area of intervention. The health sector has indeed a cross dimensional character, being part of the EU's aims in social policy but in which the EU could play a strong business role as well.

Promoting ecological business happens also to be a growing economic niche, all the more so as in this regard the Central Asian states have a non-negligible Soviet legacy, this time negative. The maintenance of extremely polluting industries in certain urban regions (around Karaganda, Tashkent and in several areas of Kyrgyzstan) is having a heavy impact on public health (dermatological afflictions and respiratory illnesses in particular) and on already weakened ecosystems. The know-how of European enterprises in such issues ought therefore to be pointed up and publicized: promotion of low-cost, renewable

[15] For more details, Central Asia Human Development Report; Bringing Down Barriers, Washington: UNDP, 2005.

energies (solar, wind and hydroelectric power); the treatment of industrial waste; the construction of air and water treatment systems for polluting industries, etc. It would also be worthwhile looking at more time-specific and modest operations: the implementation of operational waste management systems in urban areas, the construction of public dumps according to international sanitary norms, the construction of mini water treatment plants near hospitals and rural schools, etc. On this point, too, the daily impact on the populations is the priority, since it would give the EU a political visibility which to date remains but an abstract concept for the majority of Central Asians.

The issue of security in the food industry is also crucial for a crossroads such as Central Asia. Given the bird flu epidemics that came from China, as well as the bad state of the system of food-industry control in Russia and the Post-Soviet states more generally, this domain is one in which EU enterprises, known for their savoir-faire, could look to set up: equipment for sanitary and epidemiological control along the whole agribusiness chain; setting up large agricultural firms in line with hygiene norms; equipment for refrigeration and freezing; electric generators, etc. In this area, once again, the EU could encourage European companies by implementing special mechanisms and trying to stave off Asian companies from entering the market that take advantage of the region's legal vacuum and sell products that impinge on ethical norms.

Waging on the Human Factor

Lastly, and perhaps most importantly, it ought to be recalled that one of the areas of European excellence consists in its taking the human factor into account: a country's, an enterprise's, or a professional specialization's greatest wealth lies in its development of human potential, and not solely in its profit-making ability. This philosophical credo, associated with the European quality of living, constitutes one of the best advertisements for the European model in the world in general, and in Central Asia in particular. Emphasizing the human factor in the business sector is to insist on the importance ascribed to the question of professional training and services. These elements ought to be pointed up in the EU's Central Asian policy: one of the only real pieces of long-term wealth that these states have is their population, not their natural wealth or their geographical situation. The EU could thus give priority to technical and technological aid, to training artisans, industry workers, and the whole set of tertiary-sector jobs, to supervision and training at all levels of professional career-paths, etc.

Recommendations

Business belongs to the private sector and so states cannot impose political objectives that run counter to the market economy: investment decisions are based on commercial judgments, not on political or geopolitical ones. All the same, the EU can implement mechanisms that provide positive and negative incentives, and focus its efforts on some key activities.

- Legal system and business-friendly environment

1° Work with the Central Asian governments to promote the EU standards in the area of products (highest quality of goods) and business practices (the rule of law in the area of contracts, market regulation, tendering, etc.). In this framework, the issue of free trade and membership of the WTO is important. The EU could for instance focus the proposed new PCA agreement with Kazakhstan on trade issues.

- 2° Taking into account the difficulty of small and medium size businesses to operate in Central Asia, the best prospect of promoting it is to foster the commercial conditions that would allow them to invest – open and transparent markets, rule of law in business matters, protection of investments, common standards.
- 3° Help to establish the infrastructure for trade – roads, railways, better air connections – and work on trying to ease border controls with the already existing institutions as CAREC, World Bank, and the ADB.

- Positive and negative incentives

- 1° Define the negative incentive mechanisms: outline the domains of “dirty business” that are to be excluded from receiving European trade advantages (for example, the export of Uzbek cotton because of child labor, and chemical products produced in extremely polluting industries from the Soviet era).
- 2° Set up a commission in charge of listing the business sectors that can benefit from the EU’s aid mechanisms and of determining the nature of these mechanisms (special tax reductions, advantageous bank loans, legal aid in setting up business, etc.). Compensate the high cost of European services and products for Central Asian societies by implementing mechanisms for advantageous bank loans in exchange for guarantees enabling European societies to locate there.
- 3° Reinforce the historical links between the EU and Central Asia by promoting businesses that have been set up by the diasporas: Central Asia’s Germans, Poles and Greeks play an important role in small and medium-size commerce with their respective “homelands”.

- Focus on key activities

- 1° Prioritize the EU engagement in the markets where it can make a difference in terms of commercial practices (especially Kazakhstan, and potentially Uzbekistan and Turkmenistan) as well as in those places where business is essentially a development activity (Kyrgyzstan and Tajikistan).
- 2° Strengthen the representation of the Union in the region by opening up EU delegations and having commercial sections to provide assistance to EU companies in terms of information and contacts. Promote the European model by working with professional business associations in Central Asia—accountants, chambers of commerce, the state financial managers, regulation bodies, etc.
- 3° Focus on economic criteria: give priority to EU areas of excellence over the long term and on a world-wide level, such those of “national representation”, state-of-the-art technology, and services. This would make it possible to allow Central Asian enterprises to benefit from a transfer of technology and know-how via cooperation with European firms. This would also imply listening to the demands of the Central Asian states that want to invest in new value-added sectors and escape their dependency on primary resources: Astana, for instance, wants to become the financial center for the whole region and to develop a merchant fleet; Bishkek wants to develop the services industry linked to the transit of Chinese goods, etc.
- 4° Focus on political criteria: give priority to enterprises that adhere to certain legal standards in economic life and that seek to strengthen the rule of law in the context of their implementation in Central Asia; in addition, promote domains with high political stakes such as information technologies in

order not to leave the market to be dominated by authoritarian Russian and Chinese regimes, which for the local populations would have consequences concerning issues of access to information.

5° Social criteria: give priority to enterprises which activities can aid the fight against poverty in Central Asia, respect ethical and ecological norms, and therefore indirectly provide Central Asian societies with a better future.

6° Focus on business education within the EU education initiative

Conclusion

As we have seen, putting the energy sector to one side (itself consisting mainly in hydrocarbons but also uranium), the EU-Central Asia trade relations remain quite limited and will be difficult to strengthen as much from Brussels's side as from that of the Central Asian states. However, despite the limited profitability of Central Asia's industrial and tertiary markets, especially outside of Kazakhstan, and the difficulties that Brussels faces in trying to influence market logics, the EU has every interest in promoting a reflection on trade as a driving force of development. The major consequences of the global crisis on the Central Asian economies, from the most developed like Kazakhstan to the weakest like Kyrgyzstan and Tajikistan, in fact confirm that the economic question has to be a central element of European strategy in the region. The region will not be able to avoid social and religious destabilization without prospects for development, mostly in rural areas but also among the pauperized urban milieus, especially since the region's demographic dynamics are producing more and more youths keen to improve their standards of living. If the industrial network is unlikely to make for a profitable market given its proximity to China, nevertheless the service sector will be a key future axis of the Central Asian economies, as will business activities related to development. The EU thus has every interest in implementing forms of development assistance that, by helping European companies to establish themselves in the market, will play a key role in reducing Central Asia's social vulnerability and will contribute to the fight against poverty, which today forms the main issue in need of being addressed by the international community and local governments.

НОВОЕ ЕВРАЗИЙСТВО – МОДНЫЙ БРЕНД ИЛИ АКТУАЛЬНАЯ ДОКТРИНА?

СОЛОЗОВОВ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ

политолог, директор по международным проектам Института национальной стратегии (Москва, Россия)

Под общим брендом «евразийства» иногда некритично воспринимают пестрый коктейль из порой несовместимых идей. Иногда настолько противоречивых, что их объединяет лишь одно географическое наименование субконтинента – Евразия. Размах поисков впечатляет – от лозунгов «растворить Европу в Азии» до призывов «омочить сапоги в Индийском океане». Дело в том, что сама идеология «евразийства» в своей эволюции прошла смену «трёх цветов времени» – постимперско-российский^[1], имперско-советский^[2] и постсоветский^[3] периоды. И в каждом из них был особый смысловой акцент.

В устах первых евразийцев-эмигрантов 1920-х «евразийство» имело главное предназначение – внушать идею общей судьбы всем подданным бывшей империи. Неудивительно, что после распада Советского Союза идеи евразийства стали стихийно развиваться как своего рода компенсаторная «эрзац-идеология». И сам термин «евразийский» быстро превратился в синоним слова «советский», но без негативной коннотации! Однако ни тупиковый изоляционизм, ни агрессивный «антиатлантизм», ни рутинное евразийство в духе Петра Савицкого в качестве руководства для практической политики в современных условиях явно не годятся.

Крайности евразийского «ширпотреба», захлестнувшего СМИ и книжные прилавки, – отрицание культурно-цивилизационных различий между Востоком и Западом, так и полный отказ от общности между ними – как ни странно, сходятся. Казалось, что может быть общего в отрицании возможности диалога Азии и Европы и в продолжении их, якобы, извечного противоборства. Но стратегически оба сценария – быть лидером «коалиции бедняков» против мирового капиталистического Зла или экстатически «соединиться с Западом против китайско-мусульманских полчищ» – одинаково губительны для нас. Нетрудно понять, что России и Казахстану здесь уготована роль неизбежных жертв. Своего рода разменных фигур в «мировой войне цивилизаций» по сценарию Хантингтона.

Настоящим прорывом из этого идейного и геополитического тупика стало выступление в стенах МГУ Президента РК Нурсултана Назарбаева, который выдвинул в 1994 г. прорывную идею «нового евразийства». По мнению российского философа В. Цымбурского, Нурсултан Абишевич сделал

[1] См., например: Савицкий П.Н. В борьбе за евразийство: Poleмика вокруг евразийства в 1920-х годах // Тридцатые годы. Кн. 7. Париж, 1931; Бердяев Н.А. Утопический этатизм евразийцев // Мир России - Евразия: Антология, М., 1995; Ильин И.А. Самобытность или оригинальность? // Мир России - Евразия: Антология, М., 1995; Кизеветтер А.А. Евразийство // Философские науки. 1991. № 12 и др.

[2] «Очень похоже, что идеи Савицкого о разрастании “России-Евразии” до пределов большой Евро-Азии предвосхитили эволюцию советской большой стратегии, – если поверить американскому исследователю М. Мак-Гвайру, который, явно ничего не зная о русском евразийце, пытается по массе косвенных источников воссоздать планы нашего военного командования 1970-х и первой половины 1980-х гг., когда в СССР была официально признана возможность следующей мировой войны без применения ядерного оружия. Согласно Мак-Гвайру, целью войны должно было стать полное изгнание американцев из Евро-Азии и превращение ее целиком, включая в первую очередь коренную Европу, в сферу советской гегемонии» Цымбурский В.Л. Остров Россия. Перспективы российской геополитики // Геополитика: Хрестоматия / Сост. Б. А. Исаев. – СПб.: Питер, 2007. с.495

[3] Цымбурский В.Л. 1999. Геополитика для «евразийской Атлантиды» // «Pro et Contra», Т.4. №4;

практически невозможное. Основатель российской геополитической школы писал, что назарбаевская концепция «смогла вывести Россию и Казахстан из ареала столкновения ислама с либерализмом, ставя ее вообще вне распри “имущего” и “неимущего” миров». Сегодня Казахстан – признанный посредник между мусульманским и европейским сообществами. Страна активно способствует разрешению многих затяжных конфликтов на евразийском континенте – в частности в Афганистане. В нашем бурном мире Астана стала настоящим стыковочным узлом между разными цивилизациями.

Примечательно, что новый взгляд на евразийство выдвинул именно Казахстан – молодое государство, расположенное в геополитическом «хартленде» - в самом сердце Евразии. Президент Н.А.Назарбаев ясно осознает историческую миссию Казахстана – «стать стабильным и безопасным мостом между странами Запада и Востока». Это фундаментальное понимание легло в основу особого «казахстанского пути» политического развития. Недаром успешный опыт Казахстана по налаживанию бесконфликтных межнациональных и межконфессиональных отношений признан эталоном во всем мире.

Новое евразийство на практике доказывает, что каждая нация (или, точнее, каждый ареал цивилизации) выражает и успешно реализует себя в той исторической форме развития, которая ему органически присуща. Можно охарактеризовать новое евразийство как концепцию, для которой «свое», то есть заданное национальным или цивилизационным контекстом, имеет превосходство над «общечеловеческим» и «универсальным». По словам Н.А.Назарбаева, «одномерный мир» и «универсальная цивилизация» – это уже архаические утопии. «Нельзя игнорировать образ жизни, традиции, культуру, этническую историю разных регионов мира. В противном случае это может привести к фундаментальному кризису, в основе которого будет социальное, культурное, религиозное неприятие западной модели развития» – так заявил Глава казахстанского государства.

Оппоненты Назарбаева часто нападают на идею «общности евразийской судьбы». Они демагогически говорят об угрозе выпадения Казахстана из магистрального пути развития всех цивилизованных стран. Дескать, новое евразийство сохраняет периферийно-колониальный статус среднеазиатского сообщества, от имени которого часто выступает Президент Назарбаев. И тем самым – это якобы «архаизирует и консервирует» своеобразие и политический уклад Казахстана. Однако такая местечковая критика неуместна – политик мирового уровня Н.А.Назарбаев постоянно говорит о гармоничном синтезе достижений Запада и Востока. Президент РК предпринимает деятельные меры по форсированной модернизации Казахстана и прекрасно понимает необходимость встраиваться в глобальный мир, но на правах равного. Новое евразийство Н.А.Назарбаева дало Казахстану исторический шанс стать полноправным актором мировой политики, а не ощущать себя провинциальным государством, находящимся в геополитическом захолустье.

«Новое евразийство» призывает увидеть в Евразии не только уникальное и неповторимое геокультурное сообщество - своего рода «заповедник цивилизаций». Нурсултан Назарбаев, как политик мирового уровня, очень верно определил еще один важнейший тренд XXI века. «Полагаю, что всем следует понять простую вещь: сама логика глобального развития требует усиления роли среднеразмерных государств, которые составляют большинство в современном мире. На мой взгляд, роль средних государств должна заключаться в том, чтобы добиваться принятия глобальных стратегических решений на консенсусной основе», – говорит Президент Казахстана. И внешняя политика РК все годы независимости была направлена именно на это.

По сути, Президент Назарбаев предлагает стране и миру наиболее оптимальный и даже единственно возможный путь «антииерархического» переустройства человечества — это гигантский по замыслу план превращения подданных новой мировой Империи в нацию равных граждан Евразии. Иначе говоря, своими евразийскими инициативами Нурсултан Назарбаев дает мировой демократии новый шанс. По этой причине доктрина нового евразийства стала быстро наращивать свое политическое влияние. С каждым годом голос Казахстана в мировой политике звучит все весомей и громче. И небольшая страна в сердце Евразии теперь не просто косметически «корректирует» решения ведущих стран, а оказывает существенное воздействие на ход мировой истории. Недаром же говорят, нет ничего практичнее хорошей идеи!

ИНСТИТУТ
СРАВНИТЕЛЬНЫХ
СОЦИАЛЬНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

ЦЕССИ-КАЗАХСТАН

Изучение общественного мнения и маркетинговые исследования в Казахстане и странах Центральной Азии

Ракишева Ботагоз Ислямовна –
директор Института сравнительных
социальных исследований ЦЕССИ-Казахстан,
кандидат социологических наук

Республика Казахстан
010000 г. Астана
пр. Абая 86 (30), офис 1
Тел/факс: +7 (7172) 32-78-52
e-mail: cessi_kazakhstan@cessi.kz
<http://www.cessi.kz>

ОТ ПОСТСОВЕТСКОЙ К ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

ВИНОКУРОВ ЕВГЕНИЙ ЮРЬЕВИЧ

доктор экономических наук, заместитель начальника Аналитического управления Евразийского банка развития, руководитель авторского коллектива по проекту «Система индикаторов евразийской интеграции ЕАБР» (Алматы, Казахстан)

Термин «евразийская интеграция» нередко используется для удобного и яркого обозначения интеграции постсоветского пространства, стран СНГ и ЕврАзЭС. Не настало ли время уделить внимание собственно евразийской интеграции, охватывающей весь континент?

Европейцам трудно уйти от европоцентричного взгляда на историю и экономику. Для азиатских государств центр тяжести естественным образом лежит на востоке континента, что определяется как историей, так и стремительно растущим весом азиатских экономик. Лучше всего – и раньше всех – перспективы континентальной евразийской интеграции могут осознать центральноазиатские государства и Россия. Почему? Россия находится на двух субконтинентах и является евроазиатским государством по своей сути (в Евразии всего три таких государства – Россия, Казахстан и Турция). Центральная Азия лежит в сердце Евразии. Ее географическое положение, ранее рассматривавшееся исключительно как серьезнейший недостаток, все больше оценивается как ключевое преимущество, на основе которого можно выстроить успешную стратегию участия в международном разделении труда. Особенно выделяется Казахстан, четко сформулировавший и продвигающий свою евразийскую миссию. Казахстанцы, россияне, граждане других стран постсоветского пространства более других способны воспринять идею евразийской интеграции как ключевой движущей силы регионального экономического развития и континентальной безопасности.

Особенно активен в формировании «экономической» евразийской идеи Казахстан. Об этом свидетельствует, в частности, речь Н. Назарбаева на III Экономическом форуме в Астане, в которой казахстанский президент четко сформулировал идею евразийской интеграции как интеграции континентальной, а не региональной^[1].

Привлекательным и плодотворным представляется использование термина «евразийский обмен». Феномен евразийского обмена (Eurasian exchange) подразумевает взаимный обмен товарами, идеями, технологиями и миграционными потоками между регионами континента. Последнее тысячелетие стало свидетелем трех крупных периодов евразийского обмена. Первый связан с эпохой Шелкового пути (XI–XIII века)^[2], второй – с эпохой европейской экспансии (XV–XIX века)^[3]. Третий – глобализованное экономическое, технологическое, политическое и культурное взаимодействие – разворачивается на наших глазах. Современная волна евразийского обмена (как

[1] Назарбаев Н.А. (2010) Выступление Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева на III Астанинском экономическом форуме. 01.07.2010г. Доступно на www.akorda.kz

[2] См. Abu-Lughod J. (1991) Before European Hegemony: The World System A.D. 1250-1350. Oxford University Press.

[3] См. Gunn G. (2003) First Globalization. The Eurasian Exchange 1500-1800. Rowman & Littlefield, Lanham; Pomeranz K. (2000) The Great Divergence. China, Europe, and the Making of the World Economy. Princeton, Oxford: Princeton University Press; Frank, A.G. (1998) ReOrient: Global Economy in the Asian Age. Berkeley, Los Angeles: University of Berkeley Press.

части процесса глобализации) началась как одностороннее восприятие западных технологий и методов хозяйствования Восточной, Южной и Западной Азией, а также регионом СНГ. Однако все более и более этот обмен приобретает двусторонний характер. Ключевое отличие современного «евразийского обмена» от предыдущих заключается в его более продвинутом технологическом характере. В частности, развитие транспорта и телекоммуникаций в сотни раз увеличивает интенсивность обмена.

Тема евразийской континентальной интеграции поднимается в ряде публикаций^[4]. Й. Линн справедливо указывает на то, что «и в России, и в мире нет пока достаточного понимания того, что распад СССР также запустил и процесс экономической интеграции по всему огромному евразийскому суперконтиненту»^[5]. Региональная экономическая интеграция может начаться с ключевых секторов и потом перейти на уровень институциональной интеграции. Крупномасштабные инфраструктурные проекты связывают страны и регионы лучше, чем межгосударственные соглашения. Предварительные исследования указывают на значительный потенциал евразийской экономической интеграции в таких секторах, как электроэнергетика, транспорт, телекоммуникации, туризм, сельское хозяйство. Функциональная интеграция в отраслях и секторах экономики может быть дополнена снижением барьеров на пути движения рабочей силы и капитала. Вопросы безопасности, включая борьбу с наркотрафиком, торговлей людьми и эпидемическими заболеваниями, также могут более успешно решаться в рамках континентальных интеграционных инициатив.

Необходимо отметить, что в своих предпосылках и целях формирующееся «экономическое евразийство» резко расходится как с классическим евразийством 1920-30-х гг., так и с неоевразийством А. Дугина.

Какое развитие получают механизмы интеграции евразийского «суперконтинента»? Наличие ряда центров силы – ЕС, Китая, Индии, России как центра притяжения постсоветского пространства и Турции как нарождающегося лидера исламской Западной Азии – делает маловероятным возникновение одной континентальной интеграционной организации наднационального характера. Более вероятна сетевая структура интеграции, «миска спагетти» различного рода многосторонних соглашений, направленных на решение отдельных задач. Ключевую роль сыграют корпоративные и неформальные связи. В терминах Тоффлера, евразийская интеграция станет интеграцией «третьей волны» - нелинейной, гибкой, с постоянной изменяющейся структурой. Гибкость и изменчивость могут стать ее силой.

Изучение зарождающегося феномена континентальной евразийской интеграции ставит перед исследователями ряд вопросов. Кто является ключевыми акторами - рыночные субъекты или государства? Каково соотношение формальной и неформальной интеграции? Как соотносить интеграционные процессы в отдельных регионах (Европа, СНГ, исламский мир, Юго-восточная Азия) и трансконтинентальные процессы? Как сочетать процессы расширения и углубления интеграции? Каковы ее основные направления? Вокруг этих вопросов будет построено систематическое осмысление феномена континентальной евразийской интеграции.

[4] Либман А. (2010) Интеграционные процессы в евразийском пространстве: особенности современного этапа. Россия и новые государства Евразии. №4; Быков А. (2009) Постсоветское пространство: стратегии интеграции и новые вызовы интеграции. М.: Алтейя; Коробов И. (2010) От региональной интеграции Центральной Азии к Евразийскому интеграционному пространству? Меняя динамику постсоветского регионализма. Евразийская экономическая интеграция. №3 (август).

[5] Линн Й. (2006) Либеральное евразийство. Коммерсантъ. 24 ноября.

«...наши поезд отправят в море и ПОТОПЯТ НАС...»

Продолжаем рубрику «Устная История» рассказом депортированного **Энвера Эмира**, проживающего сегодня в Турции в селе Игдыр. Интервью было взято в рамках международного социологического проекта «Депортация народов в Казахстан в 1930-1950 гг.: общность истории», проведенного при поддержке Ассамблеи народа Казахстана и Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ (МФГС). Проект (научный консультант проекта – проф. П.М. Полян, д-р геогр. наук), одним из результатов которого стало это интервью, осуществлен ИСПИ-Казахстан (Астана, Казахстан) совместно с Институтом ЦЕССИ-Казахстан (Астана, Казахстан) и Центром миграционных исследований (Центр Зайончковской; Россия, Москва). Главная идея, которая легла в основу проекта, – ретроспективный сбор информации о депортации в Казахстан в 1930-50 гг. от непосредственных участников процесса. Это позволило собрать уникальную историческую информацию и создать базу из 80 интервью, собранных в 13 странах (Казахстан, Российская Федерация, Армения, Белоруссия, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан, Азербайджан, Молдова, США, Германия, Польша, Турция). Во время исследования опрашивались представители этнических групп – немцы, поляки, евреи, чеченцы, ингуши, балкарцы, крымские татары, турки-мехетинцы, калмыки, карачаевцы, корейцы, курды и др., которые были депортированы в Казахстан, и в настоящий момент проживают в Казахстане или в других странах.

По итогам проекта также был снят фильм «Депортация народов в Казахстан в 1930-1950 гг.: общность истории», представленный на Первом международном форуме историков стран Содружества – международной научно-практической конференции «От истории – к современности» (28-29 мая 2010 г., Астана, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева) и показанный национальным казахстанским телеканалом «Хабар» в День памяти жертв политических репрессий – 31 мая. Сам проект станет первым в серии проектов ИСПИ-Казахстан «Устная история» (Oral history), в рамках которой планируется осуществить проекты о репрессированных, освоенных целинных земель и др.

Энвер Эмир, турок-мехетинец, 72 года. Был депортирован из Грузии в 1944 году в КАЗАХСТАН. Проживает в Турции, с. Игдыр.

Меня зовут Энвер Эмир. Я родился в 1938 году в селе Аспин в Грузии.

Вы ведь были участником депортации 1944 года?

Да, в 1944 году мне было 6 лет. Я все хорошо помню и могу рассказать вам.
Ну а сколько человек из Вашей семьи было депортировано? Кто был в Вашей семье?

Мои покойные родители, отец только что вернулся с войны против немцев. Вернулся он инвалидом на костылях в 1943 году. За нами пришли среди ночи...

Ну а кроме родителей, кто был еще?

Был я и еще двое моих братишек – Ахмет и Мехмет.

То есть вас было пятеро?

Да, пятеро. Потом мы отправились в Казахстан, в Казахстане мы...

Подождите, а кроме отца, кто еще отправился воевать во время Второй мировой войны?

Мой отец, трое его братьев, то есть моих дядей – из нашей семьи на войну ушли четыре человека.

«...біздің пойызды теңізге жіберіп, БІЗДІ БАТЫРМАҚ...»

Бүгінгі күнде Түркия, Иғдыр елді мекенінде тұратын жер аударылған Энвер Эмирдің әңгімесімен «Ауызша Тарих» тарауын жалғастырамыз. Осы сұхбат Қазақстан халқы Ассамблеясы және ТМД қатысушы-мемлекеттердің Мемлекетаралық гуманитарлық әріптестік қорының қолдауымен өткізілген «1930-1950 жж. халықтарды Қазақстанға жер аудару: тарих ортақтығы» тақырыбындағы халықаралық әлеуметтік жобаның шеңберінде жүргізілген болатын.

Сұхбат нәтижесі ретінде көрініс тапқан жоба (жетекші - Полян Павел Маркович, география ғылымдарының докторы, профессор) ӘСЗИ-Қазақстан (Астана, Қазақстан), ЦЕССИ-Қазақстан институтымен (Астана, Қазақстан) және Көші-қон зерттеулер орталығымен (Зайончковская орталығы, Мәскеу, Ресей) бірлесіп жүзеге асырылған.

Жобаның негізін құраған басты идея – 1930-50 жылдары Қазақстанға жер аударылғандар туралы тікелей осы үдеріске қатысушылардың өздерінен ақпарат жинау. Бұл бірегей тарихи ақпаратты жинауға 13 елден (Қазақстан, Ресей Федерациясы, Армения, Беларусь, Қырғызстан, Тәжікстан, Өзбекстан, Әзірбайжан, Молдова, АҚШ, Германия, Польша, Түркия) жиналған 70 сұхбаттан тұратын мәліметтер базасын жасауға мүмкіндік берді.

Зерттеу барысында Қазақстанға жер аударылып, қазіргі уақытта Қазақстанда немесе басқа елдерде тұратын немістер, поляктар, еврейлер, шешендер, ингуштар, балкарлар, қырым татарлары, түрік-месхеттері, қалмақтар, корейліктер, күрдтер және т.б. этникалық топ өкілдеріне сауалнама жүргізілді.

Жоба нәтижелері бойынша «1930-1950 жж. халықтарды Қазақстанға жер аудару: тарих ортақтығы» атты фильм түсіріліп, Достастық елдерінің бірінші халықаралық тарихшылар форумы шеңберінде 2010 жылдың 28-29 мамырында Л.Н.Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінде өткен «Тарихтан – қазіргі заманға дейін» атты халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференциясында ұсынылды және 31 мамыр – саяси қуғын-сүргіндерді еске алу күні «Хабар» телеарнасынан көрсетілді.

Саяси қуғын-сүргіндер, тың игеру және т.б. туралы жобаларды жүзеге асыру жоспарланып отырған «Ауызша тарих» (Oral history) ӘСЗИ-Қазақстан жобаларының қатарындағы алғашқылардың бірі болып табылады.

Сколько им было лет тогда?

Этого я сейчас не вспомню точно, сколько им было, когда началась война в 1941 году. Самым старшим был мой отец.

Хорошо, а до депортации в вашей деревне в Грузии какое было общее положение дел?

Я не смогу все точно описать. Я тогда был маленьким ребенком. Но я помню, что у нас было много скотины, люди занимались скотоводством, разводили сады. Всего нам хватало – нельзя сказать, что мы жили плохо. Когда началась депортация, в декабре месяце, у нас в зале, (у нас был огромный зал дома) на полу лежали яблоки, груши и много других фруктов...

А до этого Вы слышали что-нибудь о депортации? Кого-нибудь депортировали до вас?

Нет, не слышали. Такого не было до этого.

Когда Вы впервые услышали о депортации?

Я вам так скажу. Я говорил, что мой отец вернулся с войны инвалидом. Так вот, там был директор колхоза, тогда существовали колхозы. Он сказал моему отцу: «Эсэр...», моего отца звали Эсер, он говорит: «Эсер, давай я возьму в колхоз твою скотину, продукты твои. Каждый день будешь приходиться,

«...our train will be forwarded into the sea and
WE ARE GOING TO BE DROWNED...»

We continue our rubric named "Oral History" with a story of deported Enver Emir who now lives in village of Igdyr, Turkey. The interview was conducted within the framework of the international sociological project «Peoples' Deportation to Kazakhstan in 1930-1950: History Commonness» with support of Assembly of People of Kazakhstan and Intergovernmental Fund for Humanitarian Cooperation of the CIS States. The project became possible because of the cooperative work of ISPR-Kazakhstan (Astana, Kazakhstan), CESSI-Kazakhstan (Astana, Kazakhstan) and the Center of Migrating Research (The Center of Zainchkovskoi, Moscow, Russia). One of the results of this project became this interview. The basic idea that became the foundation of this project is the retrospective data collection about deportation to Kazakhstan in 1930s-1950s from the process participants. This approach allowed us to collect unique historical information and create a base of 70 interviews that was conducted in 13 countries (Kazakhstan, Russian Federation, Armenia, Republic of Belarus, Kyrgyzstan, Tajikistan, Uzbekistan, Azerbaijan, Moldova, the USA, Germany, Poland, and Turkey). The scientific consultant of the sociological study is Polyan Pavel Markovich, Ph.D in Geography, Professor. The interviews were held with the representatives of the ethnic groups like Germans, Poles, Juwes, Ingushes, Balkarians, Crimean Tatars, Meskhetins, Kalmyks, Karachays, Koreans, Kurds who were deported to Kazakhstan and at the present moment they live either in Kazakhstan or in other countries.

On the basis of the project's results there was created a documentary «Peoples' Deportation to Kazakhstan in 1930-1950: History Commonness» that was presented at the first International Forum of Historians of the CIS states – international scientific conference «From History to Modernity» (held in May 28-29, 2010 at the Eurasian National L.N.Gumilyov University). Also it was shown at the national channel of Kazakhstan «Khabar» on May 31st - Memorial Day for Victims of Political Repressions. The project will become the first one in the series of the projects of ISPR-Kazakhstan within the framework of column «Oral history». Also it is planned to carry out projects about political repressions and development of vergin soil.

братъ, что тебе нужно». На это мой отец ответил: «Нет». Тогда директор колхоза, он ведь не маленький человек в поселке, кое-что и до него доходило, говорит: «Послушай, Эсер. У тебя дома есть скотина? Иди зарежь скотину и закопти. Скоро нас отсюда будут выселять». Это говорит директор колхоза.

Когда он сообщил вам это?

Ну вот, когда мой отец вернулся с войны – где-то в 41-42 годах. Тогда мой отец сказал ему: «Ты зачем заставляешь меня резать скотину? Ты что, глаз положил на мою скотину?». Не поверил ему. Местность, где мы жили, называлось Ахыска, там была равнина. На этой равнине велось строительство железной дороги. Люди говорили, что когда достроят дорогу, приедет поезд, и всех нас вывезут оттуда.

А когда именно вы узнали про депортацию?

Когда пришли за нами среди ночи – тогда и узнали.

Вам не дали время собрать вещи?

Какое время? Приехали за нами, погрузили нас в грузовики и отвезли нас на железную дорогу.

А кто пришел за вами, военные или милиция?

Военные.

А когда пришли, ночью или днем?

Ночью. Приехали грузовики с крытым верхом. Меня, моего отца, всю нашу семью погрузили в грузовик.

Кто-нибудь протестовал, оказывал сопротивление?

Нет, такого не было. Кто будет протестовать? Всех отцов, всех парней отправили на войну с немцами. Остались только дедушки, бабушки, дети, женщины. Кто будет сопротивляться?

Ну а вам говорили – возьмите какие-нибудь вещи с собой?

Ничего не говорили. В грузовике с двух сторон сидели солдаты с автоматами. У нас были две коровы. И когда тронулась машина, они побежали за нами и мычали. Тогда я сказал маме: «Аба, аба...», мы мать называли «аба», плача я говорил, мне ведь было 4-5 лет: «Аба, смотри, наши коровы бегут за нами». На это мама мне ответила: «Сынок, не плачь, сейчас придет наш сосед дядя Алексей. Он отведет наших коров в сарай и привяжет там. Когда мы вернемся, мы заберем их обратно».

Вам говорили, куда вас везут?

Нет, никто нам ничего не говорил.

А что вы думали тогда? Вы знали, куда вас везут?

Нет, не знали. В Казахстан ли, в Узбекистан ли – никто не знал. Я же рассказывал про железную дорогу, нас всех привезли туда и посадили в вагоны. Нас отвезли в Баку в Азербайджане, на Каспийское море. Там мы прождали три дня. Один еврей говорил, что наш поезд отправят в море и потопят нас.

А что стало с вашей деревней, с вашими домами?

Все осталось там, скотина, имущество...

Кто-нибудь остался в деревне?

Никого не осталось. Дети моего отца, которые остались сиротами – девочка и мальчик – их отправили в детдом. Так вот, спустя много лет, его сын, когда стали открываться дороги, разыскал нас и приехал к нам в Казахстан.

А что случилось с вашим имуществом, с вашим домом – вы не знаете?

Не знаю, все осталось там...

Сколько времени занял путь?

Этого я тоже не помню. Нас погрузили в вагоны, в которых перевозили скот. В один вагон сажали по 15-20 семей.

Вас сразу посадили в вагоны или вы ждали на станции?

Нет, нас оставили ночевать на станции, не помню, сколько дней мы там были – 1 или 2...

Где вы спали?

На улице – где же еще?

Сколько человек было в вашем вагоне? Сколько семей?

15 семей. В вагоне сделали полки в 2 этажа. Один ряд с одного боку и один ряд – с другого. На первом этаже – пять семей, на втором этаже – пять семей. С другой стороны точно также. Вот так и помещались 20 семей в одном вагоне.

Что вы взяли с собой?

Что было под рукой, то и взяли. Например, мой отец взял мешок грецких орехов, один мешок яблок. В вагоне было так холодно, что яблоки промерзли до такой степени, что они при езде издавали такой же звук, как и грецкие орехи.

А вы, дети, боялись того, что вас везут куда-то в поезде? Как вам объясняли эту ситуацию родители?

Что мать скажет, она только плакала... Матерей нельзя никогда забывать, они такое пережили...

Вам давали еду в дороге?

Да, давали. Рассказать вам еще одну историю? Я говорил уже, что всех парней забрали на войну с немцами. Из мужчин в вагоне только мой отец на костылях. Остальные все женщины, дети. Были дети в возрасте 12-13 лет, но их матери держали за руки и не отпускали. Выйдут они и потеряются. Вот и не отпускали их. У нас поезд был длинный, и где-то посередине находилась кухня. А за едой надо было идти, чтобы принести ее в ведрах. Мой отец брал с собой двух-трех женщин и шел с ведрами за едой.

Кто-нибудь умер в вашем вагоне по дороге?

Среди нас был один дедушка. В один из дней он покинул нас, умер. Не помню, где это было. Он лежал рядом с нами на втором этаже. Имя я его уже не помню. Когда он умер, пришли люди, положили его на носилки и забрали.

Как вы узнали, что он умер? Женщины плакали?

Плакали.

Куда вы ходили по нужде?

Простите меня, но посреди вагона была дырка, и когда наступала ночь, туда люди и справляли нужду. А куда еще идти – поезд летит, на большой скорости. Не будешь же спрыгивать на ходу и искать себе место.

А что вы думали о том, куда вас везут? Вы не спрашивали у родителей, куда вас везут, когда вы сойдете с поезда? Что они на это отвечали?

Они тоже ничего не знали. Расскажу вам вкратце: тогда ведь шла война, и фронт был близко. Так вот, они говорили нам, что нас вывезли, чтобы спасти. А когда война закончится, нас вернут обратно. Другой причины не могли представить. Мы ведь ни в чем не были виноваты. Ведь наши братья были на войне. За что они воевали? Разве не за родину, за отцов, матерей и детей? И ради какой страны воевали? За Грузию? Или за Россию? В чем была наша вина? А наша вина была вот в чем, я вам расскажу коротко: в то время Сталин говорил, что если эти люди обоснуются здесь и их население вырастет, окрепнет, когда-нибудь, в один прекрасный день, этот народ отделится и присоединится к Турции. Поэтому он выселил нас с тех мест.

Побеседуем еще минут 15 или продолжим после намаза?

Давайте продолжим после намаза.

Мы говорили о том, как вас вывезли из родной деревни и посадили в поезд. Потом Вы ушли на намаз. Сейчас мы перейдем к вопросам о Казахстане. Вы хотите добавить что-нибудь о поездке в поезде? Что Вы не успели рассказать?

Я мог бы многое рассказать из того, что видел и слышал... Я уже говорил о своем отце, который передвигался на костылях. Так вот, когда мы были в пути, на одной из станций мой отец пошел за дровами. Ведь больше мужчин среди нас не было. Посреди вагонов мы разводили огонь, а дым выходил в окошко. На одной из станций он пошел и вырвал из забора две деревяшки. Я своими глазами это видел. Вот он должен уже вернуться в вагон. А там была военная часть. Огромная территория, огороженная забором. Здание, где сидели военные, было в отдалении. Они оттуда все это видели и пустили вслед отцу немецких овчарок. Здание хоть и было в отдалении – собака бежит, вот-вот настигнет отца. Отец добрался до вагона, я плачу, женщины кричат. Я же говорил, моего отца звали Эсер, они кричали: «Эсер, Эсер, брось эти деревяшки». Да разве он бросит, раз уж взял? Он закинул их в вагон, женщины поймали их, потом взяли моего отца за руки и когда уже собирались поднять его в вагон, собака вцепилась ему в штаны. Но отца не укусила. Она повисла на штанах. Отца затащили в вагон, а штаны остались. Это все правда, я видел это собственными глазами. Я плакал и кричал: «Отец, отец». А он не бросил эти деревяшки, да и как он бросит, если его дети мерзнут.

Сколько дней заняла дорога?

Около месяца. Больше 20 дней.

Детям не надоела дорога?

Что Вы говорите?! Конечно, надоела. Ну а что делать? Скучай, не скучай – деваться некуда... Я Вам расскажу одну историю: у мамы был маленький кусочек хлеба. От холода он стал твердым как камень. Дети плакали, хотели есть. Я тоже плакал: «Мама, мама, я хочу есть». Мама мне ответила: «Сынок, ты немного старше, ты потерпишь. А что я дам вот этим плачущим малышам?». Она дала этот кусочек моему братишке Ахмету, я говорил Вам о нем, он скончался потом в Казахстане. Он положил этот кусочек в рот, начал жевать. Хлеб был твердый как камень. Он пожевал его немного и отдал его назад со словами: «Мама, я не буду его есть, забери».

А по ночам в вагонах зажигали свет?

Нет-нет, света не было. Посередине вагона разводили костер, и вокруг усаживались женщины. Я тоже сидел перед костром, протянув к нему руки.

Затем вы приехали в Казахстан. В какой город вы приехали?

Нас привезли в столицу, в Алматы.

С поезда вы сошли в Алматы?

Да, в Алматы. Я же рассказывал, что на поезд нас доставили в грузовиках, такие же грузовики развозили нас по деревням.

Вам пришлось ждать на станции, или когда вы приехали, там уже ждали грузовики?

Приехали или они уже стояли там – я сейчас уже не помню.

Из Алматы куда повезли вас?

Из Алматы нас повезли в местность под названием Тургень, в 60 км от Алматы. А выше находились летние пастбища, жайляу. Первая деревня, в которую мы отправились, находилась там, и называлось она Тау Тургень. Нижнее было просто Тургень, а верхнее называлось Тау Тургень. Оно находилось между двумя речками – очень красивое место.

Когда вы прибыли в Казахстан, там было холодно?

Да, было холодно. Нас привезли в Тургень на грузовиках, а в верхнее село Тау Тургень мы добирались на повозках, запряженных быками – лошадей не было. Так вот, человек управлявший повозкой, знаете что сделал? Это был казах, он набросал мягкого сена на пол повозки, сверху накрыл кошмой. С одной стороны села мама, с другой – папа, а мы растянулись посередине ногами к казаху и накрылись концом этой кошмы. Ведь нам предстояло проехать 6 километров. Когда казах приподымался, чтобы ударить быков и садился назад, он садился на наши ноги. Мы тогда кричали: «Папа, этот казах нам ноги сломал». Казах по-турецки не понимает, мы – по-казахски.

Кто вас встречал, когда вы приехали в деревню?

Нельзя сказать, что нас встретили плохо. Видит Аллах, нельзя так сказать. Нам распределили по домам казахов. Давали тем семьям, где было мало людей. Нас поселили к бабушке. У бабушки был один сын.

Как звали эту бабушку?

Акынай. Когда заезжаешь в деревню, там находится река – она называлась Акынай сай, в честь этой бабушки. Подымаешься чуть повыше и первый дом – ее дом. Нас поселили в этот дом. У нее был один сын по имени Аскарбек. Нас поселили с ними. Нас заселяли в пустые дома, в дома семей, где было мало людей, вот так всех по частям расселили. Опишу я вам эту деревню. Нас было где-то 15 семей. Среди них были и мои родственники. Мы пришли в дом к этой бабушке. Бабушка не понимает по-турецки, мы не понимаем по-казахски. Поверите или нет, у бабушки перед домом было поле, она там сажала кукурузу. Она из этой кукурузы сделала муку и приготовила лепешку. У нее толком ничего и не было, только одна корова. Вот так идет она – в одной руке талкан, в другой молоко или айран.

Талкан – это что, хлеб?

Мука, поджаренная мука. Вот так идет она и говорит: «Эсер, эй, Эсер». Моего отца звали Эсер, она говорит ему: «Дай это детям. Пусть они не умрут с голода»

Сколько дней вы пробыли в этом доме?

Эту зиму мы там прозимовали.

А как к вам относились казахи в деревне?

Хорошо, очень хорошо. Не было плохого отношения к нам никогда. Потом мы выучили казахский язык. Я даже закончил десятилетку на казахском языке.

А как была решена языковая проблема?

Мы выучили потом казахский язык. Я в школе учился на казахском языке, отвечал у доски. У нас учитель был один, историю преподавал, он поднимал кого-нибудь из учеников и говорил: «Смотри, как турок говорит, и как ты разговариваешь. Вы даже как он говорить не можете». Честное слово, так и было...

С какими проблемами, больше всего, сталкивались вы в деревне при общении с казахами?

Какие проблемы? Вначале нам дали землю, мы дома построили, потом скотину дали, кому овец, кому коз. Скотина размножалась, мать по вечерам до четырех-пяти ведер молока надаивала, готовили сыр. Казахи смотрели на нас с открытыми глазами – они раньше не видели сыр. Потом купили еще овец, коров. Вначале у меня был, простите за выражение, ишак, потом появилась лошадь, потом со временем купил автомобиль «Жигули».

Были ли браки между вами и казахами? Чаще выдавали казахских девушек или женились на ваших девушках?

Было, было. Многие из нас женились на казахках. У нас был сосед – казах... В Грузии, я же рассказывал вам, у нас был сосед, дядя Алексей, который отвел наших коров, когда они побежали за нами. У него было две дочери – Лиза и Люба, никогда не забуду их. Он шутил иногда с моими родителями: «Одну из своих дочерей я выдам за вашего сына». В Казахстане у меня тоже был сосед, казах. У него была дочь. Тогда в деревни приезжали автоклубы, показывать кино. Один раз в неделю – в субботу или в воскресенье. Хочу пойти вечером в кино, а денег нет. А кино стоило где-то копейк 20. Мама говорила: «Иди к соседке-казашке и попроси деньги. А я что-нибудь потом ей сделаю». Мама очень хорошо вязала у нас. Вот бабушка нам и давала деньги в качестве оплаты за работу.

Вы шли в кино с казахской девушкой. Как ее звали? Помните?

Айман, по-моему. Да, Айман. Так вот, когда бабушка давала деньги моей маме, она говорила, моя дочка тоже пойдет в кино. Эти деньги на них двоих. Мать потом мне говорила: «Смотри там, не натвори глупостей с девушкой...». Было много, кто женился на казахках среди нас.

А как к вам относились официальные власти? Был ли какой-нибудь контроль с их стороны?

Особого контроля не было. Вначале были коменданты, которые следили за нами, ловили тех, кто покидал свои деревни, а потом, не помню в каком году, нам предоставили свободу.

Сколько было Вам лет, когда вы приехали в Казахстан?

Шесть лет.

В каком возрасте Вы пошли в школу?

Мы приехали туда в 1944 году..., в школу я пошел в 1947, в 1957 я закончил десятилетку.

То есть в 9 лет?

Да, в девять лет.

Где вы ходили в школу?

До четвертого класса в той деревне.

Как к вам относились дети в школе? Было ли такое, что, мол, иностранцы вы...?

Такое бывало, но если рассказывать, все это надолго... Я закончил в деревне четыре класса, потом ездил в Каракомир, за Тургенем, там была десятилетка. Я каждый день ходил пешком в школу 6 км. Иногда я садился, извиняюсь, на своего ишака, приезжал в школу, привязывал его, потом возвращался на нем домой. Однажды один проказник казах лег перед моим ишаком и испугал его. Ишак убежал, я шел заплаканный домой. Всякое бывало...

Как вы питались в Казахстане? Как одевались? В сравнении с домом в Грузии.

Как жили в Грузии, такую жизнь и сохраняли везде. Возьмите ту же Грузию, Казахстан, вплоть до того, пока не вернулись сюда, наш народ не утратил своего языка, своих обычаев. Мусульманам было немного трудно с коммунистической системой, этой негодной системой, которая утверждала, что Всевышнего нет. В основном наш народ, тайком, продолжал читать намаз. Мечетей не было, приходилось все делать тайком.

В 1945-м закончилась война. Что-нибудь изменилось в вашей жизни?

Стало намного легче. Началась хорошая жизнь. А потом начался развал Союза...

А когда вы узнали, что умер Сталин?

Рассказать вам и про это? Я уже заболтался. Так вот, я уже говорил, что с 1947 по 1957 гг. ходил в школу. В 1953 году я был в 6-м классе. Первый урок не должен был вести директор, а я смотрю, пришел именно он. Он был казахом, партийным человеком. Он пришел в класс, глаза красные, заплаканные. А я сидел в заднем ряду со своим другом казахом. Пришел агай, казахи к мужчинам обращаются «агай», к женщинам – «тате», сказал, чтобы мы сядились, поздоровался с нами и говорит: «Наш великий вождь, наш отец, Иосиф Виссарионович Сталин умер» и разрыдался. Громко-громко заплакал. А я засмеялся.

А остальные что делали?

Они тоже плакали. Все они были казахами, я один турок. Я был в 6-м классе, я говорил уже. И тут директор говорит: «Эмиров...-, моя фамилия Эмир, а они еще добавляли –ов к фамилии,- ... Эмиров, встань». Я встал. Он говорит: «У нас умер наш отец. Мы все его оплакиваем, я его оплакиваю. А ты почему смеешься?» Я ему ответил: «Агай, если бы он умер в 1943 году, а не в 1953-м, нас бы сюда не депортировали. Это первая причина, почему я засмеялся», честно так я и сказал. Он спросил: «Какая вторая причина?». Я ему говорю: «Он - грузин, ты - казах, я - турок. Как он может быть нашим отцом?». Что там было... Директор разозлился и говорит: «Возьми сумку и выйди из школы». Я взял сумку, собрался уходить. Когда подошел к двери, он сказал: «Стой!». Я остановился. В то время за такие слова сажали в тюрьмы, депортировали. Он мне говорит: «Ты еще ребенок, если бы ты не был ребенком, я бы тебя в ссылку отправил». Это говорит директор. Я сказал: «Хорошо» и вышел. Один урок пропустил, но это был не его урок. Погулял немного, потом вернулся в школу. Я закончил там десятилетку.

Потом Вы вернулись домой. Вы рассказали о произошедшем дома? В деревне узнали об этом?

Да узнали...

Ну, а после смерти Сталина были ли разговоры о том, что теперь что-то в жизни поменяется?

Взять хотя бы этого директора. Я закончил десятилетку, пошел служить в армию. 3-4 года отслужил.

Где проходили службу?

В Туркменистане на границе с Афганистаном, в поселке Кушкадам. Тогда я на машине съездил в Афганистан, и в Пакистане был, долгий будет разговор, если начну рассказывать. Теперь, что я собирался рассказать. Я вернулся с армии. Я говорил, что я взял «Жигули», вот еду я на машине, остановился на светофоре. И видел того директора школы. Он уже постаревший, в очках, с тросточкой. Смотрю – он идет, еле-еле передвигается. Я подъехал к нему, прямо вплотную, открыл дверь и говорю: «Агай, садись. Домой отвезу». Он сел, смотрит на меня и говорит: «Сынок, я не узнал тебя». Я говорю: «Агай, помнишь, когда умер Сталин, ты меня из школы выгнал. Эмиров я». Он вскрикнул: «Эмиров, ты что ли?», обнял меня. Говорит: «Честное слово, ты умным был. Откуда ты тогда все знал».

август 2010 года

С известным ученым Уямой ТОМОХИКО, профессором Центра славянских исследований Университета Хоккайдо, членом редакционного совета журнала беседовала Ракишева Ботагоз, директор Института ЦЕССИ-Казахстан.

Профессор УЯМА ТОМОХИКО



Вас многие знают как эксперта по Центральной Азии, мы бы хотели чтобы наши читатели познакомились с Вами, с Вашей деятельностью. Расскажите, пожалуйста, о себе. Где вы учились? Где получили образование? В каких направлениях Вы работаете?

Я учился в Токийском университете, в русском отделении, на факультете регионоведения. Когда я был на четвертом курсе, в 1989-1990 годах, я прошел стажировку в МГУ и оттуда выезжал в Алматы, Ташкент и жил там по полмесяца. После возвращения я написал дипломную работу о взаимоотношениях между русскими переселенцами и коренными жителями Центральной Азии до Октябрьской революции. Потом я поступил в аспирантуру, написал диссертацию по теме «Мировоззрение казахской интеллигенции в начале XX века на примере книги Мир-Якуба Дулатова “Прогноз, казах!”». В 1994-1995 годах я работал в посольстве Японии в Казахстане, в качестве атташе. Занимался анализом политической и экономической ситуации в Казахстане, также культурными мероприятиями. Потом я работал в Институте востоковедения Академии наук Казахстана в качестве приглашенного ученого, до 1996 года. После возвращения в Японию, устроился на работу в Центр славянских исследований при Университете Хоккайдо. Уже почти 15 лет работаю там. Мои научные интересы разделяются на две части: история Казахстана конца XIX и начала XX веков, в частности, общественно-политическая деятельность интеллигенции, политика Российской империи в Центральной Азии. Это включает политическую, административную систему Российской империи в этом регионе, религиозную политику, военную политику. Сейчас я также занимаюсь сравнительными исследованиями политики Российской империи в Центральной Азии, Британской империи в Индии, и Цинской империи в Восточном Туркестане.

Вторая часть моих научных интересов – это политика стран Центральной Азии. Я с самого начала занимался этими темами, поскольку мои студенческие годы совпали с временем перестройки, я тогда уже сильно интересовался национальным вопросом Советского Союза. Когда я был в Москве и Алматы, в начале 1990-х гг., я собирал довольно много материалов, в том числе и материалы о декабрьских событиях 1986 года. Тогда у меня самый большой интерес в области политики вызывали межнациональные отноше-

ния. Потом когда я работал в посольстве Японии, я начал интересоваться политической системой Казахстана и стран Центральной Азии, потом я также занимался исследованиями исламских движений в Узбекистане, а также историей гражданской войны в Таджикистане, тюльпановой революцией Кыргызстана. По исследованиям каждой темы я ездил в разные страны Центральной Азии, там проводил исследования.

Почему у Вас возник интерес к Центральной Азии? На чем основывается первый интерес?

Когда я поступил в университет, я больше интересовался европейской культурой и хотел изучать французскую, латинскую литературу, изучал французский, греческий языки, но однажды осознал, что я слишком мало знаю об Азии. Я начал изучать историю Восточной Азии, китайский язык, но через некоторое время я еще раз подумал, что много кто изучает Восточную Азию. Более того, я все-таки не потерял интерес к Европе, поэтому я решил изучать тот регион, откуда можно посмотреть и на Европу, и на Азию, и я выбрал Центральную Азию. Здесь, наверное, содействовал тот фактор, у меня с детства был интерес к русской музыке, к русской культуре, поэтому было какое-то тяготение к русскому языку. Многие говорят, что русский язык очень трудный язык. У меня быстрее получилось изучить русский язык, чем другие языки.

Какими языками Вы владеете?

Я могу сказать, что владею только японским, русским, английским языками, но почти свободно читаю по-казахски, со словарем читаю французский, китайский, а также другие языки, фарси в том числе.

Какая первая страна в Центральной Азии, которую Вы посетили?

Первой страной был Узбекистан, это было весной 1989 года, когда я путешествовал по Советскому Союзу вместе с друзьями. Второй раз, как я вам говорил, я ездил в Ташкент и Алматы из Москвы.

Когда Вы впервые посетили Казахстан?

Это как раз в то время, это 1990 год.

Можете ли определить основные школы, или основные направления, которые изучают Центральную Азию?

Сейчас во многих странах мира изучают Центральную Азию и сейчас есть разнообразные специальности - история, политология. В европейских странах по количеству ученых не очень много, но есть несколько специальностей, которые особенно развиты там, например, история ислама в XIX и XX веках. В Японии очень давно развиты исторические исследования по древней и средневековой истории Центральной Азии, это особенно касается Древнетюркского каганата, империи Тимуридов. У нас есть специалисты по очень редким языкам Центральной Азии. Исследования по новой истории Центральной Азии начали развиваться сравнительно недавно. Вначале существовала довольно большая разница между учеными, которые изучали Центральную Азию с точки зрения российской и советской истории, и учеными, которые изучали с точки зрения востоковедения, но сейчас ученые разных направлений сотрудничают друг с другом. Это особенно хорошо выражается между разными центрами, в первую очередь - это наш Центр славянских исследований и группа по изучению исламских регионов в Токийском университете. Мы постоянно проводим совместные семинары.

Одна из тем, которые Вы изучаете, связана с казахской интеллигенцией. Актуален для изучения период времени, связанный с деятельностью партии Алаш Орда. Много белых пятен в истории, которые порождают порой непонимание. Сегодня мы обсуждаем проведение проекта по изучению казахской интеллигенции, связанного с Алаш Ордой, с Восточным Туркестаном, с именем Мустафы Чокая. В этом отношении Вы тоже изучали этот вопрос. Вы можете сказать, что сегодня существует необходимость реабилитации философии Алаш Орды, в достаточно широком понимании этого слова?

Да, конечно, необходимость существует. Конечно, казахстанские ученые уже достаточно много изучали этот вопрос, но мне кажется, этот вопрос преимущественно изучается в рамках национальной идеологии. Нередко упускаются из виду некоторые важные моменты. Когда я в аспирантуре изучал произведения Мыржақыпа Дулатова, несмотря на стереотип о том, что его единомышленники были чисто националистами, у них был очень высокий интерес к европейской цивилизации, к русской культуре, к исламу, к кочевой культуре. Они старались объединить, сочетать эти разные культуры цивилизаций. Мне кажется, это особенно важно, потому что и сегодня такие исследования имеют актуальное значение, существование различных этнических групп в взаимодействии разных культур. В последние годы я много изучаю, с одной стороны, не только их взгляды на культуры, но как они реально участвовали в политической жизни России, старались повысить правовой статус казахов в России. Для этого они часто сотрудничали с российскими чиновниками, политиками. Это может для некоторых не очень приятно, но я думаю, что, наоборот, реалистические действия во многом спасали судьбу казахов. С другой стороны, я довольно интенсивно изучаю исламские элементы в их мышлении. Обычно светская интеллигенция и ислам исследуются совершенно раздельно, но большинство из них получили первое образование в мектебах, и некоторые даже учились в медресе. У них разные отношения, например, к вопросу воссоединения казахов к оренбургскому духовному собранию мусульман, как должны быть их отношения между казахами и другими мусульманами. Здесь не было какой-то единой позиции, но из их отношений к этому вопросу можно узнать очень многое о том, как они вообще понимали суть казахской культуры, как они понимали исламские ценности, поэтому я считаю, что это тоже очень важный вопрос.

К теме ислама в Казахстане. До ислама в Казахстане были разные религиозные верования – манихейство, несторианство, буддизм, разные течения христианства. Существует ряд экспертных взглядов на этот счет. Ряд исследователей поднимают вопрос о том, что ислам в Казахстане имеет свою особенность, называя его soft-исламом, который основан на элементах тенгрианства, шаманизма. Есть эксперты, которые говорят о том, что необходимо возобновить, восстановить тенгрианство, потому что это настоящая казахская религия. Как Вы думаете, возможно сегодня восстановление тенгрианства, шаманизма, которые проявляются в большей степени в культуре? Насколько это актуально?

Тенгрианство, шаманизм скорее, как сказать, это система практики, выражение отношений между природой, Богом и человеком. Там не было какой-то строгой религиозной идеологии, поэтому если тенгрианство, шаманизм существуют естественным образом, то это нормальная форма культуры. Если сделать их какой-то новой религиозной идеологией, то там возникают неестественные аспекты. В разных странах, в том числе и в Японии, существуют разные движения по возрождению какого-то старого верования, но никогда не получается восстановить их полностью. Получается какое-то но-

вое верование и иногда это похоже на какие-то секты, поэтому я думаю, что какие-то ценности тенгрианства, шаманства могут сосуществовать, но воссоздание их как религии не приведет к результату.

Одна из трагических страниц в истории Казахстана связана с периодом коллективизации, великим джухом (голодом), который был в степи. По различным оценкам, в этот период времени погибло от 2 до 3 млн. казахов, часть казахов мигрировала. Вопросы голода в степи очень долгое время не поднимались. В Казахстане казахский джух малоизвестен, хотя, по мнению самих казахов аксакалов, каждый казах знает, что был жух, что погибло большое количество людей, но все умалчивают. С чем это связано? С какими фактами Вы столкнулись, касающимися голода, как эта ситуация повлияла на демографическую составляющую Казахстана?

Да, действительно численность казахов до голода была больше чем численность узбеков, и казахи были самым многочисленным народом в этом регионе, но в результате голода численность казахов очень сильно уменьшилось. Наверное, это одна из причин, почему во время Советского Союза большая часть инвестиций центра направлялась в Узбекистан. Вообще, можно сказать, что эта трагедия довольно сильно тормозила развитие Казахстана, хотя сейчас можно говорить, что Казахстан уже восстановил этот ущерб, в экономическом плане. Если взять голод вместе с репрессией политической элиты, интеллигенции, то они уничтожили очень много людей, особенно талантливых людей. Не только численность погибших, но потеря такой сильной интеллектуальной силы тоже повлияла на развитие Казахстана в советские годы. Хотя и сейчас остается спорным вопрос, сколько погибло во время голода. Каждый исследователь представляет разные цифры. Я слышал от одного из авторов, которые самыми первыми поднимали этот вопрос во время перестройки, что между самими авторами было несогласие по поводу численности погибших. Один считал, что погибли 1,5 миллиона человек и еще меньше. Другой считал, что погибло более 2 миллионов. В итоге они написали компромиссную цифру.

В период сталинских репрессий Казахстан потерял часть казахской интеллигенции, большую часть. Это одна из тем, которые Вы давно изучаете.

Да, я изучал биографии более 100 человек, которые активно участвовали в политической жизни, это политические и культурные деятели до революции, во время революции, сразу после революции, и за исключением нескольких человек, все погибли в 30-е годы. Это означает, что интеллектуальная традиция и интеллектуальная мощность, которая сложилась в начале XX века, во многом потерялась в 30-е годы. Хотя именно в 30-е годы образовались новые университеты, также развивались местные кадры, они получили образование уже при советской власти. Уже не знали культурное наследие, которое существовало до 20-го года, поэтому культура Казахстана перенесла очень большую потерю.

Наша беседа проходит в начале сентября 2010 года, и сегодня актуальной темой в экспертном сообществе являются события в Кыргызстане. 10 октября будут выборы в этой стране. Конечно, нас больше всего беспокоит межнациональный конфликт, произошедший в июне, на территории Кыргызстана, киргизско-узбекские столкновения. Вы могли бы назвать причину? Второй вопрос, неужели это сценарий для всех стран,

которые имеют диаспоральные группы? В Узбекистане проживает большая казахская диаспора. В Казахстане проживает более 400 000 этнических узбеков, в Таджикистане проживает большая узбекская группа, в Узбекистане - большая таджикская. И так во всех центральноазиатских странах. Неужели подобное может возникнуть и в других странах?

Сами июньские события кажутся совсем вдруг возникшими, но если читать материалы по Ошским событиям 1990 года, там уже тогда проявилась жестокость между двумя этническими группами. Надо сказать, что хотя между узбеками и кыргызами не существует глубокой исторической вражды, но как между древними оседлыми жителями и бывшими кочевниками существуют определенные стереотипы. Когда появляется разница их в экономическом, социальном интересе, то такие причины легко переходят в этническую плоскость. В 1990 году была проблема с землей, жилищем. Хотя эту проблему можно было решить без межэтнического конфликта, но люди сразу начали говорить, что представители другой этнической группы как-будто виноваты в этой проблеме. Почти то же самое повторяется и в этом году. Сейчас кыргызское население юга Кыргызстана давно бедно живут, хотя не намного лучше живут узбеки, но видно их более благоприятное состояние, поэтому еще до начала событий в кыргызской прессе появились статьи, которые призывали выгнать представителей других этнических групп. Да, это основной фон событий, но сами события произошли в контексте бурных политических событий после смены власти. Особенно в мае, когда сторонники Бакиева активизировались на юге Кыргызстана, временное правительство и представители узбекской общины сотрудничали для того, чтобы удерживать влияние бакиевцев. Когда дома Бакиевых были сожжены, хотя неизвестно, кто это именно сделал, но люди решили, что это сделали лидеры узбекской общины. Хотя большинство кыргызов на юге уже не поддерживали Бакиева, но все-таки Бакиев – это кыргыз. Если узбеки сжигают дома Бакиева, это, на взгляд кыргызов, – узбеки «обнагдели», поэтому отношения между этими группами очень обострились. К этому добавилось недисциплинированное состояние армии и правоохранительных органов. Есть много сведений, что часть из них тоже участвовал. Даже если они прямо не принимали участия, они подвергались давлению толпы и легко передали им оружие. Такое отсутствие контроля оружия очень обострило ситуацию.

27 июня в Кыргызстане прошел референдум, приняли ряд решений по новой Конституции страны, Киргизия стала парламентской республикой, назначили выборы на 10 октября. Как Вы считаете, многопартийность в кыргызском парламенте будет? У какой партии будет лидирующее положение, возможно ли формирование фракций?

Только что началась предвыборная компания, и трудно и невозможно прогнозировать, но дело в том, что там существует не только много партий, но есть несколько направлений, которые не позволяют сотрудничать друг с другом. Есть несколько партий, которые стоят довольно близко к руководству временного правительства, большинство из них имеют мирную позицию. Есть другие группы, особенно группы, которые близки Бекназарову. Он тоже один из руководителей Временного правительства, но у них более националистические, радикальные позиции. Еще существуют партии, которые в основном поддерживаются на юге, и они тоже националистического настроя. Существует партия «Ар-Намыс» Кулова. Кулов - достаточно известный политик, но из-за того, что после тюльпановой революции работал премьер-министром, отношения между ним и другими лидерами оппозиции несколько не сложились. Он и сегодня стоит немножко обособленно, поэтому не будет какой-то единой партии, группы партий, которые могут спокой-

но занять большинство мест в парламенте. Еще я хочу сказать, что по новой Конституции будет парламентская республика, но там останется и президент, который избирается всенародно, у которого будут довольно большие полномочия, поэтому нужно урегулировать отношения между президентом, парламентом, премьер-министром. В самой конституции нет какого-то стабильного механизма урегулирования. В Кыргызстане президентская система плохо работала, но в новой полупарламентской системе тоже будут проблемы.

Насколько Россия, Казахстан, США, Китай влияют на внутреннюю обстановку в Кыргызстане?

Конечно, свержение с власти Бакиева связано с проблемой военной базы, которая сейчас формально называется Транзитным центром Манас. Тогда Россия, США очень сильно пытались решить судьбу этой базы в свою пользу, неадекватное реагирование Бакиева на этот вопрос было одной из причин падения его власти. После смены власти, после июньских событий, я думаю, что, по мнению США и России, ситуация в Кыргызстане - головная боль, более чем какие-то интересные для них игры. Россия заявляет, что всегда готова помочь новому правительству, но Россия тоже почти ничего не смогла сделать во время июньских событий. Вообще, у России сейчас довольно большие амбиции оказывать влияние на постсоветское пространство. Эти события показывают, что все-таки возможности России ограничены.

Последний блок вопросов связан с Таджикистаном. Таджикистан является одним из сложных узлов, благодаря соседству с Афганистаном, что, в свою очередь, очень сильно влияет на политику в Центральной Азии. В Таджикистане, по мнению многих экспертов, происходит экономическое оживление, принесет ли это какую-то социально-политическую стабильность? Связаны ли эти два момента?

Мне трудно судить, на подъеме или нет экономика Таджикистана. По моим сведениям, жизнь в Таджикистане еще в тяжелом состоянии, и материальное благо семьи зависит от того, насколько успешно работают какие-то члены семьи в России. И социально-политическое положение тоже не в лучшем состоянии. Я встречался со многими людьми, которые участвовали в гражданской войне, на стороне правительства и на стороне оппозиции, и абсолютное большинство считают, что нельзя повторять трагедию гражданской войны, но, в то же время, все-таки отношения между членами групп, которые в свое время воевали друг против друга, довольно шатки и существует недоверие друг к другу. Некоторые из деятелей, с которыми я встречался в 2000 и 2006 годах, потом были убиты или отстранены от работы. В то же время подрастает поколение, которое испытывало гражданскую войну, когда они были совсем маленькими, у них, возможно, слабее осознанность, что нельзя повторить. Я не хочу пессимистично прогнозировать ситуацию, но вообще развитие ситуации в Таджикистане и Кыргызстане во многом будет решать стабильность во всей Центральной Азии.

В последнее время очень много событий происходит в Таджикистане, взрыв здания МВД, например. Ситуация не очень хорошая, многие отмечают, что в этом регионе ситуация нестабильная. Вечный вопрос приграничья - межэтническая ситуация. Не повторится ли ситуация, которая была в Киргизии, в Таджикистане, связанная с межэтническим конфликтом? Вторая группа по численности, проживающая в Таджикистане, это узбеки, составляющие 22 % от общего населения. Сценарий Киргизии не повторится в Таджикистане?

Узбеки и кыргызы - одной языковой группы, т.е. оба говорят на тюркских языках, а узбекский и таджикский языки относятся к разным группам. Но образ жизни узбеков и таджиков намного ближе друг к другу, чем узбеков и кыргызов. Гражданская война, хотя узбеки часто выступали на стороне правительства, чем оппозиция, не перешла на межэтнический конфликт. Еще в Таджикистане узбеки живут не так компактно, как на юге Кыргызстана - поэтому некоторые кыргызы боятся, что узбеки могут претендовать на автономию. Такая проблема в Таджикистане стоит менее остро, этнический стереотип между узбеками и таджиками тоже есть, но эти стереотипы не так резко проявляются, как между узбеками и кыргызами.

В последнее время в центрально-азиатском регионе, в Китае возникают межэтнические конфликты. Один из ключевых мест - Синьзяньуйгурский автономный округ. Мне было интересно, почему уйгуры в Узбекистане, большая диаспора проживает в Узбекистане, ассимилирована в большей степени, чем уйгуры, которые проживают в Казахстане. Оказывается, один из факторов - язык, узбекский и уйгурский языки относятся к одной карлукской группе. Это общность языка быстрее позволяет адаптироваться?

Да, и еще образ жизни тоже.

Как Вы считаете, когда-нибудь разрешится этот клубок, который называется «уйгурский вопрос» в Центральной Азии?

Вы верно заметили, что отношения между уйгурами и казахами и отношения между уйгурами и узбеками отличаются, но еще сильнее отличаются отношения между уйгурами и китайцами. В Японии учатся довольно много студентов уйгуров, когда мы общаемся, мы замечаем, что они не хотят затрагивать острые политические вопросы, но почти все считают, что положение уйгуров в Китае довольно печальное, еще у них нет сильного стремления к изучению китайского языка, к китайской культуре. Сейчас в СУАР просто принудительно заставляют уйгуров изучать китайский, китайскую культуру. Такое положение составляет довольно большой контраст в отношении народов Центральной Азии к русскому языку, русской культуре. Казахи, узбеки, кыргызы в советское время сами изучали русский язык и даже после получения независимости у многих есть симпатия к России и к русскому языку. Если посмотреть на историю уйгуров, в начале XX века культурное движение началось во многом благодаря культурному стимулу татар Российской империи, они ориентировались больше на татарскую, русскую, а также турецкую культуру, чем китайскую. Т.е. народы Центральной Азии, когда они думают о передовой цивилизации, они больше смотрят на запад. С другой стороны, Китай во время Цинской империи давал большую фактическую автономию разным частям империи. Но из-за того, что европейские страны, Япония, США очень сильно вмешивались в политику Цинской империи, потом Китая, у китайцев создалось очень сильное стремление - не потерять единство государства. Поэтому тогда как Советский Союз выбрал путь хоть формально дать автономию, даже статус союзной республики разным нациям, Китай никогда не соглашался сделать свое государство федеративным, очень отрицательно относится даже к повышению статуса автономий. Т.е. между мнениями уйгуров и китайцев очень большой разрыв, поэтому я считаю, что это один из самых сложных вопросов в мире.

Пожалуйста, чтобы Вы могли пожелать нашим читателям как эксперт по Центральной Азии, как член редакционного совета журнала?

Я хочу добавить, что я говорил довольно мрачные вещи. Когда я путешествую по Центральной Азии, особенно по Таджикистану, Кыргызстану, я нахожу, что люди очень добрые и я иногда думаю, почему люди воюют друг против друга?! Один из моих знакомых, специалист по Армении, тоже так думал, когда посетил Нагорный Карабах, и он открыто спросил об этом местных жителей. Они ответили, что конфликт возникает, потому что люди добрые. Я думаю, что в Центральной Азии есть потенциальные или явные проблемы, но здесь живут замечательные люди, талантливые люди. Для нас, зарубежных исследователей Центральной Азии, это привлекательно, потому что есть много вопросов, над которыми стоит задумываться. Еще и потому, что посещать этот регион просто интересно, приятно. Я думаю, что ваш журнал является рабочим местом, где можно показать читателям прелести, и в то же время проблемы этого региона.

Уямасан, спасибо за интересную беседу.

сентябрь 2010 года, Астана

СОВРЕМЕННЫЙ СУИЦИДНЫЙ ТЕРРОРИЗМ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ, ТЕЧЕНИЯ, ПУТИ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ

БЕРДАГУЛОВА САГИНТАЙ КЕНЕСОВНА

кандидат исторических наук, доцент кафедры Евразийских исследований факультета социальных наук ЕНУ им. Л.Н. Гумилева (Астана, Казахстан)

С 23 по 26 сентября 2010 года в Евразийском национальном университете имени Л.Н.Гумилева был проведен международный научный семинар на тему «Современный суицидный терроризм: происхождение, течения, пути предотвращения» в рамках реализации программы Комитета НАТО «Наука ради мира и безопасности».

Координаторами проекта стали профессор Софийского университета им. Св. Климента Охридского (Болгария), известный эксперт ОБСЕ и Евросоюза, со-консультант докторантов Ph.D ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, член редакционного совета журнала «Международные исследования. Общество. Политика. Экономика» Дронзина Т.А., ученый-эксперт Университета им. Абдельмалека Есаади профессор Эль Худайги Рашид (Марокко), а также заведующая кафедрой евразийских исследований ЕНУ им. Л.Н.Гумилева, доктор политических наук, главный редактор журнала «Международные исследования. Общество. Политика. Экономика» профессор Кожирова С.Б.

Семинар созван был с целью изучения истоков, направлений и форм современного суицидного терроризма, а также поиска способов и путей его предотвращения.

В его работе приняли участие известные ученые и исследователи из ведущих университетов Марокко, Испании, Италии, Израиля, Болгарии, Румынии, Азербайджана, Армении, Кыргызстана, Казахстана. Рабочим языком семинара был английский язык.

Семинар проходил в три этапа: презентация исследований ученых, обсуждение и анализ научных результатов; подведение итогов и оценка работы семинара, принятие резолюций; согласование и выработка планов последующей деятельности и оглашение результатов работы семинара.

Первый день работы начался с пленарного заседания на тему «Радикальные интерпретации ислама и терроризм». С интересными докладами выступили организаторы и координаторы семинара профессор Рашид Эль-Худайги и профессор Татьяна Дронзина. Оба докладчика констатировали рост масштабов и влияния терроризма, террористических актов на политическую ситуацию в мире, включая такие формы, как суицидный терроризм. По мнению профессора Эль-Худайги, эта проблема требует к себе пристального внимания со стороны ученых, экспертов, политиков для поиска методов борьбы, путей предотвращения суицидного терроризма. Болгарская гостя нашла символичным проведение этого научного семинара в Казахстане, стране, демонстрирующей всему миру свое исключительное миролюбие, толерантность, социальную стабильность и процветание. В заключение гости поздравили руководство ЕНУ им. Л.Н. Гумилева с большим достижением – включением вуза в список 500 лучших университетов мира.

В последующие дни на сессиях семинара были заслушаны доклады с результатами исследований данной проблемы по отдельным регионам: в Центральной Азии, России, на Ближнем Востоке.

По заключению экспертов, растущие проблемы мирового сообщества с конца прошлого столетия дополняются новыми вызовами и угрозами, в числе которых суицидный терроризм. Явление, истоки которого история наблюдает уже в течение тысячелетий, оформляется как локальный способ политической борьбы в 60-е годы XX века. Но именно в наше время суицидный терроризм становится повсеместным, обретает все больший размах и новые формы. Это вызывает необходимость, как утверждали участники семинара, поиска путей национального и международного противодействия современным вызовам.

Проблемы национальной и глобальной безопасности давно являются объектом научного интереса ученых, политологов, экспертов. И такая форма политических актов, как суицидный терроризм, также нуждается в глубоком научном исследовании и разработке мер по его предотвращению.

Два фактора, как следует из докладов и дискуссий ученых, определяют актуальность и потребность в наиболее полном изучении суицидального терроризма:

1. Понимание и объяснение явления «суицидный терроризм» может быть достигнуто тогда, когда оно изучено и проанализировано на трех уровнях: социальном, организационном и индивидуальном, поскольку побуждение, вызванное этими причинами, может значительно меняться;

2. Эта специфическая форма принуждения должна рассматриваться в контексте различных обществ. Поэтому исследование суицидального терроризма должно проводиться в тесной связи с другими понятиями, такими как уровни и масштабы мультикультурализма, контакты и столкновение цивилизаций, состояние мусульман-иммигрантов в западных обществах, механизмы интеграции и политика эмиграции.

Как одна из глобальных угроз безопасности, суицидный терроризм должен быть предметом академического и политического интереса.

Согласно мнению профессора Рашида Эль Худайги, за прошедшие 10 лет данная форма терроризма, больше чем любая другая форма (политического) принуждения, наложила отпечаток на глобальную политику; он соглашается с коллегами, полагающими, что это играет решающую роль в современной психополитической войне.

Весьма авторитетный эксперт и ученый из Израиля Рубен Паз дал общую характеристику явления, остановился на истории ее возникновения. Из его доклада следовало, что с начала 80-х - до конца 2005 г. были нападения террористов-смертников в Афганистане, Аргентине, Хорватии, Великобритании, Египте, Индии, Индонезии, Ираке, Израиле, Кении, Ливане, Марокко, Пакистане, России, Саудовской Аравии, Шри-Ланке, Тунисе, Танзании, Турции, США, Узбекистане, Западном берегу и Секторе Газа, Йемене. Он также привел статистические данные - согласно некоторым источникам, в 2006 г. существовало по крайней мере, 13 религиозных и секулярных террористических групп, которые использовали конфессиональный или идеологически узаконенный терроризм через самоубийство. В целом, имеющиеся данные показывают, что это число варьируется между 10 и 17.

В своих докладах испанский ученый Альберто Морено и эксперт из Румынии Кристиан Барна заметили, что суицидный терроризм демонстрирует возможность массового уничтожения людей даже без владения оружием массового поражения, что эта форма насилия меняет концепцию национальной и международной безопасности и приводит к необходимости пересмотра фундаментальных понятий безопасности.

Соглашаясь с ними, профессор Дронзина из Болгарии добавляет: «Не имея необходимого доступа к передовым технологиям и дорогим средствам, организации с относительно меньшим количеством (меньше чем сто) мужчин и женщин, убеждают их сознательно пожертвовать своими жизнями. Вызывая в процессе теракта смерть других людей, они ведут себя как эффективные внутренние и внешние политические «актеры».

Как считает исследователь Карлос Ичеве́рья из Испании, нападение с помощью самоубийц приводит к самому большому числу жертв. Он привел данные из доклада Конгресса США 2003 г. «Терроризм и Нападения Самоубийц» – они составляют 3 % всех террористических актов, но вызвали почти половину жертв. В период 2000-2003 гг. приблизительно 300 нападений смертников вызвали смерть 5700 человек в 17 странах, а количество раненых еще выше.

Третьим фактором, вызывающим интерес к изучению суицидного терроризма, является тенденция к росту количества таких нападений.

В-четвертых, по мнению доктор Хорхе Боланьос из Гранады, мы должны признать, что суицидный терроризм представляет собой серьезный вызов традиционным антитеррористическим подходам. Это наиболее проявляется в местах, где размещены самые мощные средства, необходимые для военного решения – большинство актов суицидного терроризма были совершены в 2003 г. в Ираке, несмотря на присутствия американских вооруженных сил высокого уровня.

В-пятых, как считает другой участник семинара из Болгарии Ангел Митрев, нужно подчеркнуть наиболее целеустремленный, чем когда-либо, характер нападений смертников, которые рассматривают свои действия как наказание или возмездие. Эта идея имеет мощное воздействие на общественное мнение, на его поддержку или нехватку поддержки определенной политики; этот эффект подтверждает мнение, что суицидный терроризм это «наиболее политически дестабилизирующая и в психологическом отношении исчерпывающая форма терроризма». В течение первых трех месяцев 2004 г. 26 успешных нападений террористов-смертников были запланированы в шести странах – союзниках НАТО. Два нападения имели место в Афганистане, 10 - в Ираке, 8 - в Израиле, 1 - в Турции и по крайней мере, 5 женских суицидных терактов – в Узбекистане.

Из выступлений российских коллег Моисеева С.В. и Храмчихина А.В. следовало, что нападения террористов-самоубийц рассматриваются как эффективное оружие, которое может влиять на процесс принятия решений, как на национальном, так и на международном уровне.

Интерес к исследованию суицидного терроризма вызван также, согласно выступлению ученого из Италии Валерио Де Дивитаса, фактом необходимости борьбы с ним, его предотвращения, хотя это оказывается очень трудным в силу их хорошей интегрированности в своих сообществах, их высокой мобильности и внезапности, что приводит к максимальному ущербу и потерям человеческих жизней.

Большой интерес слушателей вызвал доклад сотрудника Администрации Президента Кыргызстана Заирбека Иргешева, аргументировавшего свои доводы практическими примерами политической жизни своей республики. Профессор Ровшан Ибрагимов из Баку также анализировал в своем выступлении кавказские события последних лет.

В качестве участников и организаторов работы семинара в нем приняли участие декан факультета социальных наук, доктор исторических наук, профессор Кабульдинов З.Е., преподаватели и сотрудники, докторанты и студенты ЕНУ, кафедры Евразийских исследований.

Как и предполагали организаторы, подавляющее большинство гостей

были в Казахстане впервые. Поэтому, несмотря на интенсивный порядок работы, участники форума смогли посетить некоторые исторические места и достопримечательности столицы. Так, в музейном комплексе «АЛЖИР» они впервые узнали о такой трагической странице нашей истории, для многих это стало психологическим шоком. И напротив, в восхищение и восторг их привел Национальный культурный центр Первого Президента, где гости с интересом слушали гида, любовались «Золотым человеком». Наконец, студенты ЕНУ предоставили возможность иностранным гостям оценить их музыкальное мастерство: национальные танцы, послушать нашу домбру и высочайший степной вокал.

Вся информация по проведению семинара регулярно размещалась на сайтах Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева.

В целом, исследователи и эксперты международного семинара были весьма удовлетворены его высоким научным уровнем, обсуждение докладов сопровождалось конструктивным обсуждением, в открытых дискуссиях участвовали все международные эксперты.

При завершении работы всеми участниками семинара отмечены отличная подготовка и проведение научного форума, по итогам которого были сделаны выводы о важности и своевременности изучения проблем суицидного терроризма. Плодотворная работа семинара способствовала выработке и принятию резолюции. Согласно мнению ученых, необходимо продолжить работу по дальнейшему изучению проблемы с более широким привлечением специалистов – философов, социологов, религиоведов, историков. Кроме того, было принято решение опубликовать материалы этой работы. Часть материалов будут опубликованы в журнале «Международные исследования. Общество. Политика. Экономика».

ТҮЙІНДЕМЕ SUMMARY РЕЗЮМЕ

КИМ ГЕРМАН НИКОЛАЕВИЧ

Тарих ғылымдарының докторы, профессор,
ҚР Президенті жанындағы ҚСЗИ бас ғылыми қызметкері
(Астана, Қазақстан)

ЕУРАЗИЯНЫҢ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ БАЙЛАНЫСТАР ЖҮЙЕСİNДЕГІ ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ МЕН КОРЕЯ РЕСПУБЛИКАСЫ

Орталық Азия, ең алдымен Қазақстан Республикасы жаңа өтім нарығымен қоса, тұрақты минералды шикізат көздерінің де өмірлік маңызы зор болып табылатын Корея Республикасы үшін халықаралық қатынастарындағы жаңа басымдықтарының бірі болды. 1992 ж. қаңтардағы Қазақстан Республикасы мен Корея Республикасы арасындағы дипломатиялық қарым-қатынастарды орнатудан бастап екі ел арасындағы саяси, экономикалық және мәдени ынтымақтастық бүгінгі күнге дейін тұрақты және орнықты дамып келді. Белсенді және жан жақты бола отырып, олар зерттеушілердің назарын өздеріне аударды, сондықтан да, кейінгі онжылдықта Қазақстан мен Оңтүстік Кореяда қазақстан-корея қатынастарының жағдайы мен болашағына арналған кітаптар, монографиялар шығарылып, диссертациялар қорғалды, ғылыми форумдар өткізілді. Бірақ, отандық та, оңтүстік корейлік тарихнамада да бөлшектенген және кең қуысты болып табылады, сол себепті осы қуыстарды жүйелі және кешенді зерттеулерме толтыру қажет. Осыған орай, бір жағынан екіжақты қатынастардың параметрлерін анықтайтын мақала болса, екінші жағынан – мемлекетаралық стратегиялық серіктестікке жетелейтін жолда:

Сыртқы саясат және халықаралық қатынастар ;

- өндіріс, инвестиция, екі жақты сауда;
- мәдениет, білім және ғылым;
- Қазақстан корейліктерінің ЭКО мүмкіндіктерін пайдалана алу;
- Халықтық дипломатия және гуманитарлық байланыстар салаларындағы ынтымақтастықтың маңызды аспектілері өзекті болып табылады.

Қазақстан-Оңтүстік Корея қатынастарының жаңа кезеңі өз бастауын екі ел Президенттері Н.Ә. Назарбаев пен Ли Мен Бактың Астанада 2009 жылы мамырдағы, Сеулде 2010 жылы сәуірдегі кездесуінен алады. Екі ел басшылары мемлекеттер арасындағы қатынастар стратегиялық ынтымақтастықтың жаңа деңгейіне көтеріліп келе жатқанымен келіскен болатын. Стратегиялық ынтымақтастық жүйелі түрде екіжақты серіктестіктің барлық кешенін қамтиды және олар екі елдің мүмкіндіктерін барынша жүзеге асыруға бағытталған. 2010 жыл Кореядағы Қазақстанның мәдениет жылы деп аталып, оның бағдарламасы да толыққанды болды, ал келесі жыл Корея Республикасына жауап қайтаратын жыл болады. Оның шеңберінде Каспий теңізінен бастап Шығысқа дейінгі кеңестікке бейбітшілік, келісімді және ынтымақтастықты қамтамасыз ететін тарихи мәдени құбылыс ретіндегі еуразияшылдық идеясына арналған Халықаралық қазақстандық-корейлік ғылыми конференциясын өткізу жоспарланып отыр.

GERMAN NIKOLAYEVICH KIM

Ph.D. in History, Professor
Institute for Strategic Studies under the President of
the Republic of Kazakhstan (Astana, Kazakhstan)

THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN AND THE REPUBLIC OF KOREA IN THE SYSTEM OF INTERNATIONAL TIES OF EURASIA

Central Asia and, first of all, the Republic of Kazakhstan became one of the new priorities in the international relations of the Republic of Korea, for which new market outlets as well as stable sources of mineral raw materials are of vital importance. Political, economic and cultural cooperation between the two countries developed by stable and dynamical rates from establishment of the diplomatic relations between the Republic of Kazakhstan and the Republic of Korea in January, 1992 until the present day.

Active and all-round relations, in their turn, attracted attention of researchers, hence books and monographs were released, dissertations were defended, and scientific forums dedicated to analysis of the state and prospects of the Kazakh-Korean relations were held in Kazakhstan and South Korea last decade. But both domestic and the South Korean historiography remain fragmentary

and are characterized by presence of large lacunas which should be completed by system and integrated study. In this connection, a staged article seems to be relevant, which determines, on one hand, parameters of bilateral relations, and on the other hand, key aspects of cooperation on the way to interstate strategic partnership in such spheres as:

- external policy and international affairs;
- industry, investments, bilateral trade;
- culture, education and science;
- applying potential of ECO of the Koreans of Kazakhstan;
- public diplomacy and humanitarian interconnection.

A new stage of the Kazakhstani-Korean relations began on a meeting of presidents N.Nazarbayev and Lee Myung-bak in May, 2009 in Astana and in April, 2010 in Seoul. The heads of state agreed that relations between the two countries had reached a level of strategic partnership. The strategic partnership covers the whole complex of bilateral relations and it appeals for maximum implementation of the two countries' potentials.

2010 was the Year of Culture of Kazakhstan in Korea, the program of which was intensive, and the next year will be response for the Republic of Korea. Within its framework it is planned to hold an International Kazakh-Korean scientific conference dedicated to the Eurasianism as a historical-cultural phenomenon which determines ensuring peace, concord and cooperation on the space stretching from the Caspian Sea to the East Sea.

СЕЛИВЕРСТОВ СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

Тарих ғылымдарының кандидаты, доцент
ҚР ФБМ Мемлекет тарихи институты,
жетекші ғылыми қызметкер (Астана, Қазақстан)

«ӨЗ АДАМДАРЫ АРАСЫНДА БӨТЕН, ЖӘНЕ БӨТЕНДЕР АРАСЫНДА ӨЗ АДАМЫ»: Л.Н. Гумилев 1950 жылдар аяғында және 1960 жылдар басында еуразияшылдық жолында

Л.Н. Гумилев зерттеуші және зияткер ретінде заманауи бейеуразияшылдық және 1920 жылдардағы классикалық еуразияшылдық арасындағы байланыстырушы болды. Осыған орай, мақалада 1950 жылдар басында және 1960 жылдар аяғындағы Л.Н.Гумилевтің ғылыми жолының ерекшеліктері және оның «еуразиялық» бетбұрысына ықпал еткен жағдайлар қарастырылды. Өйткені дәл осы кезеңде оның келешектегі ғылыми тағдыры анықталды. Л.Н. Гумилев 1950 жылдар басында және 1960 жылдар аяғындағы еңбектері мен диссертациялар бойынша Батыс емес, Шығыс бойынша маман болды. Бірақ, дәстүрлік «Филологиялық» тұрғылармен шектелген ленинградтық шығыстанушылар, оның идеяларын қабыл алмады. Нәтижесінде, Л.Н. Гумилев ежелгі түріктер тарихы бойынша докторлық диссертацияны қорғағаннан кейін географиялық факультетке жұмысқа тұруға мәжбүр болды. Онда ол жаңа этнологиялық тұрғыларды жетілдіре бастады (табиғи ғылымдар аспектісі ретінде). Бірақ, бұл оны тарихшылардан бұрынғыдан да бетер алыстата берді. Мақалада

Ленинград университетінің география факультетіне ауысқаннан кейінгі Л.Н. Гумилевтің ғылыми пікірлерінің новаторлық ерекшеліктері көрсетілген. Л.Н. Гумилевтің 1950-1960 жылдарда «өз адамдары арасында бөтен, және бөтендер арасында өз адамы» болған ғалымның жағдайын сипаттауға болады. Бір жағынан, оның тарихи ғылымның перифериясына әкелді, ал екінші жағынан – бұл оның «нақты» кеңестік тарих ғылымында болмаған қажетті ғылыми бостандықты алуына себеп болды. Дегенмен, бұндай жағдай нәтижелі болып келді, өйткені Л.Н. Гумилевке кең тәртіп аралық «фронтирде» жұмыс істеуге мүмкіндік берді, оның еуразияшылдық идеясына бұрылуына ықпал етті (бұл П.Н.Савицкиймен көп жылдық хат жазысында көрініс тапқан). Осының барлығын қорытындылай келе, Л.Н.Гумилев туралы тек тарихшы-шығыстанушы ретінде емес, сонымен бірге тарихшы –«еуразия танушы» деп пайымдауға мүмкіндік береді.

SERGEY VASILYEVICH SELIVERSTOV

Candidate of historical sciences, docent
The Ministry of Education and Science of
the Republic of Kazakhstan, the History Institute,
leading research scientist (Astana, Kazakhstan)

“AT HOME AMONG STRANGERS, A STRANGER AMONG HIS OWN”: L.N. Gumilyov towards Eurasianism in the late 1950s-early 1960s

L.N. Gumilyov as a researcher and intellectual holds a connecting place between the classical Eurasianism of the 1920s and contemporary neo-Eurasianism. On this basis, the article considers features of the scientific path of L.N. Gumilyov in the late 1950s-early 1960s and circumstances which promoted him to the

'Eurasian' turn. Hence all his further scientific fate was determined in this period.

According to the dissertations and works of the late 1950s-early 1960s, L.N. Gumilyov is a specialist on the East, not the West. But Leningrad Orientalists who were restricted by traditional 'philological' approaches did not take his ideas. As a result, after defending his doctoral dissertation on the history of ancient Turks L.N. Gumilyov was forced to seek employment to a faculty of geography. There he began to develop new ethnological approaches (as an aspect of natural science). But this further alienated him from historians. The article shows innovative features of scientific views of L.N. Gumilyov after transition to the Faculty of Geography of the Leningrad University.

The situation of L.N. Gumilyov at the turn of 1950s-1960s can be characterized as a situation of a scientist who was "at home among strangers, a stranger among his own". On the one hand, it led him to being on periphery of historical science, but on the other hand – he got necessary scientific freedom, which was not in the 'real' Soviet historical science. Ultimately, such position was successful, hence it allowed L.N. Gumilyov to work on a broad interdisciplinary 'frontier', favored his turn to the Eurasian ideas (it found its expression in a multiyear correspondence with P.N. Savitsky). All this allows to talk about L.N. Gumilyov not only as a historian-orientalist, but as a historian-specialist on Eurasia.

ЕВГЕНИЙ ЮРЬЕВИЧ ВИНУКОВ

Экономика ғылымдарының докторы, Еуразиялық даму банкінің Талдау басқармасы бастығының орынбасары «ЕАДБ еуразиялық интеграцияны индикаторларының жүйесі» жобасы бойынша авторлық ұжым басшысы (Алматы, Қазақстан)

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ ЛИБМАН

Ph.D., экономика ғылымдарының кандидаты, Франкфурттық қаржы мектебінің кіші профессоры, РФА Экономика институтының аға ғылыми қызметкері, Шығыс-Қытай университетінің Ресейлік зерттеулер орталығының қауымдасқан зерттеушісі

БІРІККЕН ТРЕНДТЕРДІ САНДЫҚ БАҒАЛАУ: ЕАДБ ЕУАЗИЯЛЫҚ ИНТЕГРАЦИЯСЫ ИНДИКАТОРЛАРЫНЫҢ ЖҮЙЕСІ

Жалпы алғанда, ЕАДБ еуразиялық интеграция индикаторларының жүйесі аймақтық интеграцияның тоғыз индексін қамтиды: сауда, еңбек көші-қоны, электр энергетикасы, ауыл шаруашылығы, білім, макроэкономика, мәнерталы, фискалды және қаржылық саясат саласындағы интеграция, сондай-ақ сараптамалық сауалнаманың деректеріне негізделген кооперацияның бірқатар көрсеткіштері. Алғашқы бес индекс нарықтар интеграциясының деңгейі мен динамикасына баға береді. Соңғы төрт индекс – экономикалардың конвергенция деңгейі мен динамикасын бағалайды. Соңғы он жыл ЕИИЖ көрсеткіштер динамикасына талдау төрт негізгі тұжырымға келуге мүмкіндік береді.

Біріншіден, посткеңестік кеңістіктегі интеграция географиялық та, өзара әрекеттесу салаларының тұрғысынан да біркелі дамып жатқан жоқ.

Екіншіден, жалпы, посткеңестік кеңістік үшін интеграцияның жалпылама көрсеткіші (ТМД-12 аймағы) интеграция деңгейінің төмендегенін көрсетеді; сол уақыттағы ЕурАзЭС-5 кеңістігі (және әсіресе ЕурАзЭС-3 – үш ірі мемлекеттен шыққан топ) анағұрлым интеграцияланған болды.

Үшіншіден, посткеңестік кеңістіктегі интеграция көшбасшылары болып Қырғызстан, Армения және Тәжікстан сияқты шағын мемлекеттер қала бермек. Ірі елдер үшін жалпылама көрсеткіш едәуір төменірек, және ең алдымен бұл Ресейге қатысты. Посткеңестік кеңістікте өзара байланыстардың салыстырмалы ролін анағұрлым елеусіз ететін экономика ауқымының үлкен болуы осының себебі болып табылады.

Төртіншіден, нарықтар интеграциясының аясында ТМД аймағында кеңістіктік кластерлердің болуы айқын байқалады.

Жекеley алғанда, Орталық Азиядағы энергетика, ауыл шаруашылығы және білім салаларында интеграция деңгейі, уақыт өте келе бұл көрсеткіш төмендеп келе жатқанына қарамастан, жалпы посткеңестік кеңістікке қарағанда жоғарырақ. Сауда мен көші-қон салаларында анағұрлым қарқынды өзара байланыстар көршілес елдер арасында қалыптасады. Осы кезде, Ресей посткеңестік кеңістікте жалғыз «интеграциялық орталық» болып табылмайтынын белгілеп айтуға болады. Мысалы, көші-қон саласында кейбір посткеңестік елдер үшін Қазақстан маңызды рол ойнайды.

Келешекте Еуразиялық даму банкі, тиісті септі жариялай отырып, және ол туралы мемлекеттік органдарды, халықаралық ұйымдарды, ғылыми топтарды, БАҚ және кең жұртшылықты құлақтандырып, жыл сайынғы деректер жинау мен ЕАДБ

Еуразиялық интеграция индикаторлары жүйесінің есебін жүргізуге ниеттеніп отыр. Аймақтық интеграцияны бағалау мен елеулі жетілдірілген әдіснаманың негізінде жасалған ЕАДБ ЕИИЖ кешенді сипаты академиялық әзірлеме ретінде ғана емес, еуразиялық кеңістікте интеграцияны оң процестеріне ұқпал ететін сыртқы саясаттың қолданбалы құралы ретінде қызығушылық танытатынына сенім мол.

YEVGENIY YURIEVICH VINOKUROV

Master of Economic Sciences, Deputy Chief of the Analytic Board of the Eurasian Development Bank
Head of author's staff of the "EDB's System of indicators of Eurasian integration" project

ALEXANDER MIKHAYLOVICH LIBMAN

Ph.D., Candidate of Economic Sciences
Junior Professor of Frankfurt School of Finance,
Senior Researcher of the Institute of Economics of RAS,
Associate Researcher of the Centre for Russian Studies of the West-China University.

QUANTITATIVE EVALUATION OF INTEGRATION TRENDS: RESULTS OF THE EDB'S SYSTEM OF INDICATORS OF EURASIAN INTEGRATION

In whole, the System of Indicators of Eurasian Integration of the Eurasian Development Bank includes nine indicators of regional integration: the integration in trade, labor migration, power industry, agriculture, education, macroeconomics, monetary, fiscal and financial policy and a number of other indices of cooperation based on the data of the expert's pool. The first five indicators show the level and dynamics of integration of markets. The last four indicators estimate the level and dynamics of convergence of economies.

The analysis of the SIEI indicators for the past ten years allows making four major conclusions.

First, integration in former-Soviet countries is developing unsteadily both from the geographical point of view and the point of view of the counteraction spheres.

Secondly, the generalized index of integration for former-Soviet space in whole (CIS region -12) indicates the decrease of the integration level; at the same time the EurAsEC space-5 (and particularly the group of three largest states of the EurAsEC-3) has been more integrated.

Thirdly, the leaders of integration in former-Soviet space are small countries such as Kyrgyzstan, Armenia and Tajikistan. The summary index of integration for large states is noticeably lower and uppermost it is applied for Russia. The reason of it is again in a larger size of economy which makes the relative role of interconnections in former-Soviet countries less significant.

Fourth, we can observe existence of space clusters of integration in the CIS. In particular, in the spheres of energy industry, agriculture and education face higher level of integration in Central Asia is higher than in the entire post-soviet territory. This index is not decreased with the lapse of time. The most intensive interconnection in the field of economics and trade are formed between neighboring countries. At the same time we can ascertain the fact that Russia is not the only "integration center" of the former-soviet space. For example Kazakhstan plays not less important role for a number of former-soviet countries.

In further the Eurasian Development Bank is intended to conduct an annual data acquisition and estimation of the EDB's System of Indicators of Eurasian Integration with publication of the corresponding reports and bringing it to a notice of the governmental bodies, international organizations and scientific communities, mass-media and wide public. We hope that a complex scheme of EDB SIEI established on the basis of the developed methods of measurement and estimation of regional integration shall be needed and shall be of interest not only as an academic development but as an applicable tool of the foreign policy which stimulates positive processes of integration in Eurasian countries.

СКАКОВСКИЙ ЛЕОНИД РАЙНГОЛЬДОВИЧ

Саяси ғылымдарының докторы, Қазақстан-Ресей университетінің Геосаяси зерттеулер және халықаралық қатынастар институты директорының орынбасары

«ӨРКЕНИЕТТІ АЛТЫН КҮЗІ» ЭТНОГЕНЕЗДІҢ ИНЕРЦИЯЛЫҚ ФАЗАСЫ РЕТІНДЕ: ЖЕТІСТІКТЕРІ, МӘСЕЛЕЛЕРІ ЖӘНЕ КЕДЕРГІЛЕРІ

Осы мақалада этногенездің инерциялық фазасының артықшылықтары мен кемшіліктеріне деген Л.Н.Гумилевтің көзқарастарына талдау жасалады. Мәселенің адамгершілік-

эстетикалық аспектілеріне ерекше назар аударылады. Автордың пайымдауына, Л.Н.Гумилевтің теоретикалық-әдіснамалық мұрасы постдағдарыстық әлемнің қауіптерін түсінуде маңызды роль атқаруы мүмкін.

LEONID RAYNGOLDOVICH SKAKOVSKY

PhD in Political Science, Deputy Director of the Institute for Geopolitical Studies and International Relations of the Kazakh-Russian University

**«THE GOLDEN AUTUMN OF CIVILIZATION»
AS AN INERTIAL PHASE OF ETHNOGENESIS:
ACHIEVEMENTS, PROBLEMS AND COSTS**

The article provides an analysis of L. N. Gumilyov's views on advantages and disadvantages of the inertial phase of ethnogenesis. Special attention is given to moral and ethical aspects of the problem. According to the author, L. N. Gumilyov's theoretical and methodological heritage can play an important role in understanding the challenges and threats of the post-crisis world.

ТОКАРЬ ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ

Әлеуметтану ғылымдарының кандидаты, доцент,
Еуроодақ сарапшысы,
Қазақстан Республикасындағы
Украина Елшілігінің Кеңесшісі

**«ЕУРАЗИЯЛЫҚ КЕҢІСТІКТЕГІ КӨШІ-ҚОН САЯСАТЫ:
МӘСЕЛЕНІ ЗЕРТТЕУГЕ КОНЦЕПУАЛДЫ ТҮРҒЫДАН
ҚАРАУ»**

Мақалада Еуропа мен Азияның бірқатар елдеріндегі көші-қон жағдайына, Орталық Азия елдерінен Еуроодақ елдеріне заманауи көші-қон ағымдарының жолдары мен себептеріне талдау жасалған. ЕО және ОА елдеріндегі көші-қон саясаттың, көші-қон қызметінің, олардың бағыныштылығы мен заңнамалық базасының өзгешелігінің, дамыған еуропалық елдердің қызметтеріне бейімделудің ерекшеліктеріне назар аударылған. Автор Орталық Азия елдеріндегі көші-қон тақырыбын кешенді зерттеудің қажеттілігін көрсетіп, дәлелдеді, ғылыми ізденіс жоспарлары, сондай-ақ Л.Н.Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің әлеуметтік ғылымдар факультетінде алынған алғашқы аймақтық нәтижелер туралы айтып (факультеттің деканы профессор Зиябек Қабылдинов). Сонымен бірге мамандар мен жұртшылық, басшылықтың сәуір айында ынтымақтастық туралы келісім-шарт жасасқан, басқа елдердің зерттеушілерімен ғылыми байланыстары орнатылған, «Тату көршілік көпірлер» [жетекшісі Ольга Черкез, Украина] Еуроодақтың халықаралық жобасының ұйымдастырушысы, сондай-ақ «Хайматгартен» ФРГ (директоры Фолькер Тегелер) АВО-мен тығыз байланысты орнатқандығы туралы құлақтандырылды. АВО «Хайматгартен» зерттеу жұмысында, жекелей алғанда, Еуропа, Украина және Ресейдің бірқатар елдерінде көшіп қонысушылар және резиденттермен тәжірибелік жұмысты ұйымдастыру бойынша, олардың әлеуметтік бейімделуі мен психологиялық сауықтыру бойынша бөлімшелер мен ғылыми-зерттеу жобаларын жасауда үлкен тәжірибеге ие. Олардың қатысуымен өткен жылдың 6 сәуірінде «Еуропа мен Орталық Азия елдерінде тұрғындардың миграциясы (көші-қон) және иммиграцияның (көшіп келуі) негізгі үрдістері» деген тақырыпқа ЕҰҰ әлеуметтік ғылымдар факультетінің негізінде өткен «Дөңгелек үстел» отырысы, 2010 жылға көзделген көші-қон мәселелерін ірі ауқымды зерттеудің бірінші кезеңі болды. Бұл кезеңде ғалымдар, мамандар мен сарапшылар, көші-қон үдерістерін зерттеудің тарихи, статистикалық және саяси әдістерін қолдана отырып, өздерінің алғашқы ғылыми жұмыстарын ұсынды, содан кейін, өткен жылдың қазан айында, екінші кезеңде – ғылыми семинарда – алдыңғы ғылыми жұмының құшімен алынған зерттеудің келесі кезеңінің нәтижелерін көрсетті. Ақырында, бұл қомақты жұмыс желтоқсан айында аяқталады – Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеттің негізінде халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференция өткізіледі.

Автор, АВО «Хайматгартен» ФРГ көмегімен Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰҰ ректораты мен әлеуметтік ғылымдар факультетінің деканаты құрылатын Көші-қон зерттеу орталығы көші-қон, мониторинг, болжау және көші-қон процестерін жоспарлау мәселелерін зерттеуді тереңдету жолында жаңа мүмкіндіктер береді, Қазақстанның көші-қон саясатының негізгі бағыттарының жасалуы мен бейімделуінің әсерлі ғылыми-әлістмелік базасына айналады деген тұжырымға келеді.

П.Токарьдың пайымдауына, зерттеудің келесі кезеңі 2011 жылы ОА аймағы және Қазақстанның түрлі ұлттық және әлеуметтік топ өкілдерінің көші-қон себептерін зерделеуді мақалада аталған әдістерден басқа (тарихи, статистикалық, саяси), әлеуметтану әдістерін пайдалана отырып, Қазақстан

Республикасының билік органдарының саяси, келешектік-болжам және ұйымдық-тәжірибелік жұмысында, сондай-ақ Еуроодақтың қарым-қатынастарында пайдалану үшін тұжырымдарды жасау мен ұсыныстарды дайындау көші-қон тақырыбын зерттеудің өзіндік ғылыми-әдіснамалық негізінің қалыптасуына қозғаушы күш болады.

PYOTR VASILYEVICH TOKAR

Candidate of Social Science, Associate Professor
European Union Expert
Councillor of the Embassy of Ukraine in
the Republic of Kazakhstan

**«MIGRATION POLICY IN EURASIA:
CONCEPTUAL APPROACH TO STUDYING
THE PROBLEM»**

This article offers an analysis of the conditions of migration policy in a number of countries of Europe and Asia, the reasons and ways of the modern migration processes from the countries of Central Asia and the countries of European Union. It draws the readers' attention to the peculiarities of the migration policy of EU and CA countries, the activity of migration services, their subordination and the specificity of the legal base, capability to be adopted for the services of the developed European countries.

The author highlights and substantiates the urgent necessity in complex study of the problem of migration in Central Asia, describes the plans on scientific researches as well as on the first rational results got at the Faculty of Social Science of the Eurasian L.N. Gumilyov National University (the dean of the faculty is Professor Mr. Ziyabek Kabuldinov). At the same time the experts and the society were informed that the administration of the faculty had established close relations with "ABO Heimatgarten" in Germany (Folker Tegeler, the director), as well as with the organizer of the "Neighbourliness Bridges" - the international project of the European Union (the Supervisor is Olga Cherkez, Ukraine) – and in April of the current year an association agreement was signed with these persons. Besides, scientific relations were established with the foreign researchers. "ABO Heimatgarten" has a wide experience in research and practical work, especially in launching research projects and establishment of subdivisions for organization of work on interaction with migrants and re-emigrants, their social adaptation and psychological rehabilitation in a number of countries of Europe, Ukraine and Russia.

The "round table" session on "Major tendencies of migration and immigration in European and Central Asian countries: challenges and ways of their regulation" held on April 6, 2010 with the participation of the above-mentioned organizations on the ground of the Social Science Faculty of the L.N. Gumilyov ENU has become the first stage of a large-scale study of migration problems meant for 2010. At this stage the scientists, experts and analysts presented their first scientific groundwork using historical, statistical and political methods of studying the migration processes. At the second stage within the scientific seminar held in October 2010 the results of the current stage of research were presented. These results were received due to the efforts of the earlier formed scientific staff. This work will be completed in December with organization of an international research conference at Eurasian National L. N. Gumilyov University.

The author makes a conclusion that the Center for Migration Studies which has been establishing by the administration and dean's office of the L.N. Gumilyov ENU in association with "ABO Heimatgarten", Germany provides new opportunities of intensification of studying the migration processes, monitoring, forecasting and planning the migration processes, and it shall be an effective research basis for adaptation and elaboration of main directions of migration process in Kazakhstan.

In the opinion of P. Tokar the next stage of the study scheduled for 2011 is supposed to focus on motivation and root causes of migration among the representatives of various national and social groups of Kazakhstan and CA population through application of sociological methods together with the methods mentioned in the article (historical, statistical and political). It will also aim at elaboration of appropriate recommendations which may be used in political, forecasting and organizational-practical work of Kazakhstani authorities as well as in relations with the EU countries and it will give a new impulse to formation of own research and methodological basis for complex study of the migration problems.

ПОЛЕТАЕВ ДМИТРИЙ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ

Экономика ғылымдарының кандидаты
Ресейлік Ғылым Академиясының халықтық-шаруашылық
болжау Институтының Жетекші ғылыми қызметкері
(Мәскеу, Ресей)

БАСҚА ЕЛДЕРДІҢ ЖОҒАРҒЫ ОҚУ ОРЫНДАРЫМЕН САЛЫСТЫРМАЛЫ ТҮРДЕ РЕСЕЙЛІК ЖОҒАРҒЫ ОҚУ ОРЫНДАРДАҒЫ ОҚИТУДЫҢ КЕЛЕШЕГІ ТУРАЛЫ ҚАЗАҚСТАНДЫҚ МЕКТЕП ОҚУШЫЛАРЫНЫҢ ОЙ-ПІКІРЛЕРІ

«Қазақстаннан Ресейге оқу миграциясы Кедендік одақты дамыту шеңберіндегі стратегиялық ынтымақтастық аспектілерінің бірі ретінде» халықаралық әлеуметтік жоба шеңберінде «Астана қаласында 2010 ж. мамырда қазақстандық мектептердің 200 тұлғегіне қазақстандық талапкерлері оқу үшін жоғары оқу орынын таңдаудағы тілектері мен ниеттерін, қалауларын бағалау үшін сауалнама жүргізілді. Мақалада қазақстандық мектеп тұлғелерінің мынадай мәселелер бойынша пікірлеріне талдау жасалады: қандай да бір елді таңдаудағы стратегиясы және оқуға түсейін деп отырған жоғары оқу орыны, қаласы, елі туралы ақпараты, шетелде оқу кезінде кездесетін мәселелер, РФ-да оқу кезіндегі жеке бас қауіпсіздіктері, Қазақстанда шетелдік дипломмен келіп жұмысқа орналасу мүмкіндіктері мен болашағы, шетелдік жоғары оқу орындарына түсу үшін дайындық, миграциялық және болашаққа деген ниеттері сарапталды.

Мақала Еуразиялық банктің қолдауымен өткізілген Астана мен Мәскеу қалаларында 2010 жылы мамыр–қазан айларында Қазақстаннан Ресейге оқу миграциясы Кедендік одақты дамыту шеңберіндегі стратегиялық ынтымақтастық аспектілерінің бірі ретінде» халықаралық әлеуметтік жоба қорытындылары бойынша жазылды.

DMITRIY VYACHESLAVOVICH POLETAYEV

The Candidate of Economic Sciences

The Senior Researcher

Institute for National Economy Forecasting of the Russian Academy of Science, (Moscow, Russia)

THE OPINION OF KAZAKHSTAN SCHOOLCHILDREN ABOUT THE PROSPECTS OF EDUCATION IN RUSSIAN UNIVERSITIES IN COMPARISON WITH UNIVERSITIES OF OTHER COUNTRIES

In May, 2010 in Astana within the framework of the international sociological project "Educational migration from Kazakhstan to Russia as one of the aspects of strategic cooperation within the framework of the Customs Union development" a questionnaire survey was conducted with 200 Kazakh school leavers for assessment of their intentions and preferences in choosing higher educational institutions for training by the Kazakh applicants.

The article analyzes opinions of the Kazakh school students on such issues as a strategy of choosing a country for obtaining education and information sources about a higher educational institution intended for education, about a city and a country, problems with studying abroad, personal safety during obtaining education in the Russian Federation, employment prospects in Kazakhstan with a diploma of a foreign university, migration intentions and plans for the future.

The article was written following the results of the international sociological project "Educational migration from Kazakhstan to Russia as one of the aspects of strategic cooperation within the framework of the Customs Union development" which was held under support of the Eurasian Development Bank in Astana and Moscow in May–October, 2010.

МАРЛЕН ЛАРИУЭЛЬ

Қауіпсіздіктің дамуы және саясаты жөніндегі институт және Джонс Хопкинс университетінің жетекші халықаралық зерттеулер факультетімен серіктестік қатынастарды қолдайтын, «Жібек жолы» біріккен орталығының зерттеу бағдарламасының, Кавказ және Орталық Азия институтының аға ғылыми қызметкері, Ph.D (Вашингтон, АҚШ)

(НЕО)ЕВРАЗИЯЛЫҚ АР ЖӘНЕ САЯСАТ: МЕМЛЕКЕТТІК ЖҮЙЕГЕ "КІРУ" ЖӘНЕ ҚОҒАМДЫҚ ПІКІРДЕГІ АЙЫРМАШЫЛЫҚТАР?

Қоғамның холистикалық көзқарастарын негізге ала отырып, (Нео) – Еуразиялықтар демократиялық жүйеге күмән келтіре бастайды: олар, саяси партиялар қоғамды біріктіргеннің орнына, оны бұзып жатыр деп есептейді; және парламенттік ойындар үстірт болып келеді және терең ұжымдық қауіптерге жауап бермейді. Бұл оларға өз ұстанымдарын айқындауға кедергі келтіреді: олар білімпаз ойлардың мектебіне айналғылары келе ме, «Еуразия» деген атауы бар ағзаның тіршілік етуін дәлелдеу кімнің мақсаты болады, олар өздерін электоратын іздеуші саяси партиямын деп есептей ме немесе олар шешім қабылдаушы саяси және

экономикалық беделді тұлғаларға мүдделі ме? Барлық Нео-еуразиялық қозғалыстар, егер заңдылықтың түрлі тәртіптері қолданыста болатын қоғамдық орта ретінде түсінетін болса, саясатқа қатысты өз тұрғыларында екі ұшты болып қалады. Кейбір жағдайларда, Еуразиялықтар мен Нео-Еуразиялықтар коммунистік идеялар, КСРО, және кеңестік мұраны, сондай-ақ олардың пікірінше, өздерінің елдері үшін анағұрлым келісті конституциялық тәртіпті жақтайды. 1990 жылдардан бастап немесе соғыстан кейінгі уақытта қатты шектелген ұйымдық қолдауды (Нео)-Еуразиялықтар ғана алған жоқ; тіпті олардың өздерінің саяси шамшылдықтары қатты шектеулі болып табылады. Шын мәнінде, олар саяси билікті жаулап алу ең алдымен мәдени билікті жаулап алуды талап етеді деп пайымдайды. Осылайша, сайлау деген басты кезең болып есептелмейді. 1820 ж. Еуразиялықтар сияқты Нео-Еуразиялықтар да, мемлекеттік органдарға өз идеологиялық энтризмдеріне қарағанда, онша елеулі емес батыс ерекшелігі деп өздері қарастыратын ресми саяси ойынға аз көңіл бөледі: бұрынғы Еуразиялықтармен болған жағдайда бұл Кеңес Одағы және Коммунистік партия, және Президент әкімшілігі, сондай-ақ олардың successors жолын ұстаушылардың стратегиясындағы орталық және аймақтық биліктер болды.

MARLENE LARUELLE

senior staff scientist of the Institute of Central Asia and Caucasus and "Silk Way" Research Program – a joint center which maintain partnership relations with the Faculty for Leading International Researches of James Hopkins University and the Institute of Politics and Development Security, Ph.D (Washington, USA)

THE (NEO)EURASIANISTS AND POLITICS: ENTRYISM IN STATE STRUCTURES OR INDIFFERENCE TOWARD PUBLIC OPINION?

Based on their holistic view of societies, the (Neo-)Eurasianists challenge the democratic system: they believe that political parties split society instead of bonding it; and parliamentary games are superficial and offer no response to profound collective anxieties. This makes it difficult for them to define the status of their pronouncements: do they want to be a school of scholarly thought whose objective would be to prove the existence of an entity named "Eurasia," do they think of themselves as a political party in search of a constituency, or are they merely interested in influencing political and economic decision-makers? All the (Neo-)Eurasianist movements are ambiguous in their attitude toward the political, if this is understood as a public sphere where different modes of legitimacy are at work, be they electoral or depending on other forms of social consensus. On several occasions, Eurasianists and Neo-Eurasianists have taken a stand on communism, the USSR, and the Soviet heritage, as well as on the constitutional regime that they believe would be best for their country. Not only have the (Neo-)Eurasianists enjoyed highly limited organizational support, be it in the interwar period or since the 1990s; but even their own political ambitions are strongly qualified. Indeed, they presuppose that the conquest of political power requires that they first capture cultural power. Thus elections are not really crucial. Like the Eurasianists of the 1920s, the Neo-Eurasianists attach less importance to the formal political game, which they see as a Western import of little relevance, than to their ideological entryism into state bodies: those of the Soviet Union and the Communist Party in the case of the earliest Eurasianists, and the presidential administration and central and regional authorities in the strategies of their successors.

СЕБАСТЬЯН ПЕЙРУС

Қауіпсіздіктің дамуы және саясаты жөніндегі институт және Джонс Хопкинс университетінің жетекші халықаралық зерттеулер факультетімен серіктестік қатынастарды қолдайтын, «Жібек жолы» біріккен орталығының зерттеу бағдарламасының, Кавказ және Орталық Азия институтының аға ғылыми қызметкері, Ph.D (Вашингтон, АҚШ)

ОРТАЛЫҚ АЗИЯ ЖӘНЕ ЕО АРАСЫНДАҒЫ ІСКЕРЛІК ЖӘНЕ САУДА ҚАТЫНАСТАРЫ

Экспоненциалды өсіп келе жатқан Қытай және Ресейдің үнемі қатты дамып келе жатқан қыпалымен қауығысып қалған Еуропалық Одақ өзіне Орталық Азиядан орын тауып алуға талпыныс жасайды. Еуропалық Одақ және Орталық Азия елдері арасындағы серіктестік туралы жарияланғанмен, олардың арасындағы өзара қатынастар шектеулі болып қала береді. Қандай-да бір жалпы ұзақ мерзімді стратегияның жоқтығымен тежелген бұл қарым-қатынастар Брюссельдің өз саяси және экономикалық мақсаттарын реттеуге деген қабілетсіздігі алдында әлсізденіп қалды. Сонда да 2007 жылдан бастап ЕО Орталық Азияға анағұрлым құрылымды диалог енгізуге талпыныс жасады және өзінің экономикалық ықпалын өсіре бастады: бүгінгі күнде ол бес елдің негізгі сауда серіктестерінің бірі болып келеді және қатысушы-елдердің екі жақты экономикалық қатынастарын ғаламдық деңгейге шығаруға әрекеттенеді, бұл Орталық Азияның

қоғамдастығына анағұрлым кең ықпал етуге алып келер еді. ЕО экономикалық қатысуы оған аймақтағы еуропалық мақсаттарға қол жеткізуге ықпал етуге мүмкіндік береді: Орталық Азия және ЕО арасындағы барлық қатынастардың топтасуы, нарықтардың шектеулі санынан тым үлкен тәуелділіктен Орталық Азия елдерін қорғау, азаматтық қоғамның институттарын нығайту. Бұл мақала келесі үш элементтен тұратын балансты құруға әрекеттенеді: ол Орталық Азия мен ЕО арасындағы сауда қатынастарының жағдайын зерделейді (энергетикалық секторды есептемегенде); ЕО түрлі аймақтары мен ЕО қатысушы-мемлекеттер үшін әрқайсысының экономикалық мүдделерінің алуан түрлілігін қарастырады; сондай-ақ еуропалық компаниялар өздерін жақсы жағынан жариялаған негізгі секторларды көрсетеді.

СЕБАСТЬЯН ПЕЙРУС

старший научный сотрудник Института Центральной Азии и Кавказа и исследовательской программы «Шелковый путь» – объединенного центра, поддерживающего партнерские отношения с факультетом переводовых международных исследований Университета Джона Хопкинса и Институтом по политике и безопасности развития, Ph.D (Вашингтон, США)

ДЕЛОВЫЕ И ТОРГОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ЕС И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИЕЙ

Столкнувшись с экспоненциально растущим присутствием Китая и с постоянно растущим сильным влиянием России Европейский союз пытается найти для себя место в Центральной Азии. Несмотря на громкие заявления о партнерстве между Европейским союзом и странами Центральной Азии, взаимные отношения между ними остаются весьма ограниченными. Сдерживаемые отсутствием какой-либо общей долгосрочной стратегии, эти отношения ослабились перед лицом неспособности Брюсселя урегулировать свои политические и экономические цели. Тем не менее, начиная с 2007 года, ЕС попытался вести более конструктивный диалог в Центральной Азии и начал наращивать свое экономическое влияние: на сегодняшний день он является одним из основных торговых партнеров пяти стран и он стремится вывести двусторонние экономические отношения стран-участниц на глобальный уровень, что могло бы привести к более широкому влиянию на сообщества Центральной Азии. Экономическое участие ЕС позволяет ему способствовать достижению европейских целей в регионе: консолидация всех отношений между ЕС и Центральной Азией, защита стран Центральной Азии от слишком большой зависимости от ограниченного количества рынков, помощь в укреплении институтов гражданского общества. Данная статья пытается составить баланс следующих трех элементов: она изучает состояние торговых отношений между ЕС и Центральной Азией (за исключением энергетического сектора); рассматривает многообразие экономических интересов каждой из стран-участниц ЕС и различных регионов ЕС; а также представляет основные секторы, в которых европейские компании уже хорошо заявили о себе.

СОЛОЗОВОВ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ

Саясаттанушы
Ұлттық стратегия институтының халықаралық жобалары бойынша директор (Мәскеу, Ресей)

ЖАҢА ЕУРАЗИЯШЫЛДЫҚ – СӘНДІ БРЕНД ПЕ НЕМЕСЕ ӨЗЕКТІ ДОКТРИНА МА?

«Еуразияшылдық» идеологиясының өзі өз даму кезеңінде «уақыттың үш түрлі бояуынан өтті» - постимперлі – ресейлік /1/, имперлі-кеңестік /2/ және посткеңестік /3/ кезеңдер. Және олардың әрқайсысының ерекше мағыналық акценті болды.

Алғашқы еуразиялықтар-эмигранттар 1920 жылдары «еуразияшылдықтың» басты міндеті – бұрынғы империяның қол астындағылардың барлығына жалпы тағдырдың идеясына сендіру деп білді. Кеңес Одағы ыдырағаннан кейін еуразияшылдықтың идеялары теңгерімді «эрэц-идеология» ретінде сұралып дамығандығы бізді таң қалдымайтын шығар. «Еуразияшылдық» деген терминнің өзі «кеңес» деген сөздің синониміне тез айналды, бірақ оның теріс коннотациясы болған жоқ!

Егер тарихи дерекке мән берсек, соңғы 16 жылдағы еуразиялық кеңістіктегі ықпалдастықтың бастамалары Қазақстаннан, дәлірек айтқанда, Қазақстан Президентінен өрбін отырғанын айқындайды. Ол 1994 жылы Мәскеу университеті мінберінен Еуразиялық Одақ идеясын алғашқы болып көтерген болатын. Одан бері әлемнің өзі қатты өзгеріп, саясат ағыны қаншама толқиса да, бұл жобаның тұрақты өміршеңдігі мен өзектілігін уақыттың өзі-ақ дәлелдеп келеді. Мұның өзі таңғаларлық факт. Көптеген әлемдік зерделі зерттеушілердің өзі посткеңестік кеңістікте ықпалдастық тудырған негізгі күш – Қазақстан Президенті екенін бүгінде сөзсіз мойындап отыр. Ресейлік философ В.Цымбурскийдің пайымдауы бойынша, Нұрсұлтан Әбішұлы мүлдем мүмкін болмайтын нәрсені жасады. Ресейлік геосаяси

мектептің негізін қалаушы, назарбаев тұжырымдамасы «Ресей мен Қазақстанды исламның ымырашылдықпен қақтығысу кеңістігінен шығара алды».

Бүгінде Қазақстан – мұсылмандық және еуропалық қоғамдастықтар арасындағы делдал ретінде танылып отыр. Еуразияшылдыққа жаңа көзқарасты Еуразияның жүрегіндегі геосаяси «хартлендте» орналасқан, жас мемлекет – нақ осы Қазақстанның өзі ұсынып отырғандығы қуанарлық жағдай. Президент Н.Ә.Назарбаев Қазақстанның – «Батыс пен Шығыс елдері арасындағы берік, әрі қауіпсіз көпірі болу» тарихи тапсырмасын жете түсініп отыр. Жаңа еуразияшылдық тәжірибеде, әр ұлттың «немесе дәлірек айтқанда өркеніеттің әр кеңістігі» оған органикалық түрде тән болып келген дамудың қандайда бір тарихи үлгісінде өзін табысты шыңдап, көрсететіндігін дәлелдеді. Жаңа еуразияшылдықты, ұлттық немесе өркеніетті контекстен берілген, «жалпы адамзаттың» және «амбебаптан» артықшылығы болады деген тұжырым ретінде сипаттауға болады. Н.Ә.Назарбаевтың айтуына қарағанда, «бір қарқынды әлем» және «амбебап өркеніет» - бұның өзі көнерген құрғақ қиял болып келеді. «Әлемнің алуан түрлі аймағының этникалық тарихы, мәдениеті, дәстүрлері, өмір салтын елемуге болмайды. Олай болмаған жағдайда, бұл фундаменталды дағдарысқа әкеліп соқтыруы мүмкін, оның негізінде дамудың батыстық үлгісіндегі социалды, мәдени және діни қабыл алмаушылығы жатыр» – деп атап өтті Елбасы.

YURIY MIKHAYLOVICH SOLOZOVOV

Political Scientist
Director for International Projects of the Institute of National Strategy (Moscow, Russia)

NEW EURASIANISM – A FASHION BRAND OR AN URGENT DOCTRINE?

The ideology of “Eurasianism” on its own at the beginning of its evolution has gone through the change of “three colors of time” - Russian post-imperial /1/, Imperial-Soviet /2/ and post-Soviet /3/ periods. And each stage had a special semantic accent.

For the first emigrants-Eurasianists in 1920s the notion “Eurasianism” had one purpose only – inspiration of an idea of a common destiny for all participants of former Soviet Empire. It is not surprising that after the collapse of the Soviet Union the idea of Eurasianism started to develop spontaneously as a kind of compensatory “ersatz-ideology”. And the term of “Eurasianism” on its own has rapidly become a synonym of the word “Soviet” however without a negative intonation!

The real breakthrough of this ideological and geopolitical deadlock has been the speech by Nursultan Nazarbayev, the President of the Republic of Kazakhstan, delivered at the Moscow University in 1994 who has brought towards the breaking idea of the new Eurasianism. According to V. Tsymburskiy, the Russian philosopher, Nursultan Nazarbayev had done practically impossible thing. The founder of Russian geopolitical school wrote that Nazarbayev’s conception “made possible the exclusion of Russia and Kazakhstan from the area of confrontation between Islam and Liberalism having put it beyond strife of “propertied” and “non-propertied” worlds at all”. Today Kazakhstan is a recognized mediator between the Muslim and European communities.

It is notable that a new viewpoint on Eurasianism has been initiated by Kazakhstan – a young country located in geopolitical heartland, in the heart of Eurasia. President Nursultan Nazarbayev realizes the historical mission of Kazakhstan “to be a stable and safe bridge between the countries of West and East”. The new “Eurasianism” in practice proves the fact that each nation (or more exactly each area of civilization) expresses and successfully realizes itself in its organically inherent form of development. The idea of “Eurasianism” may be characterized as a conception for which an “own”, i.e. something which is assigned by national or civilization context dominates over “humankind” and “universal”. According to N.A. Nazarbayev the “one-dimensional world” and the “universal civilization” are the archaic utopias. “You can’t ignore the life style, traditions, culture, ethnic history of different regions of the world. Otherwise it may cause a fundamental crisis with a social, culture, religious rejection of the western model of development” - those are the words of the Head of Kazakhstan state.

ЕВГЕНИЙ ЮРЬЕВИЧ ВИНУКОВ

Экономика ғылымдарының докторы, Еуразиялық даму банкінің Талдау басқармасы бастығының орынбасары «ЕАДБ еуразиялық интеграциясы индикаторларының жүйесі» жобасы бойынша авторлық ұжым басшысы (Алматы, Қазақстан)

ПОСТКЕҢЕСТІКТЕН ЕУРАЗИЯЛЫҚ ИНТЕГРАЦИЯҒА ҚАРАЙ

«Еуразиялық интеграция» термині ТМД және ЕурАзЭС елдерінің посткеңестік кеңістігінің интеграциясын жарқын, әрі қолайлы белгілеу үшін жиі қолданылады. Барлық континентті қамтып отырған еуразиялық интеграцияға назар аударудың уақыты келмеді ме?

Еуропалықтарға тарих пен экономикаға деген еуропалық орталықтандырылған көзқарасан кету қиын. Азия мемлекеттері үшін ауырпалылық орталығы континенттің шығысында жатыр, бұл тарихпен де, азиаттық экономикалардың серпінді өсіп келе жатқан салмағымен де айқындалады. Континенталды еуразиялық интеграцияның келешегін бәрінен бұрын және бәрінен жақсы Ресей мен Орталық Азия мемлекеттері ұғына алады.

«Еуразиялық айырбас» терминін пайдалану тартымды, әрі нәтижелі болмақ. Еуразиялық айырбас феномені (Eurasian exchange) континенттің аймақтары арасында көші-қон ағындары, технологиялар, идеялар және тауарлармен өзара алмасуды білдіреді. Соңғы мыңжылдық еуразиялық айырбастың үш ірі кезеңінің куәгері болды.

Айта кету керек, өз алғышарттары мен мақсаттарында қалыптасып келе жатқан «экономикалық еуразиялық» 1920-30 жылдардағы классикалық еуразиялықпен де, А.Дугиннің еуразиялық пікірімен де айырмашылық болуы.

Еуразиялық «суперконтинент» интеграциясының механизмдері қалай дамиды? ЕС, Қытай, Үндістан, Ресейдің посткеңестік кеңістікті тарту орталығы ретінде және Түркияның исламдық Батыс Азияның туыла бастаған көшбасшысы ретінде – бірқатар күш орталықтарының болуы – ұлттық емес сипаттағы бір континенталды интеграциялық ұйымның пайда болуын күмәнді етеді. Жеке тапсырмалардың шешіге бағытталған көпжақты келісімдердің әр түрлілігін қамтыған «спагетти табағы» сияқты интеграцияның желілік құрылымы анағұрлым ықтимал. Корпоративті және бейформалдық байланыстар негізгі ролді ойнайды. Тоффлер терминдерінде, еуразиялық интеграция тізбекті емес, икемді, үнемі өзгеріп тұратын құрылымы бар «үшінші толқын» интеграциясына айналады. Икемділігі мен өзгеру қабілеттілігі оның күшіне айналуы мүмкін.

Континенталды еуразиялық интеграцияның туа бастаған феноменін зерделеу зерттеушілер алдына бірқатар сұрақтарды қояды. Кім негізгі авторлары болып табылады – нарықтық субъектілер ме әлде мемлекеттер ме? Формалдық және бейформалдық интеграцияның ара қатынасы қандай? Жеке аймақтарда (Еуропа, ТМД, ислам әлемі, Оңтүстік-шығыс Азия) интеграциялық үдерістерді және трансконтиненталды процестердің ара қатынасын қалай белгілеуге болады? Интеграцияның тереңдеуі мен кеңеюі сұрақтарын қалайша үйлестіруге болады? Оның негізгі бағыттары қандай? Осы сұрақтардың аясында континенталды еуразиялық интеграцияның феномені жүйелік тұрғыдан түсіндірілуі мүмкін.

YEVGENIY YURIEVICH VINOKUROV

Master of Economic Sciences, Deputy Chief of the Analytic Board of the Eurasian Development Bank
Head of author's staff of the "EDB's System of indicators of Eurasian integration" project

FROM FORMER-SOVIET INTEGRATION TO EURASIAN INTEGRATION

The term of "Eurasian Integration" is often used for a convenient and vivid identification of integration in post-soviet countries, the countries of the CIS and EurAsEC. Is it not the high time to pay attention to Eurasian integration which covers the whole continent?

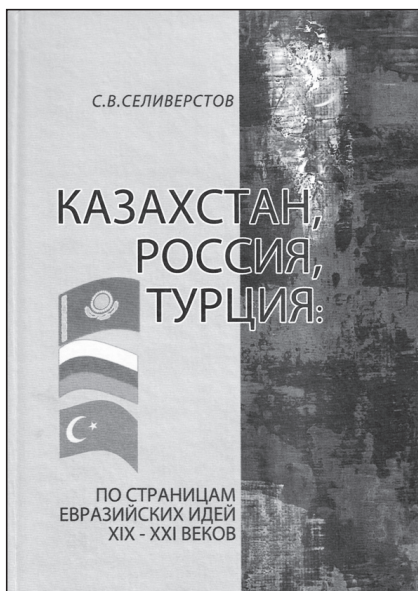
It is difficult for Europeans to avoid the Eurocentric point of view of history and economy. And for Asian states the "center of gravity" normally lies in eastern part of the continent which is determined both by the history and rapidly growing authority of the Asian economies. The best of all and the earliest of all are the prospects of continental Eurasian integration may be realized by Central Asian countries and Russia.

The notion "Eurasian exchange" is attractive and fruitful. The phenomenon of Eurasian exchange means a mutual exchange of products, ideas, technologies and migration flows between the regions of the continent. The past millennium witnessed three large periods of Eurasian exchange.

It is necessary to note the fact that in its preconditions and purposes the forming "economic Eurasianism" deeply differs both from the classical idea of Eurasianism of the 1920-30s and neo-Eurasianism of A. Dugin.

How will the mechanism of integration of the Eurasian super-continent develop? The existence of a number of powerful empires – the EU, China, India and Russia as a centre of attraction for the post-Soviet states and Turkey as a rising leader of the Islamic Western Asia – makes emergence of one continental supranational integration organization impossible. The network structure of integration, a "bowl of spaghetti" of different kinds of multilateral integration directed on solution of current tasks is more likely. Corporative and informal connections play a key role. According to Toffler, the Eurasian integration shall be an integration of a non-linear and flexible "third wave" with a constantly changing structure. The flexibility and the variability may become its power.

The study of the arising phenomenon of the continental Eurasian integration puts a number of questions towards researchers. What are the key factors? Are they market subjects or subjects of government? What is the correlation between the formal and the informal integration? How to collate the integration processes in different regions (Europe, CIS, Islamic world and Southeast Asia) and what are the transcontinental processes? How to combine the processes of expansion and deepening of the integration? What are its main directions? The systematic interpretation of the phenomenon of continental Eurasian integration shall be built around these questions.



Селиверстов Сергей Васильевич

Қазақстан, Ресей, Түрік елі: XIX-XXI ғасырлардағы еуразиялық идеяларға шолу

Кітапта XIX ғасырдың екінші жартысынан бастап XXI ғасырдың басына дейінгі ауқымды хронологиялық кезең бойы «Еуразиялық идеялардың» қалыптасу мен даму тарихының басты аспектілері жайлы айтылады. Тақырыпты қарастыру Қазақстанның, Ресей мен Түрік елінің қоғамдық – саяси ойы жұртшылық назарына ұсынылған материалға негізделген. Еуропалық идеялар мен ресейлік зерттеушілердің (Н.Я.Данилевский, К.Н.Леонтьев, Г.Н.Потанин, П.Н.Савицкий, Л.П.Гумилев) және түрік ойшыларының (И.Гаспринский, Ю.Акчур, З.Гекальп, Ә.Бөкейханов, М.Шокай, К.Карпат) тұжырымдамалары көрсетілген. 1990-шы – 2000-шы жылдарда Қазақстанда, Ресейде, Түрік елінде дамытылатын өзекті еуразиялық қауымдастық туралы олардың бастамалары қоғамдық санада XIX ғасырдың екінші жартысында – XXI ғасырдың басында қалыптасқандығы анықталған.

Қазақстанның Президенті Н.Ә.Назарбаев 1994 жылы жария еткен «Еуразиялық жобасына» кітапта ерекше көңіл бөлінген. Қазақстанда еуразиялық идеяның 2009 жылға дейін онан әрі дамуы байқалады. Қазіргі заманға сай қазақстандық еуразиялықтың маңызы мен зор

келешегі туралы қорытынды әзірленген. Мемлекет Басшысының XIX ғасырдың басында еуразиялық бастамаларды жүзеге асыру жөніндегі ролі атап өтіледі.

Кітап тарихшылар мен еуразиялық идеялардың даму барысына қызығушылық танытатын барша қауымға арналып жазылған.

Sergey Vasilyevich Seliverstov

Kazakhstan, Russia, Turkey: Eurasianism in 19th-21st centuries

The book reveals the key aspects of formation and development of the idea of Eurasianism beginning from the second half of the 19th century till early 21st century. The topic was considered on the basis of the opinions of the Kazakh, Russian and Turkish public-political circles. The author gives the views and concepts of Russian researchers (N. Y. Danilevsky, K. N. Leontiev, G. N. Potanin, P. S. Savitsky, L. N. Gumilyov) and Turkic thinkers (I. Gasprinskiy, Y. Akcura, Z. Gekalp, A. Bukeikhanov, M. Chokai, K. Karpat). It was proved that the origins of contemporary Eurasianism of 1990-2000, developed in Kazakhstan, Russia and Turkey, had been formed in public opinion beginning from the second half of the 19th century till early 21st century.

Particular attention is given to the «Eurasian project» of Kazakhstan President Nursultan Nazarbayev initiated in 1994. The author reviews further development of the idea of Eurasianism in Kazakhstan till 2009 and comes to the conclusion on importance and prospectiveness of contemporary Kazakhstan Eurasianism. The role of the Head of State in implementation of the Eurasian initiatives in early 21st century is highlighted.

The book is recommended for the historians and all those interested in evolution of Eurasianism

Селиверстов Сергей Васильевич

Қазақстан, Россия, Түркия: по страницам евразийских идей XIX-XXI веков

В книге раскрываются ключевые аспекты истории становления и развития «Евразийских идей» на протяжении широкого хронологического периода – от второй половины XIX до начала XXI века. Рассмотрение темы произведено на материале общественно-политической мысли Казахстана, России и Турции. Показаны европейские идеи и концепции российских исследователей (Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, Г.Н. Потанин, П.Н. Савицкий, Л.Н. Гумилев) и турецких мыслителей (И. Гаспринский, Ю. Акчур, З. Гекальп, А. Букейханов, М. Чокай, К. Карпат). Выявлено, что истоки актуального евразийства 1990-х - 2000-х годов, развиваемого в Казахстане, России, Турции, формировались в общественной мысли второй половины XIX- начала XXI веков.

Особенное место уделено «Евразийскому проекту» Президента Казахстана Н. А. Назарбаева, выдвинутому в 1994 году. Прослеживается дальнейшее развитие евразийской идеи в Казахстане вплоть до 2009 года. Делается вывод о значении и перспективности современного казахстанского евразийства. Подчеркивается роль Главы государства по воплощению евразийских инициатив в начале XIX века.

Рекомендовано для историков и всех, кого интересует эволюция евразийских идей.



Парамонов В.В., Строков А.В., Столповский О.А.

Ресейдің соңғы тарихи мүмкіндігі: ішкі Еуразияны меңгеру, дамыту және оның қорғанысы

Ел: Ресей. ISBN: 978-5-903387-31-1

Кітап, 2007-2010 жылдар аралығындағы В.В.Парамоновтың басшылығы астында жүргізілген зерттеудің нәтижесі болып табылады, ақпараттық-аналитикалық баяндама түрінде жазылған. Кітап мемлекет қайраткерлері, ірі бизнес өкілдері, аналитиктер мен сарапшылар, оқымыстылар мен жоғарғы оқу орындарының оқытушылары – жалпы, кәсіби түрде Ресей тарихына қызыққан, Қытай мен Орталық Азияны зерделеумен, посткеңестік кеңістіктің сенімді дамуы сұрақтарымен айналысатындарға арналған.

V.V. Paramonov, A.V. Strokov, O.A. Stolpovskiy

Last Historic Chance for Russia: Exploration, Development and Security of Inner Eurasia

Country: Russia. ISBN: 978-5-903387-31-1

This book is a result of investigation conducted by V.V. Paramonov in the period between 2007–2010' which is drawn up in a form of informational and analytical report. The book is designated for statesmen and representatives of big business, analysts and experts, scientists and university teachers and in whole for those who is professionally interested in the future of Russia and deal with study of China and Central Asia, matters of sustainable development of the post-soviet countries as well as in foreign strategy including Chinese and Central Asian directions.

Парамонов В.В., Строков А.В., Столповский О.А.

Последний исторический шанс России: освоение, развитие и оборона внутренней Евразии

Страна: Россия. ISBN: 978-5-903387-31-1

Книга является результатом исследования, проведенного под руководством В.В. Парамонова в период 2007–2010 годов, построена в форме информационно-аналитического доклада. Книга предназначена для государственных деятелей и представителей крупного бизнеса, аналитиков и экспертов, учёных и преподавателей высших учебных заведений – в целом всех тех, кто профессионально интересуется будущим России, занимается изучением Китая и Центральной Азии, вопросами устойчивого развития постсоветского пространства, а также российской внешней стратегии, в том числе в китайском и центральноазиатском направлениях.

АВТОРЛАР ҮШІН АҚПАРАТ

Мақаланы жазған кезінде келесі талаптарды ұстануыңызды сұраймыз:

1. Қазақ, орыс немесе ағылшын тілдеріндегі 10-12 беттік мәтін 14 кегілмен, бір интервалда «Times New Roman» қаріпімен теріліп, Word for Windows пішімінде сақталуға тиіс.
2. Мақаланы жазған кезде мына тұрғыдағы талаптарды ұстануды сұраймыз:
 - *Автордың аты-жөні*
 - *Жұмыс орны, лауазымы*
 - *Ғылыми дәрежесі, ғылыми атағы*
 - *Мақаланың аты (жол ортасында, нүктесіз жазылады)*
 - *Мақаланың мәтіні*
 - *Байланыс телефондары, факс, электрондық адрес.*
3. Пайдаланған әдебиеттерге сілтемені әр бетте тікбұрышты жақшада көрсетуді сұраймыз. Автор өз мақаласында қолданған дәйексөздер, сан немесе басқа да қолданған ақпараттарға сілтеме көрсетуді тиіс. Аббревиатуралар түсіндірілуін сұраймыз.
4. Мақала электронды түрде қабылданады.
5. Мақалаларға орыс және ағылшын тілдерінде түйіндемелер болуы қажет. Түйіндеменің көлемі 250-300 сөзден жазылады.
6. Редакцияның мақалаларды іріктеп алуға және авторға ескерте отырып редакторлық түзету енгізуге құқы бар.

Мақалалар журналдың электронды адресіне ir@ispr.kz, ispr@ispr.kz жіберіледі.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

При оформлении статьи просим соблюдать следующие правила:

1. Текст объемом 10-12 страниц на казахском, русском или английском языках набирается 14 кеглем, одинарным интервалом, шрифт «Times New Roman» и сохранен в формате Word for Windows.
2. При написании статьи просьба привести:
 - *Ф.И.О. автора;*
 - *Официальное место работы и должность;*
 - *Ученая степень, ученое звание;*
 - *Название статьи (прописными буквами в середине строки, без точки);*
 - *Текст статьи;*
 - *Номера контактных телефонов, факса, адрес электронной почты*
3. Сноски на литературные источники просим указывать в квадратных скобках постранично. Необходимо указать источники всех приводимых в статье цитат, цифр и иной информации. Аббревиатуры просьба пояснить.
4. Статьи предоставляются в электронной версии.
5. Необходимо наличие резюме статьи на русском и английском языках. Количество слов в резюме 250-300.
6. Редакция оставляет за собой право отбора статей и внесения редакторских правок с обязательным информированием об этом автора.

Статьи высылаются на электронный адрес редакции журнала: ir@ispr.kz, ispr@ispr.kz

INFORMATION FOR FUTURE AUTHORS

The articles should meet the following requirements:

1. A text of 10-12 pages in the Kazakh, Russian or English languages should be typed in point size 14, single-spaced, font «Times New Roman» and saved in the format of Word for Windows.
2. Writing an article please give:
 - *An author's full name;*
 - *Official work place and position;*
 - *Academic degree and title;*
 - *Title of an article (in capital letters in the middle of the line, without a point);*
 - *A text of the article;*
 - *Telephone number, fax and e-mail*
3. References to literary sources in a text should be put in square brackets by the page. It is necessary to name sources of all quotations, figures and other information cited in an article. Please explain abbreviations.
4. Articles should be represented in electronic version.
5. Articles should have an abstract in Russian and English limited by 250-300 words.
6. The publisher reserves the right to select and edit articles and would inform authors about corrections made.

Articles should be sent to the e-mail account of the magazine staff: ir@ispr.kz, ispr@ispr.kz

ҚҰРМЕТТІ ОҚЫРМАН!

Журналға жазылу жөнінде ақпаратты мына www.ispr.kz сайтынан немесе +7 (7172) 457 003, 457 002 телефондары бойынша алуға болады.

DEAR READERS!

The subscription information can be found on the website: www.ispr.kz or by phone +7 (7172) 457 003, 457 002

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ

Информацию по подписке на журнал можно получить на сайте www.ispr.kz или по телефонам: +7 (7172) 457 003, 457 002

Уважаемые читатели!

Подписаться на наш журнал вы можете по почтовому каталогу в любом отделении «Казпочты» (индекс 74270).

Стоимость подписки на год составит:
 Алматы, регионы – 1 712,87 тенге
 Село, район – 1 716,02 тенге

ПС-1 н.
 ПС-1 ф.

М.О./М.П.
 оператордың қолы
 -подпись оператора

"Казпочта" акционерлік қоғамы Акционерное общество "Казпочта"											
АБОНЕМЕНТ № (басылым аты - наименование издания)						АБОНЕМЕНТ №					
журнал						Басылым индексі					
ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕР Қоғам. Саясат. Экономика						Индекс издания					
						74270					
Ж а з ы л у бағасы			Стоимость подписки						Комплектілер саны Кол-во комплектов		
2010 жылға, айларына						2010 год, по месяцам					
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Қайда/Куда _____											
почта индексі - почтовый индекс, мекен жайы - адрес											
Кімге/Кому _____											
тегі, аты - фамилия, инициалы											
										М.О./М.П. оператордың қолы подпись оператора	

ЖЕТКІЗУ КӘРТІШКЕСІ № **ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА №**

			журналға						на журнал		
			ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕР Қоғам. Саясат. Экономика						74270		
(басылым аты - наименование издания)											
Ж а з ы л у бағасы			Стоимость подписки						Комплектілер саны Кол-во комплектов		
2010 жылға, айларына						2010 год, по месяцам					
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Қайда/Куда _____

почта индексі - почтовый индекс, мекен жайы - адрес

Кімге/Кому _____

тегі, аты - фамилия, инициалы



Әлеуметтік-Саяси Зерттеулер Институты
Institute for Socio-Political Research
Институт Социально-Политических Исследований

Institute for Socio-Political Research (ISPR-Kazakhstan)

ISPR is a dynamically developing research company which focuses on quality analysis of the socio-political processes in Kazakhstan and abroad. The main activities are based on fundamental scientific and applied studies, analytical and expert work.

ISPR Key Areas of Work

- Comprehensive analysis of interethnic and interconfessional situation
- International comparative studies
- Cross studies
- Integrated sociological research
- System analysis of political situation
- Electoral studies, exit-pool
- Rating of political leaders and parties
- Studying and creating image of politicians

The Institute for Socio-Political Research publishes a research magazine «INTERNATIONAL RESEARCH. Society. Politics. Economics». The magazine priority is to highlight current social issues. The magazine focuses on results of the research projects conducted in the CIS countries as well as all over the world.

Consulting support for the magazine is provided by famous and outstanding scientists and experts from Bulgaria, United Kingdom, Germany, India, Kazakhstan, China, Lithuania, Poland, Russia, U.S.A., Tajikistan, Turkey, Finland, South Korea, Japan – they are the members of the magazine Editorial Board.

Subscription index: 74270

Editor-in-Chief – Svetlana Kozhirova, Doctor of Political Sciences

Email: svetlana.kozhirova@ispr.kz

Contact information

010000

Astana, Kazakhstan

Tel./fax:

+7(7172) 457 002

457 003

Email:

bota.rakisheva@ispr.kz

Botagoz Rakisheva –

Program Director

Candidate of Sociological
Sciences

yevgeniya.rudneva@ispr.kz

Yevgeniya Rudneva –

Deputy Editor-in-chief

Master of Sociology

www.ispr.kz

ispr@ispr.kz

ir@ispr.kz